

ВАСИЛИЙ ГУРКОВСКИЙ

Посвящается моей малой Родине -
Слободзее.

Плохое, – одинаково для всех.
Хорошее - у каждого свое.

Василий Гурковский

К Читателю

Ты мой соавтор, ты мой критик, эксперт, оценщик или просто человек, случайно взявший в руки эту книгу, просто посмотреть.

Прошу тебя - не удивляйся, но эта книга - о ЛЮБВИ! Да, да – именно - о Любви. Когда я собирался писать очередную книгу, то долго не мог остановиться на какой-то интересной теме. На данный момент, более двадцати моих книг, Прозы, Поэзии, Публицистики, как и около ста разноплановых песен (слова, музыка, авторское исполнение), двигаются по миру в печатном и электронном виде, в поисках своего Читателя. Есть в них многое, в том числе и про любовь, простую, человеческую, естественную.

О чем писать сегодня? Ты знаешь - это довольно сложный вопрос для нынешних пишущих людей. Не смейся, - но о нынешней нашей жизни – просто нечего писать. Большинство из того, что мы сегодня видим вокруг, - не ложится на бумагу, чаще всего- непонятно, необъяснимо, грязно, гадко, бесчеловечно, противоправно, недостойно подражания и публикации, кроме как в новостных сводках и бульварной прессе. Масса всевозможной информации (чаще – дезинформации), круглосуточно, без фильтрации, выливается на головы людей, как из магистрального канализационного коллектора. Все считают, что ВСЁ знают, хотя на самом деле – это абсолютно не так.

Сегодня многие авторы, особенно молодые, не имеющие за плечами опыта реальной (читай - нормальной) жизни, и, не найдя достойных сюжетов в текущем времени, начали заниматься написанием материалов- Фэнтези, количество которых стремительно растет, обратно пропорционально их качеству. Когда иногда читаешь такие «фантазии», понимаешь, что это не что иное, как фантазии на темы фантазий.

Абсолютное большинство моих произведений любого плана - это реальная жизнь, где участниками происходивших событий, был, если не я сам, то близкие и хорошо знакомые мне люди. Просто эти материалы –из серии - «Были из нашей жизни», были мною упорядочены и художественно оформлены. Они объективны, ибо имеют под собой определенные основания.

Одним из главных недостатком популяризации моих книг сегодня, является то, что мой читатель, в большинстве своем, не носит в кармане Айфон или в сумке Айпад, и не имеет прямого доступа к моим книгам, опубликованным в электронном виде, распространяющимся через Интернет. А возможности периферийного автора, даже с наилучшими (любыми) материалами, издаться достойными печатными тиражами, – действующей нынешней системой книгоиздания, в той же России, не говоря о Приднестровье, сведены практически к нулю. Сегодня у нас – главное не книга и её воздействие на происходящие в жизни процессы, а – Деньги...

Учитывая все эти нюансы, при выборе темы, я снова вернулся к вечной теме - Любви...Но не стал придумывать новых Ромео или происхождения однополых «партнеров», популярных в нынешнее время. Я просто решил рассказать, вернее - признаться в любви, моему родному месту –селу Слободзея, спутником которого, вот уже более двухсот лет, является не менее дорогой для меня, город Тирасполь.

Пусть не вызывает снисходительные улыбки объект моей любви:- не только люди, независимо от пола, бывают такие, что их нельзя не полюбить, бывают такие и места.... И Слободзея, а точнее сказать – «Слободзейщина»- как раз из таких мест. И не только по масштабу. Хотя Слободзейский район, вместе с «внутриутробным» в нем городом Тирасполем, составляют половину населения сегодня существующей- Приднестровской Молдавской Республики, и является основной житницей Приднестровья,- для меня, да и не только меня, а и многих других слободзейцев, а также - жителей соседних районов нашей Республики и зарубежных соседей, это место всегда было привлекательным, своей удивительной и в то же время, простой красотой, уровнем хозяйствования, открытостью и добротой людей, причем - во всех населенных пунктах района, больших и малых, независимо от проживающих там людей разных национальностей. Почему я назвал эту книгу –«Капли из океана жизни?». Это – чисто по сути. В книге будут рассматриваться в виде условных концентрированных «КАПЕЛЬ» - «Село Слободзея (и местами - район), как солидная Капля из океана жизни Великой России» и малые (внутри сельские и внутрирайонные) капельки - люди и отдельные события, связанные, как непосредственно с нашей семьей, так и с другими земляками-слободзейцами.

Суть образных сравнений в том, что в любой капле, как части целого, отражается структура того же целого. В нашем случае- Все хорошее и

плохое, происходившее и происходящее в великой стране, как в капле воды, отражается в структурных её регионах, - областях, районах, городах, селах, хуторах и отдельных семьях. Просто может кому-то доставалось чего-то больше, чего-то меньше, но доставалось всем.

Как пример – по нашей семье. За 250 лет, что официально существует Слободзея – все основные знаковые события – обязательно находили нашу семью. Прадед моего прадеда, запорожский казак, один из первопоселенцев Слободзеи, был призван на службу и ходил с Суворовым А.В. на Измаил, его правнук, мой прадед, уже в 19 веке,- воевал в составе русской армии в Болгарии, с теми же турками, дед мой воевал в первую и вторую мировые войны, отец- попал сразу в финскую кампанию, в войне с Германией дошел до Кёнигсберга в 1945, а закончил войну с Японией в Маньчжурии. Не обошло семью раскулачивание и последующие репрессии. У престарелого прадеда, отняли все, что было и на месте его усадьбы – сделали в Слободзее колхоз им. Молотова. Бабушкиного брата (сына прадеда) отправили пилить лес в Архангельскую область, на 16 лет!. Его зятя – заставили строить Днепрогэс, как заключенного, а маму мою, до войны, исключили из техникума, как внучку кулака, врага народа. Когда, началось освоение целины на союзном уровне- нам с отцом пришлось распахивать казахстанские степи. Вот так в нашей семейной капле и отражались глобальные события, происходящие в великой стране. А- в итоге (в добавок ко всему) по всем нашим семьям, прокатился безжалостный каток т.н. перестройки и развал Советского Союза.

Так что нам есть о чем с тобой вспомнить, поговорить и подумать, дорогой Читатель. Давай просто полистаем солидный письменный альбом жизненных фотографий, портретных и групповых, о Слободзее и слободзейцах, вспомним или познакомимся с тем, что, возможно, видим впервые. Уверяю тебя- это может быть интересно.

Нельзя объять необъятное, поэтому в этой книге, я попробую показать только то, что знаю, видел и слышал сам, это опять же мизерная капля от всего объема слободзейской жизни. И я вовсе не собирался писать историю Слободзеи в каком-то хронологическом порядке, выписывая с художественной точностью отдельные события и портреты. На это у меня не хватило бы времени и возможностей. Я не рисую картину, а высыпаю тебе, дорогой Читатель, целый мешок «пазлов» (отдельных составных частей), из которых складывается эта самая «картина» и при желании, – ты можешь собрать общую слободзейскую панораму бытия - самостоятельно, а потом любоваться ею и передавать другим людям, предлагая им повторить сделанное тобой.

Может кто-то, познакомившись с этой книгой, тоже постарается рассказать то, что он уже сам знает. На здоровье! Я буду только приветствовать любые

объективные выступления и земляков-слободзейцев, и жителей других сел, с удовольствием познакомлюсь с любыми аналогичными материалами. Главное – больше узнать о жизни нашего села и района. Это надо не только нам. Это надо нашим потомкам и пусть уже они развивают это прекрасное место дальше. Отдельные материалы этой книги, уже публиковались прежде. Но, для полноты общей картины из жизни Слободзейщины – я их просто объединил все вместе- и новые, и опубликованные где-то ранее. Тема-то общая.

Кстати. Совсем недавно, в Казахстане, вышла моя книга «Сладкая жизнь Соленой балки». 320 страниц о жизни степного села, основанного украинцами-переселенцами, в годы т.н. «Столыпинских реформ», за 100 прошедших лет. В той книге, упоминается и родная наша – Слободзея, как главная (первая) моя родина. Будет желание - найдешь и почитаешь. А пока что- у тебя в руках, -книга о нашей малой Родине, «Слободзейщине».Хочу, чтобы знали Все, – «Слободзейские Мы!»- это звучит действительно -гордо! И по праву...

Приятного прочтения!

Автор - Василий Гурковский

«Это место особо отмечено с давних времен,
Наша общая гордость - родной Слободзейский район.
Как большая родня в нем в согласьи и мире живет,
Удивительный сам по себе слободзейский народ!»...
(Из песни Василия Гурковского «Слободзейские мы»)
(На его слова и музыку)

Глава первая. МЕСТО

В начале восьмидесятых годов прошлого века, при очередном подведении итогов уборки зерновых первой группы (колосовых), по нашему (Слободзейскому) району, после всех положенных при этом мероприятии процедур – докладов, награждений и концертов художественной самодеятельности, все участники разъехались по домам. Осталось только районное руководство и мы, ведущие специалисты районного совета колхозов и управления сельского хозяйства, курирующего совхозы района.

И подготовка, и проведение праздника Урожая, дело непростое и нервно затратное, поэтому было решено после всего - немного отдохнуть и поужинать. Традиционно, такие мероприятия район проводил на одной из больших полян Терновского леса. Этот праздник, тоже не стал исключением и, когда мы собрались за столом, обсудили события прошедшего дня, один из присутствующих, выступил с приветственным тостом, а в конце просто сказал: «Давайте выпьем за то, что мы не в Комрате!».

Еще было десять лет до развала Советского Союза и несколько лет до пресловутой «перестройки». Это был период наивысшего подъема производства и экономической эффективности по всем отраслям АПК Слободзейского района, аграрного района, равного которому по совокупности основных показателей, в Союзе не было.

Еще не было в то время «автономий» Гагаузии и Приднестровья, а Молдавия захлеб хвалила советскую власть, обещала достичь небывалого роста производства и на этой базе - выкладывать на алтарь большой страны, ежегодно, по миллиону тонн – трех главных видов местной продукции: - винограда, овощей и фруктов, и под те обещания - очень много чего получала (в том числе авансом) из союзного бюджета.

Вернемся к тому, что сказал наш коллега. Он вовсе не хотел, да и не думал как-то умалить достоинства соседей -комратцев. Он, да и все мы тогда, и позже, и сейчас, всегда относились к этому району и к людям, там проживающим, с большим уважением. В принципе, он мог назвать любой район Молдавии, хоть с правого, хоть с левого берега Днестра, и было бы уместно, но просто еще раз напомнил нам, своим землякам-коллегам, о МЕСТЕ, где нам посчастливилось жить и работать, заодно намекнув, что такое место, как наш район, требует к себе и особого внимания.

Я абсолютно уверен, что коллега, может даже и не чувствуя истиной глубины (сути) сказанной фразы, задел нас -таки за живое, потому что говорил не против кого-то, а говорил - за нас. За то счастье, которое нам выпало по жизни- находиться именно в этом благодатном Месте, здесь и сейчас.

Говорят- Что не место красит человека, а человек красит место. Я не совсем с этим согласен. Человек не красит место, он может только его Украшать. И то, если оно уже само по себе красивое. За свою жизнь мне пришлось видеть разные места и, скажу я вам, не все из них были красивые, тем более- очень. Как аграрник, бывал в местах, где люди извечно занимаются «подсечным» земледелием. Это когда на отдельных участках, корчуют, а потом выжигают деревья и кустарники, глубоко перепахивают почву, три-пять лет засевают рожью или кормовыми культурами, дальше- ничего уже не растет, ни злаки, ни травы, настолько почва обеднена. Перестают этот участок обрабатывать, оставляют на несколько лет снова зарастать подлеском и кустарником, засевают другие подсечные участки, а через несколько лет- снова выкорчевывают брошенный участок и всё повторяется по кругу.

Да будь у тех, местных земледельцев, хоть по семи пядей во лбу – ничего «красиво» у них на поле не получится, никогда, тем более –сроки вегетации природа отпускает максимум два-два с половиной месяца. Что тут успеешь вырастить, а жить-то надо....Это в северных областях той же России..

А вот, к примеру, в Таджикистане, земли пригодной для обработки- очень мало. Горы и голые скалы кругом. Отдельные семьи отыскивают любые более-менее пригодные площадки, между горами, несколькими поколениями носят туда далеко снизу, из поймы реки- сумками землю и укладывают её на камень, выравнивают, а потом- засевают чем-нибудь, используя каждый квадратный метр площади. И вдруг- налетает ливень или землетрясение случится – и пропал участок- смыло или сбросило. Опять начинают носить годами землю. А что делать- приходится.

Поэтому, когда видишь, как у нас в районе зарастают местами отдельные участки- бурьяном и кустарниками –не хочется верить, что такое возможно в таком благодатном краю, где прекрасные почвы, почти 300 дней в году-солнечных, где нет особых рельефных перепадов и рядом- днестровская вода.

Наше место обеспечено всеми главными необходимыми компонентами для нормального сельскохозяйственного производства- Земля, Тепло, Вода и главное - трудолюбивые, опытные, веками работающие на земле, люди. У нас - Да, человек имеет возможность и, в принципе, может, украсить это, уже само по себе, прекрасное место. Если, конечно, постарается.

В этой главе, как Характеристике нашего МЕСТА, мы покажем не какие-то там прожекты и соображения, а реальные возможности нашего района, уже достигнутые Уровни, которые, в принципе, при старании и желании, можно и улучшить.... Район-то остался почти в прежних границах и в тех же почвенно-климатических условиях.

Он (район), еще 30-40 лет назад, достиг почти предельно возможного уровня развития своего агропромышленного комплекса. Трудно даже представить себе, как один! Район, по объемам производства плодоовощной продукции, опережал пять бывших Союзных республик – Эстонию, Латвию, Литву, Туркмению и Таджикистан, разделяя 9-10 места, среди всех 15-ти Республик, вместе с Белоруссией!. Серьезным обобщающим (совокупным) экономическим показателем деятельности района, в те времена, выступал объем прибыли по сельскохозяйственному производству – более 50 миллионов в год. Чтобы наглядно представить эту массу вновь созданной стоимости (деньги на счетах не так впечатляют) – скажу просто: - за них можно было тогда закупить 5000 тяжелых универсальных тракторов К-700, выпускаемых на заводе им. Кирова, в Ленинграде, и выстроить их (трактора) по шоссе, от того завода, до Слободзеи (1750 км), с интервалом в 300 метров. Впечатляет!

Таких обобщающих показателей в экономической статистике не применяют, но, как человек долгое время производивший, планировавший, считавший и анализирующий в системе АПК, и выросший в Слободзее, могу с гордостью сообщить, что в лучшие годы- район производил всех (учетных) видов продукции, в порядке миллиона тонн в год! В среднем около 10 тонн на каждого жителя района, включая грудных детей или - более, чем по 30 тонн, на каждого занятого в сельском хозяйстве работника. В этот объем, входили многочисленные виды продукции, производимые в то время – начиная от плодоовощных, зерновых, кормовых, винограда и других видов культур, - до молока, мяса разных видов, рыбы, яйца, меда, коконов, семян овощных и т.д.. Сегодня, многие из тех «видов» продукции, к сожалению, перешли в разряд «забытых», занесенных в «Красную книгу» районной памяти....

Производители продукции, в то время, заботились и о завтрашнем дне, то есть не просто работали на «вынос» из почвы питательных веществ. В районе, специализированные подразделения, планомерно и ежегодно, вносили на поля по 400-500 тысяч тонн органических удобрений (навоза). Вместе с солидным количеством вносимых минеральных удобрений и пожнивными остатками, -

это давало возможность поддерживать оптимальный баланс содержания питательных веществ в почве и уверенно прогнозировать будущие урожаи. Большое значение в этом плане имели и разумные внутрирайонные межхозяйственные севообороты, при которых чередование культур производилось в интересах сразу нескольких хозяйств.

По большому счету, достигнув таких результатов, району уже не надо было стремиться к наращиванию производства любой ценой, в угоду кому-то, а совершенствоваться, в первую очередь - качественные, экономические, показатели, на которые раньше никто внимания не обращал. И, в принципе, можно было идти таким путем дальше, -улучшая, удешевляя и повышая эффективность районного АПК по всем основным направлениям. Но всеобщий антигосударственный интерес, в девяностые годы прошлого века, причем на всех уровнях, победил и в нашем районе. И случилось, как в том Таджикистане при природных катаклизмах,- почти все смылось и все разрушилось. Хорошо, что нашлись преданные этому Месту люди, и сумели-таки остановить полное уничтожение сельского хозяйства и разрушение прекрасных в недавнем прошлом, наших сел и поселков. Место начало восставать из руин и развалин, и, постепенно, по отдельным позициям, заново возвращать, не то, бывшее величие, а пытаться вернуть веру, живущим в нем людям, что жизнь продолжается, а само Место, как было, - так и есть -прекрасное и не все еще потеряно.

Почти сто лет прошло со времени официального образования нашего района. Организовывали не только его; новое административное устройство СССР шло по всей великой стране (области, районы, вместо уездов и т.п.). И наш район был бы в числе других, по Одесской области, Украинской ССР, но не получилось- с октября 1924 года- была создана Молдавская Автономная ССР. И в число первых одиннадцати районов из состава новых- Одесской и Винницкой, областей Украины, попал и наш, Слободзейский район. Бывший уездный город Тирасполь, стал центром, соседнего, Тираспольского района, к нему были приписаны села и хутора так называемой «степной» зоны, а также прибрежные к Днестру, – Парканы и Терновка. Потом к ним добавились еще три района.

Не надо быть большим мудрецом, чтобы понять простую истину: -если сразу взять неправильное стратегическое направление движения или действия, ну, например, –пойти не в ту сторону, куда нужно, то, несмотря на любые тактические успехи на этом пути, естественные или рукотворные, человек, регион или государство, неизбежно придет туда, куда ему абсолютно не нужно, возможно даже к противоположному истинной цели результату.

По моему личному мнению, образование Молдавской АССР, почти сто лет назад, и было такой стратегической ошибкой, неважно- нечаянной или умышленной, которую до сих пор не могут исправить многие, внешне вроде

бы заинтересованные стороны, ни все вместе взятые, ни каждая в отдельности. В этот процесс вовлечены многие государства и очень большие, и малые, включая непризнанную в течении уже тридцати лет – Приднестровскую Молдавскую Республику, но пока разумного решения, устраивающего хотя бы главных заинтересованных участников- не найдено. Скорее всего его(разумное решение) –никто и не ищет. Потому как всем хорошо и не до нас, жителей левобережной Молдовы, читай -приднестровцев, около 200 тысяч которых, имеют гражданство России!

Не будем вдаваться в политическую сторону вопроса, тема и жанр книги несколько другой, но, говоря о нашем МЕСТЕ, я вынужден остановиться и на этом ошибочном действии бывших (уже советских) властей, приведшем к нынешней «патовой» ситуации в нашем регионе, и принесшем горе и страдания тысячам ни в чем не повинных людей, через многие годы. Иначе не сложится полная картина.

По прошествии времени, уже по свершившемуся факту, можно сказать, что ускоренное искусственное образование Молдавской автономии, под лозунгами –«навстречу чаяниям трудящихся», «в районах, где компактно проживает большинство жителей молдавской национальности»,(приводился средний процент молдаван в будущей автономии- более 58), что- « автономия будет средством политического давления на Румынию, критерием для показательного сравнения образа и уровня жизни», - было на самом деле, чисто лоббистским блефом. Оказалось, по переписи населения, что молдаване в МАССР, составляли всего около 30% населения, а в «столичных» городах Тирасполе и Балте, этот показатель был ниже 2%...

У меня такое подозрение, думайте, что хотите, но у тех, кто усердно «пробивал» образование Молдавской автономии, при таких «критериях», были далеко не государственные или национальные интересы, а гораздо прозаичнее- забота о том, как создать новые «теплые хлебные» места для себя, «своих» людей и их родственников-компаньонов. Образование новой Республики, пусть даже автономной, - это солидные средства, солидные должности, и солидные перспективы. Не зря официальной столицей МАССР, тогда (условно) считался город Кишинев, как город на «временно оккупированной Румынией территории». По прошествии времени, когда известно, кто непосредственно занимался организацией управления и обеспечения органов власти МАССР и кто «крышевал» все эти действия, можно предположить, что причиной устранения в течении одного (первого) года существования МАССР, истинных инициаторов образования Автономии, именно «идейных», а не заинтересованных лично, -Котовского Г.И. за ним Фрунзе М.В., стало то, что они кому-то начали мешать –и в Балте (столице МАССР в то время), и в Киеве, да и в Москве.

Кто-то может быть, думает, что слободзейцы и жители других сел будущей МАССР, в то время, ходили с плакатами и лозунгами, с просьбой об автономии?. Конечно же- нет. Она им не нужна была абсолютно, даже для тех 30% молдаван, живущих среди украинцев и других национальностей. Они даже не думали об этом. У них тогда были совсем другие заботы: после всех войн и бандитских налетов, люди, получали земельные участки и начинали работать, чтобы жить. Автономия, повторяю, нужна была, в первую очередь, тем, кто имел к этому интерес, личный, и только прикрывался интересами народа. Так, у нас, к сожалению, было всегда.

Продолжение этой истории с Автономией, наглядно показало её надуманность:- когда, в 1940 году, Бессарабия вошла в состав СССР и была образована Молдавская ССР из «братской» пары – МАССР+ Бессарабия, 9 районов (из 14, т.е. -65%!) оставили Украине. Ну оставили бы уже все 14, они же раньше были, в принципе, -украинскими. Сделали бы всю бывшую Бессарабию, включая Измаильский регион, новой союзной Республикой (МССР) или, сохраняя хотя бы какие-то правила приличия,- перевели бы в состав Молдавии все 14 районов, т.е. -всю МАССР. Нет, – перевели только пять, в том числе наш, Слободзейский и соседний –Тираспольский, где располагались впоследствии, все руководящие органы Автономии. Иначе, если бы и эти районы (5), вернули бы прежнему хозяину – Украине, то все эти «органы» пришлось бы сократить и организовывать в Кишиневе –новые. Ну, кто бы это допустил! Все республиканские структуры МАССР, в 1940 году, с величайшим удовольствием покинули Тирасполь и с большой помпой и соответствующей компенсацией «за причиненные неудобства», перебрались в Кишинев, заняв там соответствующие места, как зачинатели новой молдавской государственности. Попутно прихватив с собой, все, что было наработано за годы МАССР на республиканском уровне, - театр, хоровую капеллу «Дойна», танцевальный ансамбль «Жок» и многое другое.

Они сразу забыли о тех 9-ти «чужих» районах, что остались на Украине, не поднимали вопросы о выходе Молдавии к Черному морю (им и так было неплохо) и, со временем, начали считать «чужими» те пять районов, что оставались на левом берегу Днестра, которые, собственно и дали когда-то им путевку в жизнь. И это продолжалось и нагнеталось все последующие годы. До самого развала СССР. Те, кто правил в Кишиневе после образования МССР, скорее всего, плохо учили историю, или учили -с обратной стороны, поэтому постепенно начали считать, что это не Бессарабию присоединили к сложившейся за 16 лет - МАССР, а наоборот, нас, чужих нахлебников, присоединили - к Бессарабии. И, поверьте мне, знаю, о чем говорю, это продолжается до сих пор. Целый век прошел..., а отношения не изменились, даже наоборот –обострились. Братство, к сожалению, -не состоялось.

Это все, как говорится- «Фон». Вернемся к нашему МЕСТУ и его «месте» во всех этих событиях.

Так как мы ведем разговор о нашем районе, то вполне уместно напомнить, что же нам (району) принесла эта новая тогда форма государственного устройства –МАССР. Начнем с хорошего.

Во-первых, район получил официальный статус. За ним была закреплена соответствующая территория. Это было замечательное, более-менее выровненное Природой место, с плодородной черноземной почвой, тысячи лет до этого накапливающей в своей массе питательные вещества и способной достойно воздать земледельцу благодарностью за вкладываемый труд. Территория имела удачное расположение, в виде своеобразного треугольника, основными сторонами которого были – с Востока - Кучурганский лиман, с Запада – река Днестр. Эти водные границы- пересекались на Юге района, а с Севера, территория района, вначале граничила с Тираспольским районом по линии автотрассы- Одесса-Кишинев, а с ликвидацией Тираспольского района, была расширена до границы с Григориопольским районом.

Через территорию района, уже тогда, проходило две государственные транспортные артерии – железная дорога и шоссе Одесса –Кишинев, что значительно способствовало оперативному разрешению многих вопросов с транспортировкой грузов, движению разных видов продукции и перевозкой людей, тем более -без всяких проблем с пересечением границ новой автономии. Кроме этих двух транспортных магистралей, большое значение имела дорога республиканского значения, шедшая с севера на юг, и связывающая почти все крупные села МАССР, расположенные вдоль берега Днестра. Эта дорога и сегодня в строю и выполняет те же функции, что и в момент образования автономии.

Необходимо отметить, что центром нового района было определено село Слободзея, хотя отдельные села, были основаны гораздо раньше. Здесь, скорее всего, сыграло несколько факторов в пользу именно этого села. Во-первых, оно расположено ближе к середине территории района, во-вторых, Слободзея, в то время, уже была центром волости и являлась довольно оживленным и привлекательным местом для сел, её окружающих. Большое село, состоящее из двух частей (молдавская и русская), солидная церковь, очень солидный рынок, волостное правление, куда постоянно шло движение людей, более развитая торговля, какие-то виды бытовых услуг и населяющие её - вольные, добродушные, веселые и открытые люди.

Хороший имидж, именно этому селу, принесли и годы нахождения в нем КОША (Штаба), Черноморского казачьего войска (1787-92г.г.) . В большинстве сел нынешнего района, в те годы, располагались казачьи подразделения (паланки), которые имели постоянную (организационную) связь с войсковым

штабом, что подспудно «приучало» к тому- что руководство этой казачьей линией, находится в Слободзее. А такое всегда остается в памяти, даже, через длительное время.

Здесь уместно сделать вставку, что после перевода Черноморского Войска на Кубань, в 1792 - 1793 годах), во всех селах, где казаки до этого квартировали и частично обосновались, осталось довольно много тех, кто на Кубань не переехал, по разным причинам. В том числе и мои предки. Именно они, оставшиеся казаки (многие уже семейные), и стали теми семенами свободы, вольности, порядочности, геройства, бесшабашности и верности, посеянными в этом МЕСТЕ.. Это была какая-то особенная, сплоченная народность, без разделения на национальности или какие-то группы - секты. И –главное – это были свободные люди, в своих мыслях и действиях, но в пределах российских государственных правил и религиозных норм. Здесь придется добавить, что это вольное, во многом «казачье» ядро, сохранилось и проявляется, через поколения, до сих пор. Потому «слободзейцы» и отличаются от жителей других районов Левобережья Днестра, при всем к ним уважении, а уж тем более –от правобережных районов Молдавии. Совсем другая ментальность, и это не вытирается и не вымывается. Это- жизненный стержень, на который нанизывается все остальное.

К положительным, надо отнести и тот факт, что с образованием МАССР, - центральной власти в Москве, и республиканской, в Киеве, пришлось «отрабатывать» обещания, выданные в период довольно бурной и противоречивой борьбы за создание Автономии, развернувшейся в свое время между отдельными авторитетными властными (советскими) группировками. Можно с уверенностью сказать, что, не будь образована МАССР, те левобережные районы по Днестру, что вошли в её состав, стали бы обычными районами Одесской области и, конечно же, не заслужили бы какого-то особого внимания областных властей. Областной бюджет не смог бы их обеспечить и облагородить так, как это сделала власть из союзного и республиканского (украинского) бюджета. За 16 лет Автономии, территория МАССР, получила на свое развитие, столько всего, сколько не получила за все годы, прошедшие с тех пор, когда эти земли отошли во владение России.

Богатейшая земля и наличие воды для орошения, поставили вопрос о развитии орошаемого земледелия, расширения площадей под овощеводство, садоводство и другие, необходимые и выгодные направления растениеводства. Уже в начале тридцатых годов, в районе была оперативно построена Карагашская оросительная система, покрывающая площади на 6000 га. Быстро расширяющиеся площади орошаемых земель, и увеличение производства продукции плодоводства и овощеводства, требовали наличия перерабатывающих предприятий, и они тоже появились на Левобережье, в начале тридцатых, в том числе, одним из первых –завод «Октябрь», в нашем

районе. Для научного обеспечения расширяющегося фронта работ в регионе, пришлось организовывать научно-исследовательские учреждения, опытные станции, начинать готовить специалистов для новых отраслей и направлений. Расширять сеть школ, средних специальных учебных заведений, расширять и облагораживать сельскую инфраструктуру. Появилась необходимость в новой, современной по тем временам технике и оборудовании, и в совершенствовании использования всего уже наработанного. Как сегодня говорят-«процесс пошел» и он втягивал в себя все новые и новые направления и, естественно, требовал все больших капитальных и текущих материальных и финансовых вложений. И они шли, шли, минуя областные бюджеты, целенаправленно, напрямую, на нужды МАССР, тем более, что их отдача тоже была высокой, осязаемой и, естественно -показательной. Товар, как говорится, выставлялся «на лицо» и был смысл продолжать развивать регион и дальше. Под такое развитие не стыдно было просить средства, так как не стыдно было и показывать результаты. Можно с уверенностью сказать – то, что мы не стали в то время рядовым, возможно даже «заштатным», районом Одесской области, а вошли в состав МАССР –сыграло положительную роль в становлении и развитии нашего района по всем направлениям жизни. За годы, прошедшие до образования Молдавской ССР в 1940 году, Слободзейский район, добился значительных результатов в своем развитии по всем основным показателям и уверенно занимал лидирующие позиции среди всех 14 районов бывшей МАССР.

Как бы это смешно не звучало, но в становлении территории нашего района, положительную роль сыграли в свое время – румыны, понятно, что румынские власти. Хоть один раз, да какую-то пользу удалось от них поиметь, и именно в период, предшествующий образованию МАССР. Дело в том, что наш «кормилец и поилец»- река Днестр, имеет очень своенравный и непредсказуемый характер. Он не любит иметь дело с излишним напряжением и иногда меняет свое русло, используя более удобные места для своего прохождения. Так было много лет назад, в районе нынешнего села Копанка, где Днестр решил не упираться в высокий правый берег и замедлять свое течение, а промыл себе проход по – над селом Слободзея, забросив свое прежнее русло.

В нашем же случае – Днестру не понравилось упираться в высокий, да еще извилистый, правый берег между селами Чобручи (молдавскими) и Раскайцы. Он решил пойти по пути своего левого рукава –Турунчука, да так настойчиво, что очень скоро основной его фарватер переместился бы на Турунчук, а прежнее русло, возле Раскайцов, Пуркар, Олонешт, превратилось бы в «Старый Днестр», как и под Копанкой. По договору между СССР и Румынией, оккупировавшей в то время Бессарабию, граница между ними шла по Днестру. Так и было сказано -«где течет Днестр». Румыны начали

действия по «засорению» основного русла реки, чтобы ускорить процесс перехода основной массы воды через Турунчук. Но наши власти постарались и оперативно поставили дамбу, наглухо закрывшую слив днестровской воды в Турунчук, пустили по той дамбе пограничников и инцидент на этом был исчерпан. Днестр так и шел по главному руслу, а богатейший, много гектарный остров, называемый сегодня «Островом сокровищ», между Днестром и его рукавом –Турунчук- отошел к СССР, а чуть позже –вошел в территорию нашего района. Я привел этот пример потому, что, если бы тогда румыны не выставили требование о границе по течению Днестра и, если бы мы отдали остров Турунчук, то Днестр, за прошедшие сто лет, наверняка пробил бы дорогу именно через свой рукав, покинув старое русло. Острова Турунчук просто бы не стало. Это место (бывший остров) вошло бы в состав, вначале (до 1940 года) Румынии, потом Молдавии, но не в нашем районе, а сегодня, находилось бы в одном из районов суверенной Молдовы. Но точно не в Слободзейском. А раз остров Турунчук сегодня находится в нашем районе, значит румыны тогда, сами того не желая, -помогли нам сохранить «территориальную целостность». И такое бывает....

Без всякого преувеличения можно сказать, что в организационно-территориальном и экономическом плане, вхождение нашего района во вновь образованную МАССР, принесло довольно много положительного. И если бы система развития молдавского Левобережья, так же продолжалась и разумно совершенствовалась, и в масштабах объединенной Молдавской ССР, то нам, живущим здесь людям, можно было бы только радоваться и благодарить тех, кто там, над нами и Того, кто еще ВЫШЕ.... Причем -до сих пор. Но - вмешался, как всегда, пресловутый человеческий фактор и перечеркнул достигнутое и наработанное за все годы, со времени образования той самой МАССР. Включение пяти наших районов по левому берегу Днестра, в состав, МАССР, а потом и МССР, как показало время, стало главным ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ действием, приведшим не только к антагонизму жителей Молдовы по обеим сторонам Днестра, но и к военным действиям и гибели людей.

Суть в том, что нас, жителей Левобережья Днестра, решили резко развернуть вниманием в обратную сторону, на Запад. Все годы, после образования городов Одессы, Николаева, Тирасполя, жители, в частности, сел нашей зоны, то есть нынешнего Слободзейского района, тяготели к ним, кормили и поили их, что называется со дней – рождения. От Слободзеи до Одессы, около ста километров, а до Кишинева -75. Казалось бы, гораздо ближе. Но, видел ли кто – ни будь наших сельчан, торгующих своей продукцией на рынках Кишинева?. Я, например –не видел. А на всех рынках Одессы, почти двести лет подряд –доминировали слободзейцы. На волах, на лошадях, позже- на автомобилях, даже пешком, ведь от границы района до

Одессы - всего 70 километров! Добирались кто как мог, делали свои дела, торговали, работали, учились. Да и за покупками в магазины, наши люди всегда обращались к Одессе и Тирасполю. Потому, что там - и покупатели, и продавцы- одной ментальности, для обеих сторон даже простое общение – уже полдела. Поэтому, многие годы, наши люди тянулись к «востоку». Туда же тянулись на учебу, на работу, на военную службу, общались с родственниками. И все это без всякой неприязни, грубости или ненависти к людям с «запада», тем, кто жил за Днестром, да и за Прутом, -тоже. Просто мы - другие, но это не мешало нам по – хорошему, при необходимости, общаться и даже дружить. И при царской власти, и при МАССР, да и при Молдавской ССР, мы безо всяких проблем, так и продолжали обращать основное внимание в сторону того же Востока. Так нам было удобней и комфортней. С развалом Советского Союза, после обретения независимости Молдовой и Украиной, а потом и установления ими границ и таможенных постов, те пять оторванных когда-то от Украины, левобережных районов, перешли в разряд «изгоев». Население Приднестровья не приняло националистическую политику молдавских властей, на русофобской основе и создало свою Республику –Приднестровскую Молдавскую и она уже 30 лет находится в подвешенном состоянии: - с Запада -Молдова, которая считает территорию ПМР своей и пытается забрать, даже силой, а наши люди не могут там жить , да и не хотят; с Востока –Украина, куда мы не против попасть, но нам не разрешают. Получается –куда не хочешь- тянут, куда хочешь- нельзя.

И ведь -Неправильно с любой точки зрения! Нельзя выворачивать человеческую душу наизнанку, требуя при этом признания и благодарности. Нечто похожее происходит сейчас и в соседней Украине, только в других масштабах. Тоже хотят развернуть сознание людей, тысячу лет повернутых к Востоку - в противоположную сторону. Вряд ли это получится. Не так просто вырвать тысячелетний корень, но если его все-таки вырвут - все дерево их жизни обязательно рухнет.

Я преднамеренно заглянул в рассуждениях о нашем районе, в настоящее время, просто, чтобы показать, как недостаточно иметь чудесное место, с плодородной землей, наличием поливной воды, теплым климатом, работающими, знающими, опытными людьми и всем необходимым сопутствующим, – надо еще иметь трезвые про государственные органы Власти на всех уровнях, иначе будет так, как было в конце прошлого (20-го) века, когда все рухнуло.

Так и хочется сказать –зачем и кому в итоге, нужна была та, Молдавская автономия, способствующая в итоге тому, что мы (Приднестровье), пережив страшное время, остались никому не нужны - ни Западу, ни Востоку?. Я и лично не доволен тем, что случилось в 1940 году, при образовании МССР.

Читатель, ты -можешь смеяться. Мне не смешно. Молдавская ССР была образована 2 августа 1940 года. Я родился – 17 августа того же года, то есть через 15 дней. На две недели опоздал родиться на Украине. И потом, всегда, при заполнении различных анкет и при ответах на устные вопросы, где родился, - вынужден был отвечать – в Молдавии....

О сегодняшней жизни нашей Слободзеи и района, ты, дорогой читатель знаешь лучше меня, поэтому, мы вернемся к описанию нашего прекрасного Места. Оно действительно прекрасное. Мне пару раз приходилось облетать наш район на вертолете, причем летом, во время случавшихся масштабных наводнений, когда «трещали» местами наши обваловочные дамбы по берегам Днестра и возникали опасные ситуации в отдельных местах.

Как прекрасен наш район с высоты птичьего полета! Да и с земли, он выглядел не менее красиво. Мне по роду службы, часто приходилось ездить по хозяйствам. Много в районе было замечательных мест. Нет у нас гор, ущелий, водопадов, различных роц и другой экзотики. У нас другая, «производственная» красота. Я, когда ехал, к примеру, в Ближний Хутор, то чаще, не напрямую, через Тирасполь к колхозной конторе, а заезжал по объездной дороге, со стороны Украины, там, среди полей, шла прямая дорога к центру села. По обеим её сторонам –смотришь и любишься! Чего там только нет! Вот, прямо у дороги, изумрудной стеной почти трехметровой высоты, горделиво стоят кукурузные стебли, на каждом по 2-3 кочана. Не меньше 100-120 центнеров зерна может дать на гектар. А рядом с этим участком,- через полевою дорожку- отливая золотом, колыхается пшеничное поле. По внешнему виду колосьев – даст центнеров 60-70 с гектара, не меньше. Следующая «клетка» - подсолнечник. Здесь - никаких слов не хватит, чтобы описать это чудо. Ровные, как будто подстриженные, ярко зеленые стебли, с аккуратными, похожими на дамские головные уборы, шляпками, с темнеющим верхом и золотистыми лепестками-ресницами, которые постоянно обращены в сторону солнца. Они весь день, по внутренней природной команде, поворачиваются вслед за движущимся светилом, впитывая и синтезируя энергию его лучей. Не зря и называют это чудесное растение-ПОД – Солнечник. Это не просто подсолнечник (в этом хозяйстве). Здесь сеют только высокоинтенсивные сорта. У него не огромные, как мексиканские сомбреро, головки, а даже меньше средних размеров, что улучшает процесс и качество комбайновой уборки семян. Но сорт дает более 30 центнеров с гектара, при содержании масла в семенах более 50%.

А слева от дороги- усыпанные рубиновыми плодами, кусты томатов. Да по ведру с каждого куста будет!. А дальше -сверкает сочными зелеными листьями свекла. И так до самого магистрального оросительного канала, то сады, то овощные плантации. И все – в ярких сочных и «вкусных» красках. Когда летишь над этим прекрасным разноцветным живым лоскутным

«одеялом», так и хочется погладить его руками и во весь голос крикнуть в раскрытую дверь: «Спасибо, Земля, Спасибо, Люди!».

Естественно, не везде все было одинаково, но общий уровень хозяйствования на земле в нашем районе, был значительно выше и не только в Приднестровье. Обсуждать это можно, но спорить кому-то с этим фактом – думаю, - не стоит....

Не зря говорят, что красота требует жертв. Уж кто-кто, а я это очень хорошо усвоил и почувствовал в разные периоды своей трудовой деятельности. Видно так совпало, как «наказание» Господне, за работу в красивых местах. Много лет возглавлял экономическую службу колхоза, еще в Казахстане. Несколько избирательных сроков, возглавлял партийную организацию хозяйства. Но была у нас одна «беда» - жили слишком «красиво». Лучшее хозяйство в области по производственно-экономическим показателям, по улицам -асфальт, два водопровода- питьевой и поливной воды, большой современный Дом Культуры, отличная столовая, спортивный зал и многие показательные производственные помещения разных направлений. За такие наши «заслуги», большинство обще районных мероприятий проводилось в нашем хозяйстве. Чтобы там ни было –слеты животноводов, всех вместе, потом –по направлениям, трактористов-комбайнеров, комсомольцев и беспартийных, кооператоров и спортсменов- всех везут к нам. У нас же все лучшее. Понятно, что мы там- на третьих ролях –наше дело -обеспечить место, накормить и напоить, и, в случае чего, получить взыскание за какое-нибудь «необеспечение» чего-то или кого-то.... Остальное берут на себя представители власти, в зависимости от уровня проведения мероприятия- район или область.

Появится какая-нибудь иностранная делегация в Казахстане, то индусы, то австралийцы, то монголы или мексиканцы, везут её через весь огромный Казахстан, в наше село, за 2200 километров, как будто рядом возле Алма-Аты, не было куда повезти. Может там и на самом деле, не было куда везти, так нам от этого не легче.

Вернувшись в Слободзею, десять лет работал в районе. Опять «повезло» - лучший район, постоянный «штатный» принимающий гостей, своих и зарубежных. Поверьте на слово, 99% союзных и, особенно зарубежных гостей, прибывающих в Молдавию, как раньше говорили по «обману опытом», обязательно направляли в Слободзейский район, и не просто в район, как это делалось по другим местам, а чаще - целенаправленно - прямо в Межколхозсад «Памяти Ильича», или колхоз им. Мичурина или Ро «Колхозживпром»и т.п.. Доходило иногда до абсурда: - первые лица из руководства района, постепенно старались всячески избегать участия в таких «приемах», они же не железные, -бывало по 4-5 делегаций в неделю. Очередь на смотровую вышку в Межколхозсаде. Сам видел - одну делегацию, тех же

немцев (так было со мной), угощаем наверху, в приемно-смотровом зале, а внизу парится на солнце и возмущается -японская делегация. Достали они нас (нашими же достижениями) окончательно, в те годы. Система была такая. И со всеми надо было пить..., а то обидятся и накапают где-нибудь, там, откуда их к нам послали. Скандал. Гости-то каждый раз меняются, а наши, принимающие –одни и те же....

В систему нашего района входило и НПО «Днестр». Работал я в этом объединении, уже после района, в качестве заместителя генерального директора. И там тоже не было отбоя от всевозможных гостей, потому что НПО так же входило в перечень мест для обязательного внутрирайонного посещения. Ну а как же- наука, селекция, частная генетика, выращивание способом «инвитро», экспериментально - опытная переработка овощей, специальные образцы машин и оборудования, и т.д.. Прогресс! Да и обязательно накормят, и опять же -напоят. Гости посещали НПО с удовольствием.

Но все это мелкие издержки нашей районной жизни и никуда от них не денешься. Красота, действительно иногда требует жертв. Хочешь быть красивым и привлекательным- старайся и работай. Так говорят и поступают не только женщины....

Конечно же, высокий имидж района, создавался не его внешней красотой. По крайней мере- не только. Он (имидж) создавался трудом живущих и работающих здесь людей. Так сложилась жизнь у нас, в большой России, за много лет. Чем мы, особенно село наше, отличаемся от так называемой «западной» цивилизации? Общностью, человеческим коллективизмом. Здесь неуместны какие-то заявления о колхозах и т.п.. Это уже формы организации труда людей. А мы говорим о коллективном Образе жизни. Не о каком-то абстрактном коммунизме, когда всем «по потребности» и когда всем всё «до лампочки». Чтобы чужому объяснить коллективизм нашего села, не хватит словаря любого иностранного языка. А его (коллективизма села) главными показателями являются: -люди знают друг друга, знают сильные и слабые стороны односельчан, готовы мириться с отдельными недостатками, всегда обязательно помогут, поддержат, защитят, научат, если надо- поругают, накажут и направят, не бросят в беде, посоветуют и, - еще можно перечислять десятки подобных действий. И все это – не выпячивая, а как само собой разумеющееся, так, походя, без всякой оплаты, и – постоянно. Наш сельский коллективизм –это есть продукт высшей пробы, синтез многовековых Человеческих взаимоотношений. И имидж района как раз и нанизан на этот стержень.

Именно коллективизм, как организационно- экономическая и нравственная категория, позволил Слободзейскому району, в свое время, занять достойное место среди нескольких тысяч сельских районов бывшего Союза, пережить

кризис конца прошлого века и продолжать подниматься и развиваться уже сегодня.

Так сложилось у нас, и давно, что основные производственно-организационные вопросы сельского хозяйства, «переваривались» и решались на районном уровне. Дальше по иерархии – область. Республика, Государство – шли другие проблемы и их решения. Район был и есть – поле боя, где собственно и решаются такие вопросы.

Наш район все годы, с момента его образования, решал эти вопросы собственными силами, причем на всех основных уровнях. Если председателей, особенно после войны, когда было много небольших колхозов – присылали извне, – Украины, России, то, после укрупнения колхозов, в начале пятидесятых годов, их руководители в большинстве своем – были местными уроженцами. С правого берега Днестра прибывали иногда претенденты на должности руководителей и ведущих специалистов, но чаще всего их присылали, чтобы карьерно «прогнать» через такой солидный район в течение некоторого времени, в порядке трамплина для какого-то назначения уже на другом уровне. Основная масса специалистов-отраслевиков, прибывала в район, из Украины, России, потом начали прибывать после учебы и свои, местные выпускники. Дальше вниз, – должности бригадиров, заведующих фермами, звеньевые и другие организаторы производства, а также рядовые работники – всегда были местные.

Я это к тому, что наших людей, в том числе руководителей и специалистов-аграрников, на правобережную Молдавию не направляли. Возможно, и были какие-то единичные случаи по необходимости. А, насколько я знаю, по работе приходилось общаться с коллегами, в районах по правому берегу Днестра, специалисты, да и руководители, меняли места работы по десятку раз и знали все друг друга по всему Правобережью Молдовы. У нас в районе такого не было. Даже переходы из одного района Левобережья в другой – на всех уровнях, были редкостью.

Стабильность и отсутствие текучести кадров, на всех уровнях, тем более – подготовка, разумное использование и сохранение местных специалистов – конечно же тоже благоприятно сказывались на положении дел по всем направлениям деятельности аграрного сектора района.

Вот так, дорогой мой читатель, общими усилиями, наши люди, украшали, украшают и – будут украшать это прекрасное Место, которое многие называют обобщенно – «Слободзейщина». «Свято место – пусто не бывает» – это правда. Поверь мне, много повидавшего разных мест на Земле, – таких мест на свете очень мало, где просто – НОРМАЛЬНО, по всем параметрам. Не холодно и не жарко, не сухо и не сыро. Где все главное, жизненно необходимое, хорошо растет. Где живут такие прекрасные люди, которые могут не только здорово работать, но и петь, пить, играть, заниматься спортом, растить детей,

писать стихи и книги. Где дороги на все четыре стороны света. Где говорить можно на любом языке и тебя поймут. Где можно питаться настоящими продуктами, - овощами и фруктами без избыточных нитратов, настоящим мясом и настоящей рыбой и яйцом, а не белковыми суррогатами, которыми давятся наши зарубежные «друзья».

Я всегда помню, чувствую и радуюсь, что есть на Земле такое МЕСТО, где живут почти сто тысяч счастливых людей, которые могли бы жить ещё более счастливо на своей земле, если бы кто-то из тех, кому все время чего-то мало, обратили внимание на их судьбы. И это место – моя родная Слободзейщина.

А ведь, возможно доживут наши дети и внуки, до того времени, когда родная наша река Днестр, станет главным проспектом в нашем регионе. И на всем её протяжении по нашей земле! Очищенная, облагороженная, вся сверкающая рекламными и осветительными огнями, с десятками красивейших пристаней по обоим берегам, с кафе, торговыми центрами, всевозможными увеселительными заведениями, снующими туда-сюда катерами - лодками, и просто прекрасными уголками Природы. И ни откуда - не стреляют!!! Рай для туристов и живущих на этой земле людей!

А что - разве кто-то этого не желает?!

Глава вторая. СЕЛО

Мне посчастливилось родиться в селе Слободзея. Сегодня оно считается городом; я не буду заострять внимание читателя на этом, потому, что считаю, что городом надо быть, а не «слыть», тем более – что все события и действия, описываемые в этой книге, происходили до того, как село стало городом, значит с его статусом никаких проблем -возникать не будет.

Два с половиной века, живет мое село и почти треть этого срока- мы прошли вместе, так что у нас с ним есть что вспомнить и о чем рассказать, напрямую, от первого лица. Нам нечего скрывать друг от друга, тем более, нет смысла что-то приукрашивать или говорить неправду (при многих живых свидетелях!).

Слободзея возникла вначале, безо всякого плана, в смутный период очередной русско-турецкой войны. Первые поселенцы начали осваивать эту территорию, с возвышенного холма (на северо-западе нынешней Слободзеи, в её «молдавской» части), потому что, скорее всего, видели, насколько опасен Днестр, в период весеннего половодья и летних наводнений, когда река заливала пространство - от Копанки - и до высоких песчаных круч у облюбованного поселенцами холма. Днестр, в такие времена, не просто выходил из берегов, а покрывал водой низкий плавневый «треугольник», где сегодня расположены дачные участки и главный слободзейский пляж, и - направлял свое течение мимо высоких круч вдоль левого берега, одновременно заливая всю долину вправо, до самого русла «Старого Днестра».

Если бы не было опасности быть затопленными рекой, вряд ли на той части села люди начали бы селиться, по той причине, что там изначально не было достаточно питьевой воды, как бы это странно не звучало. На этой, позже т.н. «молдавской», части, было всего несколько очень глубоких колодцев и практически все с соленой водой. Это значительно осложняло жизнь первопоселенцев, хорошо еще, что рядом был Днестр, долгие годы обеспечивающий их нужды в питьевой воде. И так продолжалось почти двести лет, до шестидесятых годов прошлого века, когда на этой(молдавской) части села проложили водопровод.

Поселенцы назвали это село –Слободзея, от корня «Слобода-Свобода», видимо у них имелись на то причины, позже к этому названию добавилось уточнение – «молдавская». Это уже когда рядом появилось еще одно село, в

нескольких километрах ниже по берегу Днестра, тоже на склоне холма, с высоким обрывом в западную сторону, выходящим к реке, и с пологим, удобным для поселения, постепенным уклоном - к востоку. Новое село появилось уже не стихийно, а по высочайшему повелению, на землях, отведенных в пользование организованному в основном из бывших запорожских казаков, -Черноморскому казачьему войску. Новому поселению не стали придумывать новое имя, а назвали тоже Слободзея, с приставкой «русская». Так они и сосуществовали две эти Слободзеи, вполне автономно, каждая со своими органами местной власти и своими проблемами-заботами, почти двести лет. Хотя, живущие в обеих частях люди, да и жители соседних сел, считали Слободзею единой, и только для уточнения какого-нибудь адресного места- добавляли приставки –«русская или молдавская».

Появлению и развитию русской части способствовало в первую очередь то, что на этом месте, одно время, находился КОШ (Штаб) Войска. Здесь было сооружено земляное укрепление, были расквартированы несколько казачьих подразделений, которым требовались провиант и какие-то хозяйственные услуги. За время пребывания казаков и их штаба в течение нескольких лет, территория обживалась и постепенно застраивалась. У казаков начали появляться семьи, одни приезжали из мест бывшего пребывания, другие образовывались уже на месте, в Слободзее. После перевода Войска на Кубань, большинство из тех казаков, кто остался в Слободзее, по разным причинам-начали вживаться в новое место, строить дома-мазанки, распахивать и окультуривать землю. Им это место понравилось. Украинская, как сегодня говорят- «диаспора», в первое время- доминировала, то есть – была наиболее многочисленной. Скорее всего, в самом начале, этой части села, больше подходила бы приставка- «украинская». Украинцы компактно расселялись в центральной и юго-западной части нового поселения. Мы еще застали отголоски условного деления села на своеобразные зоны обитания: Основная зона, потом - Выпханка - улица по-над Днестром, отсекающая основную зону от берега. Её называли так не зря. По преданиям- там разрешали селиться неуютным обществу людям. Их как бы «выпихивали» на окраину. Улица шла - от Украинского кладбища – на юг, до конца села. Дальше начиналась зона, заливаемая в половодье - Днестром.

Северо-западный угол села, называли «Цыганщина», из-за сборности и разнородности проживающего там населения. Значительную часть села занимала так называемая «Гора». Это несколько улиц вдоль всей русской части, начиная от нынешней улицы Пушкина и вверх до шоссе Тирасполь-Незавертайловка. Долгие годы в украинской части села, существовало такое выражение -«чоловик с горы». Это означало, что человек этот приехал позже, скорее всего- русский, ну, по крайней мере, не украинец и живет на одной из улиц, на «Горе». На «Горе» -была победнее земля, было больше проблем

с питьевой водой. Это условное разделение по «микрорайонам», существовало почти всегда. На украинской части – была своя школа на украинском языке и свое кладбище, существующее по сей день, на условно русской части – тоже была своя школа на русском языке и свое кладбище. Обе эти школы были четырехклассные, их выпускники вместе переходили в общую, семилетнюю, позже среднюю школу, расположенную в центре села.

Места для расположения обеих частей Слободзеи – молдавской и русской, были выбраны удачно, поэтому никаких неожиданных катаклизмов за все время – не наблюдалось. Молдавскую часть никогда водой не заливало, она вся находится на возвышенности, а русскую часть, в прежние времена, когда не было обваловочных дамб, иногда, когда Днестр выходил из берегов, вода рассекала по середине, заходя солидным рукавом, в районе нынешнего паромы, пересекая наискосок нынешнюю улицу Советской Армии, а далее – по улице Пушкина шла на юг до конца села и выходила в плавни между Слободзеей и Чобручами или выходила опять на Днестр.

Этот рукав на какое-то время отделял верхнюю часть села от остальной, но был проходным и особых проблем для жителей обеих сторон – не представлял. Просто, через время, высыхал и – все. С учетом возможного появления такого «аварийного» рукава, и был обустроен центр Слободзеи (русской). Большой рынок, при нем – тоже большая площадь для стоянки прибывающих на рынок повозок, привязи для скота, выставленного на продажу и для верховых лошадей. Все это располагалось на более высоком месте, в сторону основного села. Еще выше стояла большая красивая церковь, обнесенная высоким каменным забором, а дальше шли торговые точки. Это место долгие годы было тем «Магнитом», который притягивал к себе не только людей, живущих в слободзейских частях (молдавской и русской), но и из большинства окрестных сел, по обеим сторонам Днестра. Это было главное место общения. Сам факт того, что в Слободзее в начале 20- века, проживало более 10 тысяч жителей, уже говорит о многом. Не в каждом городе, в то время, имелось такое население.

Слободзея старше городов Одессы и Тирасполя, и всегда относилась к ним по-родственному, по-отечески, посильно помогая им в своем развитии, как продовольствием, так и рабочей силой.

Ничего нового я здесь не скажу, но просто напомним, что первые 170-180 лет, в Слободзее (в обеих его частях), сложившийся уклад жизни, оставался практически неизменным. Мои ровесники и люди постарше, как раз застали еще тот переходный период, который начался где-то в конце двадцатых годов прошлого века и продолжался до середины пятидесятых. Уже к середине прошлого века начался тот своеобразный «мутационный» период, характеризующийся вначале резким развитием и всеобщим подъемом, а

закончился катастрофическим развалом всего, в том числе и более-менее налаженной сельской жизни.

Что же представляла собой эта самая сельская жизнь Слободзеи в совсем недалеком прошлом? Каких-нибудь 30-40 лет назад? И какое место нашего села в окружающем мире?.

Если при царе, центром экономической и общественно-воспитательной жизни села, была его «русская часть», в силу разных объективных причин, то с приходом советской власти, а потом, после образования Молдавской АССР и придании Слободзее статуса районного центра, все действующие органы которого, разместились на «молдавской» части, приоритет в развитии начала получать именно эта часть. Оно и понятно- организовывались различные районные управленческие структуры, хозяйственные службы, под это выделялись дополнительные бюджетные средства, привлекались необходимые люди-специалисты, которых, в свою очередь, надо было обеспечить элементарно необходимым, и пошло-поехало. На развитие русской части села таких средств не выделялось и за полвека, молдавская часть в своем развитии, ушла далеко вперед. И водопровод там появился на 20 лет раньше и другие объекты (производственные, социально-культурного плана)- тоже.

Несмотря на такую разницу во внимании, даже и после объединения обеих частей Слободзеи в единый поселок городского типа, это не стало причиной каких-либо разногласий или недовольств. Жители русской части, понимали, что райцентр надо поднимать и облагораживать, поэтому просто считали всех живущих в Слободзее - односельчанами, одинаково любили свое село, независимо от национальности. Перенимали друг у друга все, что было хорошее, вместе работали, вместе гуляли, вместе воевали, если было надо, и вместе молились, если прижимало.

По всем селам нашего района до середины пятидесятых годов, жизнь в общем плане, была однообразной, в давно определенном ритме. Во всех селах -не было электричества, радио, были плохие и очень плохие дороги, большинство сельских работ выполнялось вручную, люди перемещались и внутри села, к местам работ и обратно – пешком, в лучшем случае, на большие расстояния- на лошадях или волах. Живая тягловая сила - была в то время- в большом почете и основные (так и назывались –«конно-ручные работы») в сельскохозяйственном производстве, производились с её помощью. Сотни лошадей и волов использовались ежедневно в колхозных бригадах и на фермах.

Мы еще застали то время, когда, начиная с 3-4 часов утра, село приходило в движение, как перед каким-то военным наступлением. По холодку выезжали из колхозных дворов и направлялись в поле, большие высокие арбы, для перевозки легких объемных грузов (соломы, сена, веток), как правило –на

воловьей тяге, конные повозки и площадки, а также – различные небольшие сельхозорудия, тоже на конной тяге. В это предрасветное время, село наполнялось перезвоном колес, топотом и ржанием лошадей, окриками ездовых. Люди продолжали традиции предков и после коллективизации. Выходили на работу рано, чтобы успеть сделать то, что было положено сделать каждому в этот день – кому ехать в поле, кому в город, кому на станцию Новосавицкая, куда приходили грузы для Слободзеи. Расстояния по нынешним меркам – небольшие – 10-15-20 километров, но на волах, да и на лошадях, чтобы проехать их – нужно время.

Это уже позже, в 70-80-х, мы стали такими «обмеханизированными», что ликвидировали лошадей, и миску борща в поле, к каждому трактору или комбайну, стали возить на тракторе или на грузовой машине. Это мы стали такими «богатыми», что работали по 4-5 часов, а горючее сливали в канавы, чтобы «узаконить» приписанные тонно-километры и гектары. Это мы, после отмены трудодней в колхозах в 1966 году, начали требовать начисленную правдами и неправдами «гарантированную» оплату труда, независимо от результатов производства и так довели село (в общем) – до развала.

А у предков наших, – все гарантии держались на трех опорах – Труд, Старание-Урожай. Они работали физически во много раз больше, получая вознаграждение во много раз меньше, но были уверены, что строят новую жизнь, для нас. И они её почти построили, да не удержали.

Как уже было сказано – жизнь в прежние времена, и в Слободзее и во всех селах района, протекала примерно одинаково, ну, где получше, где похуже, в зависимости от обстоятельств. Но были и свои отличия, в той же Слободзее.

Побывав в своей жизни во всех областях Украины, Белоруссии, Казахстана, Средней Азии, России – от Балтики – до Байкала, в Крыму и на Кавказе, я так нигде и не видел, чтобы стены сельских домов, строили просто «из земли».... Такого больше я не видел нигде. Да чего там далеко ходить – такого не было даже в молдавской части нашего села.

Сам в молодости, не раз участвовал в «субботниках» по строительству таких стен, еще до появления в наших местах в достаточном объеме – кирпича, пиленого котельца, различных блоков и т.п.. Технология довольно простая, но основательная и надежная. Застройщик определяет параметры будущего дома, готовит траншею под фундамент по всему периметру здания, для будущих стен и перестенок, устанавливает, опять же по всему периметру – опорные столбы под скользящую опалубку и... собирает побольше людей (соседей, знакомых, родственников), независимо от возраста. Все это делается вручную. Делают сразу две работы – начинают копать яму под погреб, а землю носят и засыпают в опалубку, на стены, без какого-либо смачивания водой. Что интересно – фундамент не заливают, а тоже – просто

утрамбовывают. Люди носят землю, человек 8-10 специальными трамбовками, её утрамбовывают. Один-два наемных мастера, управляют процессом. Забили пространство на одну опалубочную доску, укладывают поперек будущей стены простые деревянные палки-«качалки», в порядке связующей между слоями арматуры, затем поднимают опалубку на доску выше и все повторяется. Всегда – за один день – выгоняют стены, любой нужной толщины. В тот же день прорубают большие треугольники под будущие окна, иначе, через пару дней, когда стена подсохнет- прорубить её будет очень сложно. Такие стены очень теплые и стоят не одну сотню лет, конечно же, если их оштукатурить. Я еще в молодости спрашивал стариков, как эти земляные стены держатся и не разваливаются. Они вполне серьезно отвечали, что это земля у нас такая жирная. А пробовали трамбовать стены, тут же, в Слободзее, на молдавской части- рассыпаются, земля –с песчинкой, не держится.

Еще особенностью Слободзеи –было использование кличек, вместо имен и фамилий. Такое было и в других селах, но не в таких (почти поголовных) масштабах. Большое село, много родственников с одинаковыми фамилиями и именами, решили выйти из положения, используя клички. А клички в большинстве своем оригинальные, хлесткие, клейкие, несмываемые и потомственные. Если ты, к примеру, получил кличку -«Хлэй», то и сын и внук твой- тоже будет «Хлэй». И где только «авторы» отбирали эти клички: «Мурзик», «Лимут Косый», «Настя Дота», «Тюня Рыжий», «Брехунец» и...так до бесконечности, почти у каждого. Моего отца, Андрея Гурковского, одного из лучших комбайнеров района, в Слободзее на русской части, знали только как Андрей «Дусик», или просто Дусик, по другому – мало кто знал.

Еще одной особенностью Слободзеи, было то, что вместе с Чобручами, эти села были основными районными поставщиками новобранцев для Черноморского, да и других Флотов бывшего Союза. Даже автор этих строк, во время призывной кампании 1959 года, первым от объединенного Тираспольского района, был определен на флот, в группу «подлодки и торпедные катера».

Особенным был и рынок, на русской части села. Работал он не ежедневно, 2-3 раза в неделю, но что это был за рынок!»! Отдельные ряды – Винный, где разнокалиберные бочки, графины, банки, стаканы, примитивная закуска и где больше всего толчется людей. Тут же идет «дегустация», оценка и реализация. Солдаты из Слободзейской войсковой части, единственной в районе на левом берегу (что тоже являлось всегда нашей особенностью), выходя в увольнение, часто начинали его с посещения винного ряда рынка. Пройдут ряд весь или частично, попробуют вино на качество, бесплатно, естественно, а в конце ряда -их уже патруль дожидается....

Обязательно- ряд подсолнечного масла, Молочный, с фирменной аппетитной ряженкой из домашней печи, с ароматной коричневой корочкой, а дальше - другие ряды, где чего только нет – от разных видов мяса, рыбы, до всевозможных швейных изделий, всяких поделок – плетенных, вязаных и т.д. . Рынок наш был и центром обеспечения и –гораздо больше - центром общения. Люди, выходя на рынок, получше одевались, зная, что обязательно кого-то встретят из друзей или родственников, узнают новости, может даже ничего не купив или не продав. Над этим местом, в «базарные» дни, висело такое облако благополучия, довольства и радости с обеих сторон -и продавцов и покупателей. Это было место добрососедских отношений, где и кормились, и учились, и получали вознаграждение за свои труды.

Особенность Слободзеи была и в потребности в простом человеческом отдыхе. Люди тяжело работали и , если выпадала возможность, старались (и умели!) выплеснуть из себя природную внутреннюю радость, через различные способности. – силу, гибкость, голос и т.д.В выходные дни возле сельских клубов –начинались бесконечные волейбольные матчи на вылет . Попасть на площадку можно успеть только один раз и то, если хорошо играешь. А как стемнеет- духовые оркестры, танцы, массовые гуляния. И без поножовщины, наркоты и прочей сегодняшней грязи.

В селе было - одиннадцать колхозных футбольных команд, команды двух школ, МТС, войсковой части, они вели постоянную борьбу за первенство по селу!. Мало было выходных дней, когда на районном стадионе не проходили по два и более матча. А с учетом игр на первенство района и Республики - это был нескончаемый летний турнир. Различные олимпиады и спартакиады, конкурсы и смотры, какими бы смешными они не казались сегодня отдельным «продвинутым» людям –вносили разнообразие, поднимали настроение и укрепляли физически. Можно с уверенностью сказать, Все, что улучшало нашу сельскую жизнь по всем направлениям, готовилось и появилось именно в те, благословенные пятидесятые годы.

За сто лет, Слободзея, конечно, здорово изменилась, но население практически не выросло. Все-таки – иметь в начале 20-го века 12 тысяч человек, а в начале 21-века- 15 тысяч- не совсем положительно. Значит, были на то причины. Сегодня в Слободзее живет половина приезжих или их потомки. Часть приехала, часть осталась после службы в армии. Многие, побывавшие у нас отдыхающие из северных регионов, а их раньше были многие сотни, делали селу хорошую рекламу и способствовали переезду людей из других мест. Особенно больно миграция ударила по русской части села, откуда отток людей начался еще с довоенных времен, что вполне естественно, даже по языковому признаку.

Вроде бы и благодатный наш край, а покинули его многие. Я помню свои школьные годы, когда послевоенные выпускники наших школ, в абсолютном

большинстве своем, уезжали. Не только на учебу, уезжали от не особо привлекательного тяжелого сельского труда и самой сельской жизни- уезжали туда, где больше платили и больше уделяли внимания. И ведь сколько лет – уезжали-то лучшие! Оставались в селе в основном те, кто, по разным причинам, не мог куда-то поступить или найти достойную работу. Что было - то было. Сегодня эти процессы, в силу различных «околополитичных» обстоятельств, еще более обострились. Правда - уже и ехать стало некуда, да и возможности в этом плане здорово ограничены.... Ну, а Слободзея живет и будет жить дальше, не может быть по-другому, ибо «свято место» действительно пустым не бывает.

Глава третья. ПРЕДКИ

Без них – не было бы нас. Память о них – всегда была, есть и будет опорой нам по жизни. Счастливы люди, заставшие своих дедов-прадедов на этом свете, но не менее счастливы и те, кто дождался своих внуков-правнуков и пообщался с ними. Ведь -интересно все-таки – кто пришел тебе на смену, ради кого и чего, ты прожил свою жизнь.

Мне, в какой-то мере повезло в этом отношении - застал в живых троих из четырех прадедов, одного из двоих дедов и обеих бабушек, при наличии матери и отца. Повезло потому, что очень многие мои сверстники, не знали не только дедушек, но и отцов, унесенных войной и другими событиями, происходившими на нашей земле, перед нашим появлением на свет. Повезло потому, что я не только их видел -я с ними общался, они меня нянчили и воспитывали. И только теперь, когда у самого уже есть внуки-правнуки, совсем по-другому оцениваешь бывшее общение и память о родных тебе людях, для которых ты был внуком, которые тебя любили и старались что-то передать, чему-то научить, от чего-то - уберечь.

Я уже говорил, что наше поколение, еще застало ту, «натуральную» сельскую жизнь, которой жила Слободзея, да и все окрестные села нынешнего района. Это была сложившаяся за многие годы, определенная система отношений по основным параметрам –неизменная, в принципе, до появления нас на этой земле. Поэтому, рассказывая о том, кого и что застали мы, можно с уверенностью сказать, что примерно так жили несколько поколений слободзейцев до нас.

Итак -о наших предках, дедах-прадедах. Если говорить об общих чертах людей этих поколений, пришедших в нашу жизнь , 30-40 -х годов, из 19 века, то это были, (в абсолютном большинстве своем) – люди степенные, трудолюбивые и обязательные. Крепкие хозяева, умело использовавшие благоприятные почвенно-климатические условия нашего края, люди сохранившие и приумножившие нам красивое огромное село и , заложившие любовь к нему в нас, своих потомках.

Отличительной чертой наших предков было то, что это были вольные люди, не знавшие унижительной доли крепостного рабства, не знавшие помещиков, бояр и всего, что с этим было связано. Над всеми сельскими процессами, как бы крышей от любых неприятностей, витали -здоровый дух,

здоровое тело, здоровые отношения, здоровый юмор, часто с подковыркой и здоровая семейственность. Тот самый приобретенный сельский коллективизм. Отцы и дети, братья и сестры, другие родственники, заселялись так, что часто больше половины улицы -была родней. Это определяло все дальнейшие внутри уличные взаимоотношения и защищало от любых внешних посягательств. Не зря на село не нападали какие-либо банды во все смутные времена, по той простой причине, что банды, как правило, были малочисленными и иметь дело с таким селом, как наше – у них не хватало смелости. А передвижение крупных военных формирований, осуществлялось по магистральным дорогам, минуя Слободзею.

Повторяю - люди тех поколений, наши предки, отличались своей неторопливой степенностью, какой-то сельской чопорностью, причем – не показной, а как бы приобретенной по наследству. Их поведение в любых ситуациях- на работе, в быту, было чаще ритуальным, но не заученной показной ритуальностью, а отшлифовано-необходимой и красивой.

Взять любое действие, даже элементарное курение. Сегодня как? – Небрежно, не глядя, раскрыл пачку сигарет, щелкнул зажигалкой, 15-20 секунд -и закурил. А в то время? Надо сначала достать из кармана кисет с табаком-самосадом. Естественно, у каждого -свой кисет, иногда расшитый женскими руками. Его надо широким жестом достать, медленно развязать и расслабить, затем вынуть, оттуда же, или из другого кармана, аккуратно сложенную в платочке или тряпице, стопку чешуйчатых тонких листков из обертки кукурузных початков и выбрать из них тот, который нравится. Затем, опять ритуальным жестом, взять крупную щепоть табака из кисета (а табак –тоже у каждого свой- и по сорту, и по технологии приготовления), рассыпать его по расправленному листку, свернуть «цыгарку», толщиной в большой палец, заклеить её несколькими облизываниями , языком, и, осмотрев, -вложить в угол рта.

Далее доставалось кресало -по-русски -огниво. В «зажигательный» блок, входили: кусок камня-кремня, обломок напильника или что-то похожее и трут- из ваты, а чаще мякоти стебля папоротника или кукурузы. Трут прикладывался снизу, под кремь. Затем ударом напильника по кремню выбивались искры, они попадали на трут или жгут. Он начинал тлеть, затем его раздували. Когда он набирался жаром или «светился», от него зажигали то, что хотели зажечь –цыгарку, свечу, лампу или огонь в печке.

Этот непростой способ замены спичек и добыча огня, был тоже своеобразным ритуалом у наших дедов, и исполняли они его просто блестяще и привлекательно. Но, главное-это была работа. Работа по добыче огня и, естественно,- по важности, -одна из главных в жизни человека того времени.

Вообще, наши предки умели показать товар лицом, делали не спеша и очень качественную любую работу. Возможно, где-то что-то делалось и на

публику, но оно-таки - делалось. Будучи занятыми на простых хозяйственных работах, наши деды подавали их красиво, и именно красивым и качественным сторонам дела отдавали предпочтение.

Казалось бы -что такое конная повозка? Да на нее сегодня никто и не глянет, хоть она и стала экзотикой. А раньше -каждая повозка имела «свой» голос- свой колесный перезвон, по которому ездовые узнавали их издалека, хоть днем, хоть ночью.

«Чуеш? -говорил мой дед Гавриил, -«Талан-талан!? Цэ наш кум Максим йдэ». И никогда не ошибался.

Шесть дней в неделю они работали, а в воскресенье- отдыхали. В этот день- брились, мылись, ходили в церковь, на рынок, потом играли группами на улицах в карты, пили по стакану вина. И все это опять же по давно установленным ритуалам или правилам. Нам, пацанам, это нравилось. Раздобревшие мужики, особенно те, кто выигрывал (в карты), могли дать «потянуть» цыгарку. Один раз потянешь – закашляешься, табак-то домашний, - изо всех отверстий дым повалит, а мужики довольные - хохочут.

В жизни -как в церкви. Если, к примеру, процесс регистрации брака, в отделениях ЗАГСa, идет везде по-разному, так как все зависит от людей, исполняющих какой-либо светский ритуал, то в церкви, один и тот же обряд исполняется одинаково, что в Слободзее, что в Магадане, потому люди-прихожане и верят, что так должно и быть. А так как в ЗАГСaх везде творят все по своему, то никто этому и не верит, по крайней мере – не признают. Нет единства -нет веры. Поэтому наши предки и соблюдали, и шлифовали все то, что им досталось в наследство. И тем -жили.

Из трех моих прадедов (Григория Брусенского, Логвина Гурковского и Еремея Корфуненко) больше всех мне запомнился последний- в силу того, что он жил рядом с нами, и я постоянно был при нем. Классический потомок запорожских казаков, среднего роста, с округлым лицом, голубыми глазами и окладистой бородой, крепчайшего телосложения и всегда с абсолютно невозмутимым видом, прадед прожил долгую жизнь. Начинал век одним из самых богатых людей Слободзеи, а закончил жизнь без ничего, но с доброй памятью о себе.

До 1929 года, он имел довольно приличную усадьбу, с большим домом, подвалами, конюшнями с десятками лошадей и волов, огромными наливными бассейнами и хозяйственными постройками. Держал и обрабатывал значительные земельные площади за селом.

Все хозяйство и земля прадеда были реквизированы, на месте его усадьбы, образовали колхоз имени Молотова, его самого никуда не сослали по причине преклонного возраста, зато отыгрались на его родных и близких. Старший сын был сослан в Архангельскую область и 16 лет пилил там лес. Вернулся домой только в 1946 году. Одного зятя- отправили строить

Днепрогэс, на весь срок строительства, второго зятя, отца мамы, моего дедушку -просто уничтожили. Сослать его куда-то не было веских причин, он работал в колхозе бригадиром и был уважаемым человеком. Повод нашелся. Группа женщин из его бригады, в начале тридцатых годов, сажала фасоль на колхозном поле. День закончился, а у них осталось еще почти ведро семян той фасоли. За ними в поле приехал ездовой, он же бывший бригадир этой бригады, которого сняли за какие-то проделки, за полгода до этого. Он спешил домой и уговорил женщин, оставшиеся семена, -просто высыпать в выкопанную небольшую яму и отправляться домой, поздно уже. Так и сделали, да еще метрах в пяти от дороги. Через несколько дней, на том месте вырос почти метровый холм. Когда его вскрыли-оказалось -это семена фасоли проросли и подняли бугром землю. Крайним сделали бригадира, по доносу того самого ездового, бывшего бригадира. Для местных «надзирателей» -это было как удачная находка, чтобы лишний раз выслужится. Женщин запугали обвинением во вредительстве, и они все подтвердили свидетельство доносчика. Деда моего арестовали, обвинили в умышленном вредительстве колхозному строю, и, как врага народа, куда-то увезли. Домой он больше не вернулся. Маму мою, вначале приняли в техникум, а когда узнали, чья она дочь и внучка – выгнали, разрешив закончить только трехмесячные курсы счетных работников.

Ну, а прадед так он и жил еще 17 лет при колхозе, в бывшем своем дворе. Выделили ему маленькую клетушку, где раньше хранили разный инвентарь. Там он спал, а днем приходил к нам, через четыре дома, где жила его дочь, моя бабушка, с двумя детьми, и кушал. С моим появлением на свет- занимался моим воспитанием.

Прадед Еремей, был типичным представителем наших слободзейских предков- первопоселенцев. Я только много лет спустя, понял и физически почувствовал связь нас, нынешних, с нашим прошлым.

Представьте себе - меня ведет по Слободзее прадед. А его, за эту самую руку, почти век назад, по этой самой улице, тоже водил (его) прадед, рассказывая о своих соратниках казаках-запорожцах, еще 18 века. И уже мне, прадед рассказывает о своих предках и о том, как они отбивали у турок какой-то город в Болгарии, в 19-ом веке, потом, как он совершал паломничество в Иерусалим, как плыл на пароходе из Одессы – в Палестину. Рассказывал много просто житейских историй, а за его жизнь много кое-чего прошло перед его глазами.

И вот с его слов, рассказов родственников и соседей помоложе, я представляю жизнь прадеда более предметно и понятно. Приведу только несколько примеров из его жизни.

Сам он был не особо разговорчив с незнакомыми людьми и абсолютно категоричен, без полутонов. Сказал-сделал. Да-да, нет-нет. Если он

предупредил соседей, чтобы не пускали ему в огород коз или кошек, иначе они (козы) будут «висеть на абрикосе», то соседи -не пускали. Не потому, что он этих самых коз действительно вешал, а потому, что знали: на самом деле, если поймает- точно повесит, так как зря не скажет.

Если подойдет, к примеру на рынке одесситка и, переминая пальцами крупную, красивую вишню, спросит: «сколько такая смородина?», он спокойно отвечает: «Цэ вишня, шпанка, по тры рубля кило!». «Такая мелочь и по три рубля!»-покупательница. На это следовал ответ: «Пишла к такой мать!». И ВСЕ –БЕЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОММЕНТАРИЕВ.

В Одессу ездили тогда на волах. Сутки -туда, сутки -обратно. Пару дней на рынке. В голодном, -21 году, рассказывали старики, поехали подвод пять-шесть соседей -слободзейцев в Одессу, на Новый рынок. Расторговались, и по холодку, часа в три ночи, тронулись домой. Прадед по старшинству едет на первой подводе. На бугру, возле Дальника- налетает банда, сабель десять, останавливают. Их старший, сидя верхом на лошади, подъехал к прадеду и говорит: «Давай гроши!». Прадед показывает кнутом на повозку, где лежат два небольших мешка денег, каких угодно -от царских -до керенских. Бандит ковыряет саблей мешок, понял, что там и кричит: «Цэ гимно, давай настоящи гроши!» и поднимает саблю. У прадеда на шее висит кожаный гаманец (кошелек), на кожаном очкуре (шнуре), там несколько золотых царских монет. Неторопливо вынимая кошелек из-за пазухи, прадед спрашивает: «А сколько вам?». Бандит хватает кошелек, саблей подрезает шнур и резко дергает, обрывая его. «Так можно и голову одирать!»-спокойно замечает прадед. Стегает кнутом волов, кричит: «Цоб» и двигает дальше....

Сам прадед со стыдом рассказывал историю, которую никак не мог себе простить. Перескажу её своими словами, чтобы было понятней.

В конце 19-го века, в Одессе открывали цирк. Его помещение и сегодня находится рядом с так называемым Новым Рынком. На нем часто торговали слободзейцы, в прежние времена. В тот день, о котором рассказывал прадед, на рынке торговало несколько слободзейских мужиков. К ним подошел какой-то молодой франт, в шляпке-канотье, при бабочке на шее, и спросил: - «Вы, мужики откуда будете?».

«Слободзейские»-отвечают. «А я –тираспольский, земляки значит. А не хотите сегодня пойти в цирк?». «Мы –не против». «Приходите вечером-цирк-через дорогу. Вас пропустят бесплатно. Только одно прошу, когда спросят – кто вы такие- скажете – мы сапожники».

«Якый я тоди був дурак, -сокрушался прадед, вспоминая тот случай, -«а вже здоровый був пацан»-(ему тогда было за пятьдесят). В цирк их впустили, посадили на первый ряд перед ареной. В перерыве к ним подошел тот самый молодой франт, только уже размалеванный. Оказывается –это был клоун. Он спросил: «Вы, хлопцы из Слободзеи?»-Да-. «Встаньте, прошу вас». Мужики

встали. Клоун спросил: «А кто вы такие?». Они хором ответили: «Мы - сапожники!».

Одесситам эта клоунская реприза понравилась. Если семь босых сельских мужиков, с заскорузлыми, задубевшими ногами, стоят у арены и заявляют, что они сапожники -это, конечно, было зрелище.

«Я був крайним на скамейки - сокрушено говорил прадед, и тыхэнько втик, а ти дурни остальсь». Этот прокол мучил его всю жизнь. Такой уж был у этих людей менталитет. Внешне неприветливый и неразговорчивый, прадед был исключительно добрым и приветливым к близким людям и мог выдать любую жизненную классику.

Впервые от него я услышал, как наш сосед через дом, дед Сергей Гордиёнец (кличка), приехав из Одессы без ничего, заявил своей жене: «От наш кум дурак, тильки прыйхав на базар- у нього зразу воли вкралы, а у мэнэ – аж пид вэчир!».

Наблюдая уже после, за жизнью пожилых людей, окружавших меня в молодые годы, при всем различии их характеров, я все больше и больше проникался к ним глубочайшим уважением, независимо от того, кто это был –сосед, родственник, или просто человек с любого конца села. Их, повторяю, объединяла Любовь, великая и одновременно-незаметная к нашему селу и его людям. То есть -любовь людей -к людям, включая и нас, их потомков.

За нас, живущих, две войны ложился за пулемет мой дед, Гавриил Гурковский, истерзанный газами и немецкими минами, так и не доживший до пенсии.

За нас, живущих, от финской до японской, -шесть лет воевал мой отец, Андрей Гаврилович Гурковский, пришедший домой в сорок шестом, весь израненный и переконтуженый.

За нас, живущих, не вернулась с Войны половина мужчин всех возрастов, ушедших из Слободзеи на фронт. Для нас, днями и ночами, полуголодные и полураздетые люди, восстанавливали все разрушенное войной, подвели к домам электричество, радио, воду, телефоны, газ, построили дороги, построили систему орошения и многое другое. Подняли степень производства и сельской жизни, на фантастический по нынешним меркам уровень и сказали: «Берите, Живите, Улучшайте!». Они сохранили и приумножили то, что им передали их предки. А мы....Дальше- вы знаете.

Глава четвертая. СВИДЕТЕЛЬ

Хорошее не так заметно, как плохое. А ведь мы счастливые люди, которым просто здорово повезло! На наших глазах поднялось целых! Три поколения, не знавших, что такое война. Мы все как-то уже привыкли к этому, считаем как само собой разумеющиеся - веселые проводы в армию и приятные встречи отслуживших ребят. Уже почти не осталось ветеранов, свидетелей той ужасной прошедшей войны. Память о ней хранят только дети - внуки тех, кто воевал, архивы, книги, прежние фильмы, и - Праздники Победы.

Восьмой десяток лет, наша страна живет мирной жизнью, по большому счету. По большому, потому, что за этот период прошло довольно много локальных войн, на различных континентах и в разных странах – Азии, Африки, Европы, Южной и Латинской Америк. Практически в большинстве из них, принимала участие (прямо или косвенно), наша страна, раньше СССР, а потом и Россия. Естественно, мы несли потери различной тяжести и в этих войнах, но, даже все вместе взятые, они не идут ни в какое сравнение с той Великой Войной.

О войне (той, Великой), столько уже написано, рассказано, снято различных фильмов и проведено исследований, что, казалось бы, – уже все знакомо, ясно и понятно, разложено по полкам и т.д. Но нет, чем дальше уходит то время, тем больше люди мысленно возвращаются к нему. Одни - с благодарностью, другие – со страхом, третьи - с надеждой, что такое больше не повторится, четвертые – мечтают о реваншах и провоцируют мир на новую войну, прекрасно понимая, что та война станет ПОСЛЕДНЕЙ для всех, в том числе и для них, пятые (проплаченные кем-то - и чужие, и чуждые - наши), пытаются по своему пересмотреть итоги Войны, как правило, подтасовывая и открыто перевирая факты, чтобы перенести все беды, принесенные ею, с больной головы на здоровую. Особенно стараются высказывать свои «мнения» те, кто родился через десятки лет после войны и, которые понятия о ней не имеют, а пользуются «материалами и документами» написанными до них, такими же, как они, или просто работают по заготовленным кем-то заинтересованным, искажающим саму суть истории, материалам.

У каждого, кто прошел или застал то время, была своя война, в конкретном месте, в конкретное время и в конкретных действиях, на разных уровнях и при разных обстоятельствах и возможностях. Именно совокупность миллионов таких индивидуальных «войн» и есть - та, наша общая Война. Каждый видел и ощущал все её события – трагические и радостные, через призму личного к ней причастия. Поэтому и я вношу свою посильную лепту

в общую копилку памяти о том Великом Времени, просто как подборку фотографий с натуры, вырванных из общего военного альбома. Здесь – ни убавить, ни прибавить, тем более, при многих живых поныне, таких же, как я, свидетелей...

У нашей семьи есть все основания считать себя и свидетелями Войны (мы с женой родились до Войны), и Детьми Войны, по той же причине, и наследниками Победителей в той Войне. Мой дед – Гурковский Гавриил Логинович, был пулеметчиком в первую мировую и в Гражданскую войнах, и так же был пулеметчиком во время Великой Отечественной Войны. Из-за тяжелых ранений не дожил до пенсии. Неоднократно был награжден и царской, и советской, властями...

Отец – Гурковский Андрей Гаврилович, призвался в армию во время финской войны, прошел от начала до конца войну с фашистской Германией, после Восточной Пруссии, В 1945 году, – был направлен на войну с Японией и вернулся домой только в мае 1946 года, через шесть лет после призыва в армию. Был неоднократно ранен и контужен. Имел 9 боевых наград и Орден Трудового Красного Знамени, за работу в народном хозяйстве после войны.

Отец моей жены – Калашников Иван Емельянович, участник Гражданской войны, кавалерист, бился с басмачами в 1918-20 годах. В начале Великой отечественной Войны, в составе 312-й стрелковой дивизии, образованной в г. Актюбинске, участвовал в боях по защите Москвы на Юго-Западном направлении. За два месяца в жестоких неравных боях, дивизия почти полностью погибла смертью храбрых, а боец Калашников получил тяжелейшее ранение и с трудом выжил. После войны он 25 лет руководил тракторной бригадой в колхозе.

Мне лично довелось пережить три года фашистской оккупации и видеть, как саму войну в натуре, так и её последствия...

Так что я выступаю, как свидетель от всех нас сразу: Что-то сам видел, что-то от родных досталось, но главное – это истинно свидетельские показания от первого лица. Себя ведь и захочешь – не обманешь. Похожая судьба была и у моих сверстников, с возрастным разбросом в 5-10 лет.

Свидетелями той Войны, были и миллионы её непосредственных участников, и миллионы тех, кто её видел, но в ней не участвовал. О войне много написано и рассказано. Много есть всевозможных архивных данных, но у тех, кто её видел, осталось что-то своё, личное, её понимание и отношение к ней, которого ни в одном архиве не найдешь.

Я просто скажу то, что знаю, и не более того. И если где-то с 1944 года, уже сам помню большинство наиболее запоминающихся фактов, то первые годы фашистской оккупации, помню что-то отрывками, поэтому добавляю все из устного архива семьи. Может быть не всем это будет интересно, но

– что было – то было, а там, как говорится, на любителя. Я не журналист, и не выдаю сенсаций. Я - Свидетель. И то, что расскажу, пусть пойдет, как обвинение захватчикам и в назидание потомкам...

Война в Слободзею, пришла в начале августа сорок первого года. Полтора месяца наши войска, сдерживали наступление фашистов от границы СССР по реке Прут, до Днестра, а потом отступили к Одессе.

Противник практически обошел с севера Тираспольский укрепрайон, форсировал Днестр и оккупировал Приднестровье. Нам, жителям села Слободзеи, большие военные операции были неведомы, но уже в начале августа, в селе были румынские войска. Румыны закрепились надолго и пробыли у нас почти три года. Судьбе было угодно познакомить нас (семью нашу) с двумя разновидностями оккупантов, - и румынами, и немцами, но об этом - попозже.

Обстоятельства сложились так, что часть наших войск, находящихся в Слободзейском регионе, чтобы не быть отрезанными от основных сил нашей армии или окруженными прорвавшейся через Днестр мощной немецко-румынской военной группировкой, была вынуждена срочно покинуть район и отступить в сторону Одессы. Немцы стремились обойти город с севера и востока, готовились крупными силами преодолеть сопротивление наших войск и занять Одессу. Там начиналась 73 –х дневная эпопея Одесской обороны, но это совсем другая тема. А в Слободзее (так получилось) , на несколько дней установилось безвластие – ни наших, ни фашистов. Население, а в Слободзее его хватало и в то время, затаилось. Те, кто подлежал мобилизации – ушел с нашей армией, остались - дети, подростки, женщины и мужики непризывного возраста. Когда поняли, что наши ушли и неизвестно, когда вернуться, а фашистов пока нет- то, как бывает в таких неопределенных моментах – начали просто разбирать (читай- грабить) то, что было общественно-государственное. Кто-то бросил провокационный клич – Разбирайте, чтобы не досталось врагам!- ну и многие ринулись «разбирать»...

Хватали все подряд, что надо и не надо. Магазины, пекарни, склады, мастерские. Здесь - главное было – успеть! Особенно досталось в этом плане Слободзейской войсковой части. Там было что брать – от кроватей-постелей и до складов с имуществом и продовольствием. Военные многое увезли с собой, но ещё больше – не смогли увезти. За других я не знаю, но два моих дяди, младший брат матери и его двоюродный брат (14 и 16 лет) тоже поучаствовали в этом процессе: успели сделать всего два рейса. За первым разом принесли домой по два противогаза, где-то закопали со страху и так до конца жизни и не нашли; вторым рейсом притащили домой огромное зеркало. Нашли его в кустах, видно у кого-то не хватило сил его забрать.

Зеркало было шикарное, где-то с царских времен, толщиной миллиметров в 10 и в такой ажурной посеребренной оправе. Тяжеленное и на всю стену, от пола - до потолка. Наш сосед через дорогу, дед Максим, на ручной тележке, тоже успел сделать два рейса и привез в дом восемь или десять мешков офицерских галет (сухарей), думал им с женой на всю войну хватит....Но оказалось то были не сухари, а дрожжи...В сырой комнате, они начали разбухать, разрывать мешки, а позже из них полезли черви....

Все это было прелюдией к будущей нашей жизни при оккупации. Дольше всего люди грабили винные склады, на государственном винном пункте. Любители выпить там отоваривались по «полной» программе. Они сразу, напивались до предела, потом набирали вино в посуду и уносили с собой. Там их и застали вошедшие в село новые «хозяева»- румыны. Они с большим трудом освободили винные склады от «любителей – грабителей», стоявших уже по колена в вине, при этом им пришлось даже стрелять по бочкам.

Мой прадед Еремей, когда наши войска ушли, перешел жить в свой дом, который у него отняли при «раскулачивании» в 1929 году и устроили там колхоз им. Молотова. Приходя к нам, рассказывал, что, как только румыны вступили на территорию колхозного двора, первым делом обшарили продовольственный склад, наскребли там пару ведер кукурузной муки; тут же в большом котле сварили традиционную мамалыгу (густая такая каша), сняли колхозные ворота, вывалили на них ту мамалыгу, а потом всем подразделением, общипывали её ладонями и с радостью ели, запивая из фляжек водой от стоящего рядом колодца. Все это как бы говорило: - мы пришли и – надолго.

С этого времени в селе началась новая жизнь. В то время официально существовало как бы две Слободзеи - русская часть и молдавская часть. Со своими отдельными управленческими органами, церквями, рынками, почтовыми отделениями и т.п. Румыны очень оперативно создали местные органы власти, может они их и раньше подготовили – не знаю. Вместо сельского совета у нас на русской части, появилась «примария», а в качестве «главы сельской администрации» – Примарь – неказистый такой, сухощавый, молодой ещё военный, но сверх активный. Звали его «Петря», наши люди за глаза, называли его «Петрика», скорее всего за маленький рост. Официально – «домнул(господин) примар» и никак иначе. Иначе скажешь – значит, будешь побит плеткой. Был у него всегда под рукой этот инструмент, кожаная сплетенная плетя, с шариком на конце. Без неё примарь не ходил по селу, никогда. И использовал её десятки раз в день, по поводу и без повода....И без разбора - старик перед ним или ребенок, прав или виноват. Все мы были только виноваты. Более полную Характеристику этого «героя», можно прочитать в материале «Примарь». Он не знал русского языка и за почти

три года, не выучил ни одного русского слова, из принципа. Может и выучил, но не пользовался русскими словами. Зато он привез с собой где-то из-под Кишинева, бугаеподобного мужика с украинской фамилией, то ли украинского молдованина, то ли молдавского украинца, свободно владеющего тремя языками – румынским, русским и украинским. Сделал его старостой на русской части села, то есть правой рукой в своей епархии. Если сам примарь был жестоким властелином в селе и в полной мере пользовался этим правом, так как за ним стояла королевская Румыния, законы военного времени, официальный румынский курс на колонизацию так называемой Транснистрии (Заднестровья, территории между Днестром и Южным Бугом), отданной Гитлером под административное и хозяйственное управление Румынии и дальнейшее «выселение» (читай уничтожение) «чуженационалов», то староста был просто бандитом, люто ненавидящий не только все советское, но и всех проживающих в селе людей. Не знаю, может он был когда-то наказан властью или людьми, но он всех нас, готов был уничтожить, но перед этим, еще и обобрать.

Судьбе было угодно, чтобы пути именно нашей семьи, ничем не примечательной, пересеклись по жизни с этим зверем, а потом пересекались с ним ещё много раз. Новая румынская администрация решила заставить население работать, чтобы хоть частично возместить понесенные потери Румынией в начавшейся войне. Был издан приказ о трудовой повинности, согласно которому, лица от 16 до 60 лет, должны были работать. Прошли переписи трудовых ресурсов, обошли каждый двор и всех трудоспособных поставили на учет. И вот здесь случилось то, что случилось. Староста увидел мою маму: молодая, красивая, 9 классов образования и решил взять её к себе на работу. Договорился с примарем. Бабушка, мать моей мамы, быстро собрала кое-какие вещи, и мама ночью ушла в Одессу. Пешком. Двое дядей её сопровождали. Тогда еще можно было пробраться в город без особых проблем, тем более женщине с детьми. Пацаны через двое суток вернулись, а мама так и скрывалась у родственников в Одессе, пока не пришли наши, весной 1944 года.

Через некоторое время, к нам в дом буквально вломился староста с двумя румынскими жандармами и начал кричать: -«Почему твоя дочь не выходит на работу в примарию!?» Бабушка ответила, что дочка, как узнала, что её хотят взять на работу румыны – сразу ушла из дома – куда неизвестно. Как ни измывался над ней староста – так ничего и не добился. Уходя, он пообещал нам устроить «веселую жизнь». И слово свое сдержал....

Потом, пришли румынские солдаты и застрелили нашу привязанную на цепи собаку, на второй день, пока мы были на огороде, со двора увели дойную козу. Бабушка ходила к старосте, просила, мол, и так кушать нечего, а у нас маленький ребенок, хоть литр молока в день и то жизнь. Староста

только смеялся и отсылал её к румынам – иди мол, спроси у них, только они давно твою козу съели. Потом переловили наших кур. В селе были установлены подворовые очереди на транспортные работы. Людям выпадало раз в неделю или в месяц, за чем-то ездить, что-то возить-грузить, а моих дядей посылали в поездки по два раза в неделю или раз, если далеко. В 1941 году, они, на волах с повозками, несколько недель собирали и свозили трупы румынских солдат на всем их пути от Днестра - до Одессы, и у самой Одессы. Их там столько наложили наши, что можно было бы, наверное, половину Румынии ими застелить. Потом - расстреливали евреев и коммунистов - собирали тела в большие ямы, засыпали землей, пересыпали хлорной известью. Дяди рассказывали, что местами земля ходила волнами – многих живьем бросали в те, огромные ямы. Так вот на все такие страшные и неприятные работы, староста старался послать моих дядей. Какие там «Дяди»! Одному 16, другому 14 лет! Иногда ночью он выставлял засады у нашего дома, надеясь, что мама придет проведать. Не дождался.

Постепенно жизнь в селе вошла в какой-то тыловой ритм. Фронт был далеко, на Волге. Мы ничего не знали, где, что и как. Никто нам ничего не сообщал, а внешней информации не было.

На первый Новый год в оккупации (1942), скорее всего, это было католическое Рождество, из волости приехала группа немецких солдат, спилили во дворе, где жил примарь, дерево туи, установили на стадионе возле украинской школы (примарь как раз и жил возле этой школы, в угловом доме и, наверное, был инициатором того торжества), что-то вроде ёлки, навесили на неё конфет, разноцветных бумажек, обложили соломой вместо снега. До вечера поставили часового, а с наступлением темноты, устроили себе Рождество, пели, плясали, даже стреляли. Потом подожгли солому и на машине уехали. Наблюдавшие за всем этим «празднеством» наши пацаны, бросились к «Елке» за конфетами. И тут началась беспорядочная стрельба. Немцы положили в солому под елку, несколько десятков патронов в пулеметных лентах и, когда солома загорелась – патроны начали взрываться. Слава Богу, всего двое ребят были ранены, остальные в испуге – разбежались. Кто-то видел, что немцы недалеко отъехали, стояли в переулке и наблюдали все последствия, вдоволь насмеялись, только потом - уехали.

С девяти вечера, да шести утра, в селе был установлен комендантский час. Без спецпропуска, ходить было запрещено. Ну, у нас какие могли быть пропуска!? Да и ходить чего было по ночам? Ну, конечно, если кому-то было надо,...то ходили. Румыны патрулировали по двое: темень, грязь, никаких там у них фонарей тоже не было. Как-то раз, еще в первый год оккупации, - идет патруль, а у деда Сергея (наш сосед, через дом) куры спали (гнездились) во дворе, на вишневом дереве. Ну куры как, – спокойно сидеть

не могут -ко-ко-ко, да ко-ко-ко. А тут – патруль, двое солдат с винтовками. Услышали, что куры где-то рядом – подошли. На улице – абсолютная темень и никого. Румыны поставили винтовки под стеной и, чтобы было меньше шума, один стал другому на плечи и давай тем курам шеи сворачивать. Закончили, собрали курей и ушли. Уже в конце улицы кинулись - а где винтовки!? Вернулся один из них назад – а винтовок –нет! Обшарил всю стену –нет! Отнесли курей к себе, взяли керосиновый фонарь, опять пошли к тому месту, обыскали весь дом снаружи – нету!

На другой день, где-то к обеду, эти горе-патрули, пришли к деду Сергею домой, принесли трехлитровый бутыль вина и вареную курицу (из тех, что вчера у него реквизировали). Дед Сергей был опытный человек, старый солдат, воевал еще в японскую кампанию (1904 года), был даже вахмистром. Уже много лет подряд, он вечерами всегда выходил в палисадник, садился на глиняную завалинку с торцевой стороны дома, выходящей на улицу, и там почти всю ночь сидел, наблюдая за уличной жизнью. Он многое мог бы рассказать о ночной жизни села, но ни с кем никогда этим не делился, по причине того, что был не то не многословен, а скорее – малословен. Из него, каждое слово надо было буквально выдавливать. И в тот вечер, когда румыны «реквизировали» его курей, он тоже сидел на завалинке, все видел и слышал. Когда воры ушли, он забрал их винтовки, образца времен наполеоновской армии и спрятал так, что никто об этом не узнал, пока наши не вернулись в село.

А на другой день, дед, конечно, ждал «гостей». Он сказался больным, укрылся стеганым одеялом, распарился и покраснелся. Жена побрызгала на него водой для пущей достоверности, и дед встретил вчерашних патрулей достаточно больным видом. Жили они вдвоем с бабкой, детей у них не было. Когда румыны пришли в дом, их встретила хозяйка, с трудом объяснила по - молдавски, что дед, мол, неделю лежит в постели, весь горит, наверное у него малярия или тиф, которыми он уже болел когда-то, и показала им больного в кровати. Услышав про малярию и тиф, солдаты пулей вылетели из дома, но спросили хозяйку – не видела ли она винтовок во дворе. Слова «Мошул» (дед) и «Пушка» (ружье) никакого действия на бабку не возымели, ибо она действительно ничего не знала. Румыны, для порядка, еще раз осмотрели весь двор и огород, понятно, что ничего не нашли. Соседей тревожить не стали, чтобы не предавать скандал огласке. Так и ушли с вином и курицей. Через несколько дней, через других патрулей, стало известно, что тех любителей курятины, на второй день арестовала румынская жандармерия, а потом их пытали в гестапо и –расстреляли,- за утерю или передачу врагам, личного оружия в военное время... Война есть война.... Почему именно гестапо? Дело в том, что внешне управление в так называемой Транснистрии, вроде бы находилась в руках румынских властей,

но, начиная уже с волости и выше, параллельно работали германские органы – СС, гестапо и т.п. Они не занимались экономическими и хозяйственными вопросами региона. Они выполняли надзирательно - контрольно-карательные функции с тем, чтобы их младшие друзья - румыны, не допускали каких либо стратегических(политических, военных и т.п.) ошибок.

Отличий румын от немцев (имеется в виду, армейские, военные отличия) было много. Даже внешних. Если у немцев была современная, по тем временам экипировка солдат, современные танки, орудия и минометы, машины пехоты, самолеты, стрелковое оружие, средства защиты и наблюдения, то у румын были пушки образца начала века или прошлого столетия, таскали их по полям сражений волею. А огромные винтовки столетней давности, больше сковывали движения солдат, чем помогали в бою. Мотивация к Войне пропала у румын уже в первые три месяца после её начала. В это время, руками германских войск, пристроившись к ним в помощники, Румыния получила Бессарабию и «Заднестровье» до реки Южный Буг, то есть получила все, что можно было ей «выторговать» по максимуму у Гитлера, и на этом её мотивация закончилась, можно было и выходить из войны, так как больше румынам ничего не светило, в плане расширения королевства. Даже то, что они получили по территории, включая Одессу, было только в головах румын, а не немцев. Румыния шла в атаку на Советский Союз, двумя «волнами», первый раз под Одессой, где потеряла почти половину своей 300 –тысячной армии, второй раз – под Сталинградом в 1942 году, где её войска были разбиты окончательно. Счастье румын было в том, что они успели в конце войны «спрыгнуть с гитлеровского поезда, несущегося в пропасть» и выступить на стороне СССР, против Гитлера. Во время войны по Слободзее гуляла частушка:

Антонеску дал приказ, -
Всем румынам – на Кавказ.
А румыны - ласэ, ласэ (ладно, ладно)
Ла каруца, ши – акасэ (на повозку – и домой).
И припев: А румын – он не дурной -,
Ноги в руки и – домой!

Эта небольшая песенка, как нельзя лучше отражала желание рядовых румын, воевать вместе с немцами против России.

Особым отличием румынских солдат от немецких, - была их ментальность. Немецкий солдат никогда и ничего на нашей территории не воровал. Он все просто забирал, как свое, мог при этом быть жестоким, убить любого, но он даже не думал, что он ворует. Он считал, повторяю, что брал «свое»...положенное ему.

У румын воровство – болезнь, я говорю о военном времени. Что днем во дворе увидят – ночью обязательно своруют, какую-то тряпку, рубашку, брюки, лопату, грабли, молоток, да что угодно. Мои дяди за войну подросли и специально издевались над ночными ворами – положат, к примеру, топор во дворе, исправный, а вечером заменят на разбитый – все равно унесут. Думаю, это не проходит со временем. Уже через много лет, въезжая в Румынию, на погранично-таможенных постах, проводники российских поездов, всегда прятали от «проверяющих» мыло, полотенца, туалетную бумагу – потому, что все это и ему подобное, обязательно исчезало после проверок и досмотров на румынских границах. Менталитет, что ли такой...простите, но это так и было!

За три года оккупации, наши люди хорошо усвоили, что румынские солдаты и чиновники, - ленивые, жадные, продажные и завистливые. Они завидовали немецким военным, которые по ротации, появлялись у нас или были на лечении. Завидовали тому, что немцы, наступая и занимая новые территории, постоянно грабили и наживались, посылали регулярно домой дорогие посылки, а здесь в Приднестровье, у них (румын) не было никакого «навара», что с нищих возьмешь!? А поехать куда-то они не имели ни права, ни возможности – за переход условной границы в Бессарабию – тюрьма, за переход границы через Южный Буг – расстрел...Отсутствие мотивации, они возмещали на людях. Убивать без суда, им запрещалось, так как надо было кому-то работать и не только кормить армию, но давать какие-то доходы, поэтому они разряжались тем, что били...Били людей при выгоне на работу, били на самой работе и после неё. Но, видимо, подспудное чувство без исходности, особенно после Сталинграда, постепенно охлаждало их служебное рвение, бить стали меньше и не так рьяно, а в конце – совсем перестали, когда поняли, что просчитались с друзьями. Да и сами немецкие «друзья» постепенно перестали их считать за партнеров, даже младших.

Было и ещё несколько отличий между оккупантами румынами и немцами – румыны с первых дней считали, что они пришли «домой», это теперь их земля. Они будут здесь расселяться, постепенно «выселяя» нас, здесь веками живущих. Места в Приднестровье прекрасные – земля богатая, вода, тепло. Они надеялись стать здесь настоящими хозяевами. В то же время немцы, эту, да и другие наши земли, своими не считали. Для них наши места были обычными «проходными», для продвижения к другим целям. Они были не хозяевами по сути, а просто захватчиками. А что будет потом, кто и как будет здесь жить, их мало интересовало. Как говорилось: «Я – солдат и в политике не разбираюсь». И ещё – наши люди за время оккупации – убедились, с румынскими военными можно «договориться», с немцами – нет.

Интересным был расклад внутриармейской структуры. В германской армии, при всей её педантичности, порядке и исполнительности, отношения

между рядовыми, сержантским и младшим офицерским составом, были более демократичными, чем в той же румынской армии, где разница между рядовым солдатом и даже нижним офицерским чином, была очень велика. Может быть, здесь играла свою роль «монархичность» всего жизненного румынского уклада, в том числе военного, не знаю. Но любой королевский офицер румынской армии – это прямо-таки сноб, с показным понтом, за которым на почтительном расстоянии следует ординарец, с зонтом, коробкой сигар и набором носовых платков. Толку с него, как с военного – Нуль, как показала практика румынских военных действий, а наигранного гонора – хватило бы и на маршала. Это у нас лейтенант может попросить закурить у солдата, а у румын – не дай этого Бог! Кошунство! Этим румынские офицеры тоже очень невыгодно отличались от немецких. Конечно, люди бывают разные, но стиль не скроешь.

Уже более двух лет мы жили «под румынами». Вроде бы и староста оставил нас в покое. Нашу улицу, после того случая с курами и расстрелом румынских солдат, румыны и их начальники, считали каким-то страшным местом и откровенно боялись на неё заходить.

Но, где-то в зиму с 1943 на 1944 год, в нашем доме опять появился тот ненавистный староста. Он привел с собой трех немцев, квартирантов. Казалось бы, откуда у нас, на русской части Слободзеи, немцы? Представители немецких спецслужб находились в волости, на молдавской части села и жильем были обеспечены. Позже выяснилось, что одна войсковая часть, потрепанная в боях на Украине, была выведена на переформирование в тыл и какое-то её подразделение расположилось в Слободзее. От нашего дома, до территории войсковой части, было где-то около километра, вот староста и нашел очередной способ третировать нас, но уже немецкими постояльцами. Немцы – не румыны, они тут же показали, кто в доме хозяева, а кто постояльцы.... Сразу заняли две большие жилые комнаты, оставив нам на четырех, небольшую кухню. За два с половиной года нахождения на нашей земле, они (особенно самый молодой, Пауль) довольно неплохо научились говорить на русско-украинском наречии, и, с первого раза, объяснили, что оставляют нас жить рядом с ними, но под страхом смерти: - мы не имеем права заходить в их комнаты, не имеем права обращаться к ним по любому поводу. Мы должны мыть им сапоги, убирать при них комнату, если они позовут, топить плитку, чтобы у них было тепло в одной комнате (вторая – не отапливалась) и вообще делать все то, что они скажут. Пищу готовить им не надо, они едят в своей столовой, а для ужина и завтрака – у них есть сухой паек, консервы, спиртовки для разогрева и т.п.. Если в доме будет холодно, мы будем ночевать на улице. Так как топить у нас было нечем, мы собирали траву, сушили и тем топили, квартиранты приносили артиллерийский порох в ящиках, такие толстые на вид как свечи, заряды.

Горели они хорошо и дядям моим, приходилось перед приходом «хозяев», каждый вечер подолгу жечь эти «свечи», чтобы обогреть их комнату. Порох не держал тепло, пришлось квартирантам привозить ещё и древесный уголь с пекарни. Они были унтер – офицеры, в небольших чинах. Старший по возрасту был начальником полевой пекарни, звали его Людвиг. Он был внешне, как персонаж из наших военных фильмов о войне: высокий, худой, рыжий, с торчащими волосами, горбатым носом и ... в очках. Без всякого грима мог бы играть роли немцев в любом нашем фильме. Вторым был заведующим каким-то складом, звали его Карл. Он сразу занял чем-то наш домашний подвал под летней кухней, повесил на дверь огромный замок и по ночам там стоял часовой. Человек он был внешне грубый и нелюдимый. Третьим был молодой унтер, не старше 20-ти лет, тот самый Пауль, он командовал группой охраны объектов, которыми заведовали его коллеги. Внешние характеристики оккупантов – ничего не дают, а вот «внутренние»... сразу показали их отношение к нам, даже не как к русским, а вообще к людям, которые не из их среды. Даже два с половиной года нахождения на нашей территории, не приблизило их к нам, просто как людей к людям, даже наоборот, предчувствуя надвигающийся крах гитлеровской затеи по порабощению России, еще больше отдалил их от нас и озлобил. Мы стали ещё больше виноваты, что не сдались, что погнали их от Волги на запад, да и вообще за то, что на свете есть, такие непонятные люди, как русские. Всем своим продвинутым интеллигентным существом, они просто старались нас не замечать, как будто нас и нет вовсе.... Ночью - выходить на улицу, было запрещено. Для туалетных нужд – у них стояло ведро в коридоре, у нас - горшок на кухне. Но, так как в коридоре было холодно и темно, квартиранты по ночам справляли свои надобности, простите, у нас на кухне, где было потеплее, и горела лампадка у иконы. Заходили на кухню абсолютно нагими, независимо был кто-то там или нет, бабушка наша, или мои дяди. Когда бабушка подметала у них пол или вытирала пыль - они тоже ходили нагими по комнате! Какое там стеснение у вроде бы цивилизованных офицеров «великой Германии»! Они нас не замечали. Внутренне, бессознательно, как окружающую мебель. Но очень быстро замечали, если что-то делалось не по-ихнему, сапоги не блестят или машина не так помыта (у заведующего пекарней была рабочая машина, небольшой такой крытый фургон, она стояла у нас во дворе, пока они были дома), или еще что-нибудь. Чаще всех хватался за пистолет нелюдимый Карл. Когда они выезжали на работу, дяди мои были обязаны открывать ворота и прочищать проезд. Ну, как-то - раскрыли ворота и стоят, ждут. В это время подъезжает на конной двуколке наш староста. Сразу опоясав старшего из дядей –Федю, кнутом, староста заорал : « Вы, скоты, почему не выходите на работу?»- и поднял кнут уже на второго дядю –Мишу...И как раз в это время, немцы

выезжали из ворот. За рулем сидел Людвиг, справа – спереди – Карл. Увидев разбушевавшегося старосту, Карл, не выходя из машины, приоткрыл дверь, поманил пальцем к себе старосту, открыл кобуру пистолета и сказал как мог: «Слюшат...ду..швайн. Он рапотать здесь. Мне...Ферштейн?». Староста сперва сполз с брички, с перепугу что-то бормотал и согласно кивал, а потом они разъехались – машина вправо, двуколка влево. Староста понял, наверное, какую он допустил глупость – приведя квартирантов в наш дом, чтобы сделать нам пакость, в итоге – потерял двух молодых здоровых работников и, как оказалось, - навсегда.

Как люди просвещенные, квартиранты имели свои, пусть и мелкие, но традиции. Врожденные и приобретенные. Из приобретенных, на первом месте было вино. Чувствуя скорое невеселое будущее – они пили...пили, ежедневно и по многу (для немцев). Привозили с собой местное вино, ставили на плиту грушевидный казан на несколько литров, добавляли сахар, кипятили, а потом пили. Кипяченое вино, с сахаром, действовало на них быстро и эффективно. Зимние ночи длинные, делать практически им было нечего, поэтому они дико развлекались, чем могли. Пауль играл на губной гармонике, остальные двое кричали какие-то песни, а в конце, и всегда, они начинали...стрелять. Стреляли из пистолетов, на спор, - в мух, пауков, вшей на своих рубашках, развешивая их за рукава на гвоздях. Это было конечно шумно, страшно, но к этому мы как-то привыкли, а вот когда они специально «работали» на нас, это было действительно страшно. Мы спали на печке, все четверо - бабушка, я, и двое дядей, один, младший, Михаил был родной брат моей матери, то есть бабушкин сын, второй, Федор, был бабушкин племянник, сын её старшего брата, Фомы, который был репрессирован и за своего отца, раскулаченного в 1929-м, с 1930 года пилил лес в северных лагерях, как политический, и вернулся в Слободзею, через год после войны, в 1946 году. На печке было тепло и как-то мы там умещались. Торцевая стена, отделяющая печь от комнаты, где жили квартиранты, была всего в полкирпича и еще имела маленькое оконце в их комнату, размером в кирпич, заткнутое подушкой. Так вот немцам нравилось стрелять именно под потолок, рядом с той стенкой. Они хвалились друг перед другом точностью попаданий в угол-стык между потолком и кирпичной стенкой. Это была ежедневная пытка. Тонкая стенка тряслась от выстрелов с малого расстояния. Вся их комната была в сотнях дырок от пуль, на стенах и потолке. Один раз срикошетившая пуля разбила то огромное зеркало, что дяди притащили из войсковой части. После таких пьяных стрельб, мы иногда до утра не смогли заснуть. И никуда не уйдешь – дверь входную они запирали на всякий замок изнутри. А трогать такую обезумевшую от вина и ситуации, «компанию» было невозможно. А главное, они знали, как мы себя чувствовали во время этих

оргий, но это их только подзадоривало. И жаловаться некому – вся власть кругом – чужая, мало того, – вражеская... Хотя румынская – хоть немецкая.

Из «врожденных» традиций, на первом месте была охота. По субботам, они набирали с собой вина и консервов, забирали в качестве гончих собак моих обоих дядей и отправлялись к постоянному месту охоты – территорию между нашим селом Слободзея и соседним – Чобручи. От села до села – где-то около двух километров, вся эта территория раньше, минимум дважды в год заливалась Днестром, разливающимся весной в половодье и летом, при таянии снегов в Карпатах. За время войны, вся площадь заросла различной травой, местами в рост человека, и передвигаться по ней, было не так просто. А чужеземные охотники никуда и не передвигались. Они со стороны Слободзеи выбирали подходящие места с определенным сектором обстрела, посылали своих гончих «собак» в виде моих дядей – в загон. Технология была проста: Миша и Федя заходили со стороны Чобруч и шли в сторону Слободзеи, держась друг от друга на определенном расстоянии и своим «лаем», криками и ударами палок, шли в сторону охотников, загоняя дичь. В то время по зарослям прятались зайцы, лисы и даже иногда – волки. Дичи было не так много, но она была. При всей простоте этой охотничьей операции, по сути она была похожа на атаку, безоружных ребят на вооруженных тремя пистолетами немецких офицеров. Ни охотники, ни загонщики друг друга не видели из-за стоявшего стеной сухого бурьяна. Все ориентиры были по звукам и по виду попадавшей на пути дичи.

Пока загонщики шли от Чобруч и шумели, охотники пили и закусывали, рассказывая, как обычно в таких случаях, различные охотничьи истории и небылицы. Но так как расстояние от них до загонщиков было немалое, а путь по бурьяну нелегким, то времени у охотников хватало и напиться, и наговориться. По мере приближения загонщиков к месту засады, немцы рассредоточивались на оговоренные расстояния по фронту и... ждали. А при появлении дичи или каких-то других причин, – начинали беспорядочную стрельбу. Их вовсе не волновало, как себя в это время чувствуют загонщики и что с ними может быть. Дядя Миша рассказывал, что когда подходили на опасное расстояние и немцы начинали стрелять, они (ребята) просто падали в какое-нибудь углубление, прижимались к земле, продолжая кричать, больше от страха. Потом приспособились делать короткие перебежки, пока охотники перезаряжали оружие, потом еще придумывали какие-нибудь хитрости, зная, в каком состоянии те находятся...

Иногда попадались зайцы, даже было за зиму несколько лис. О, сколько было шумной радости! Трофеи цеплялись на ремни, их с гордостью несли домой, обязательно фотографировались на их фоне, а уже потом – закапывали все принесенное на огороде. Дичи они не ели, боялись болезней и нам кушать не разрешали. После удачной (да собственно, после любой) охоты –

обязательно следовала пьянка, но без стрельбы в доме, видимо, надоедало стрелять за день. А наших «загонщиков» по субботам трясло всю ночь от пережитого.

Пауль рассказывал, почему они ходят на охоту и в любую погоду. Их гонит самый старший, Людвиг. Он любитель, но сам ходить боится, и заставляет за компанию ходить всех. У его отца, в Германии, под Гамбургом, есть свои собственные охотничьи угодья, с множеством дичи, имеется большое количество охотничьего оружия и приспособлений, вот он и тоскует по этому. А ружей иметь на службе не положено, война все-таки, поэтому используют то, что есть. А какая охота с пистолетом! Но даже вроде бы не такой агрессивный, как его старшие товарищи, Пауль, никогда в разговорах не посочувствовал загонщикам, их как будто и не было во время охоты.

Нет худа без добра, как говорится. Именно соучастие в охоте, навсегда поставило крест на более чем двухлетних притязаниях и издевательствах к нашей семье, со стороны бандита-старосты.

Старшему из моих дядей, Феде, шел уже 18-й год. Он дружил с одной из соседских девушек. И надо же было так случиться, что она приглянулась сыну нашего старосты, откормленному такому отпрыску, который был внешней копией своего отца и официальным помощником того по службе. Девушка не хотела встречаться с ним и откровенно боялась. Когда Федя сказал ему об этом, сын старосты избил его и вдобавок какой-то палкой разбил ему голову. А через день - надо было идти на «охоту». Рано утром, в субботу, Людвиг зашел на кухню, увидел лежащего Федю с перевязанной окровавленной тряпкой головой, пришел в ярость, поднял его, посадил в машину, взял с собой в качестве переводчика Пауля и они все вместе поехали к дому старосты.

Как рассказывал дядя Федя, они застали семью старосты за завтраком. Староста жил неплохо. На столе была вареная курица, сало, яйца, стоял графин вина. Староста опешил и начал приглашать к столу. Людвиг, не обращая на него внимания, сердито спросил у дяди: «Вер (кто?) - дядя показал на сына – обидчика. Людвиг вытащил из кобуры пистолет, и с силой ударил сына старосты по голове рукояткой - тот упал. Людвиг вытер рукоять об скатерть, что-то зло сказал Паулю и стремительно вышел. Пауль повернулся к остолбеневшему старосте и, громко произнес: «Офицер сказать – будешь попадать ему в глаза – он застрелять!». Пауль с дядей вышли к машине и уехали.

С того дня, старосту на нашей улице больше не видели, да и на соседних, тоже. Враг нашел врага. Людвиг отомстил ему за сорванную охоту таким образом....И дядей моих больше никто не трогал. Охотничьи «собаки» оказались ценнее предателей.

Прошло столько лет, а до сих пор не могу понять, одну казалось бы пустяковую деталь. Мы питались плохо, мелкая вареная «в мундирах», картошка, лук, кукурузные лепешки иногда и капуста квашенная, тоже иногда. Немцы за все время квартирования, не дали нам даже куска хлеба, ну это все понятно, а вот почему они собирали пустые консервные банки в пакеты и увозили с собой – мне до сих пор непонятно. А мы так надеялись их «повыгребать», те остатки, но не довелось....

У меня было такое голодное «хобби». Уже говорил, что на печке, где мы спали, было маленькое оконце, в кирпич. Обычно оно было заткнуто подушкой. Когда немцев не было, я вынимал подушку и делал обзор их комнаты. Сверху было хорошо все видно - и лежащую на тумбочке губную гармошку Пауля. Наверное, страстное желание поиграть на ней, да хоть бы подержать в руках, сделало из меня сперва балалаечника, потом гармониста и баяниста. А тогда, я вождельно ласкал её глазами и любовался на расстоянии. Было у них в разных местах много всевозможных консервов. Особенно в овальных банках, рыбные, судя по этикеткам, я таких никогда не видел. У них все было как-то упаковано - и печенье, и хлеб, и кофе. Постепенно я осмелел и, наклонив предварительно голову, просовывал её сквозь узкую стенку. Так было больше видно, главное ближе...Я находился в раздвоенном положении – голова в комнате немцев, а туловище – на печке. И вот в таком положении и застал меня однажды Людвиг, не знаю, то ли они раньше вернулись с работы, то ли я увлекся, но он меня поймал. Мне бы надо было опять наклонить голову и вынуть её из окошка, вместо этого я дергался как заяц в петле и плакал. Прекрасно понимая мое положение, Людвиг встал на койку и начал меня щипать, щелкать по носу, орать и т.д. Я не мог это больше терпеть и -...выдернул-таки голову из окна-капкана, сняв при этом с подбородка все то, что его покрывало и упал со страшным криком на печку. Хорошо, что бабушка была на кухне. Увидев голую кость на моем подбородке и льющуюся с него кровь, она поставила стакан, дала выпить мне то, что в него набежало, промыла все содой и подвязала. Шрам через всю бороду так и ношу до сих пор, как память о тех квартирантах и моей беспечности.

Вообще, старший из немцев, Людвиг, был все время не равнодушен ко мне, может у него были свои дети дома, но он был неравнодушен исключительно со стороны садистской. Особенно, когда был пьяный. Он, я уже говорил – и так был черт без грима, а если еще сделает «рога» из своих рыжих волос и начнет меня гонять по кухне, отсекая от входа на печку, куда я мог бы спрятаться, и попутно по-немецки орать –выдержать было невозможно. Спасало то, что кто-нибудь из его коллег заходил и пытка прекращалась. Так было довольно часто, пока чуть не закончилось трагически.

В один из субботних дней, когда немцы были на охоте, бабушка выпустила меня погулять во двор, а сама что-то делала в сарае. Часового днем не было. Автомобиль Людвиг стоял у дома. Я увидел - возле машины валяется что-то желтое, с проводками. Поднял. Откуда мне было знать, что это разбитая электрическая лампочка от автомобиля. До того времени, я никаких электрических ламп не видел. Кто-то, видимо, из чужих ребят, разбил на машине Людвиг обе фары, а я подобрал выпавшую лампочку и взял с собой на печку, как игрушку. До того времени ни о каких игрушках я не имел понятия....

Немцы вернулись с охоты и Людвиг, как хозяин, первым увидел, побитые фары. Он вбежал на кухню, увидел, что я играюсь лампочкой, что-то страшно заорал и сделал то, что и делали везде фашистские оккупанты в подобных случаях - вытащил пистолет и выстрелил в меня, трижды. Я с перепугу забился в угол между вытяжной трубой от печки и грубой от плиты, а он стрелял, стоя на полу. Стрелял, с каждым выстрелом забирая вправо... ко мне. Я до сих пор помню этот ужасный грохот и торчащий ствол пистолета, изрыгающий смерть. Конечно, немец достал бы меня, если бы поднялся даже на первую ступеньку по пути на печку. Но в это время стрельбу услышала бабушка; она влетела на кухню, увидела, что в меня стреляют, обхватила стрелка за ноги, кричала, просила, Людвиг свирепо её отталкивал ногой и, скорее всего, выстрелил бы и в неё, но вбежавший молодой Пауль, выбил пистолет из его руки и увел в свою комнату.

Бабушка бросилась на печку, ко мне, схватила, оцупала - целый! Больше я ничего про тот день не помню. А потом оказалось, что у меня отняло речь и слух. О врачах в то время речи не шло. Меня долгое время водили по разным «бабкам», постепенно слух восстановился, а с речью у меня проблемы были долгие годы, я сперва - сильно заикался, а позже - не мог выговорить многие слова, что всегда создавало большие проблемы. Пока найдешь нужное слово для замены – разволнуешься, сбиваешься. В общем, лучше никому такое не знать. Лет двадцать моей жизни - речь была моей основной проблемой. Многого в жизни лишил меня тогда тот фашист и только постоянными многолетними тренировками, я сумел все-таки научиться говорить нормально и даже много лет читал лекции в разных ВУЗах, о чем даже не мог мечтать в молодости.

На второй день после той стрельбы, Пауль, пришел к нам на кухню, бабушка показала, каким они меня сделали, на что он сказал - Мол, Людвиг думал, что это он побил фары и поэтому начал стрелять. Что нам было до его оправданий! Он свое все показал в натуре.

Был еще один момент, который я помню. Начало весны 1944 года. Наша семья работала на огороде. Лопаты не было, а копать надо. Бабушка ковыряла землю вилами, дяди мои - заостренными палками. Пришел на огород один из

квартирантов – Карл, с лопатой в руках, шикарная такая, саперная, но не маленькая, а нормальная по размеру лопата, с таким красивым точеным набалдашником на ручке. Предлагает купить! За 40 марок! Откуда у нас те марки. А через несколько дней, на рассвете, начался невообразимый грохот. В маленьком окошке на печке, сплошным заревом и отдельным мельканием отражалась канонада. Наши войска, через наши головы вели обстрел немецких позиций на правом берегу Днестра. Огненными полосами били «катюши», громко бухали пушки. Стоял непрерывный гул и грохот. С рассветом – все стихло. Мы вышли во двор – машины Людвиг нет, зашли в дом ...и квартирантов – тоже нет. А в углу комнаты – стоит та самая лопата, которую хотел нам продать Карл! Ту лопату мы эксплуатировали лет пятнадцать после войны. Качественный был инструмент. Кроме лопаты, немцы бросили за ненадобностью полный вещевой мешок с оккупационными марками. Там их было много. Бабушка вместе с нами, уже попозже, обклеила ими вместо обоев стены в одной комнате. Три дня мы их расклеивали, получилось даже красиво, потом кто-то из соседей донес, пришел уполномоченный с отдела НКВД, посмотрел и увез бабушку в район, на молдавскую часть. Там два дня её продержали, потом отпустили, обязав соскрести со стен фашистские дензнаки, что мы опять вместе и сделали, проклиная...и тех и этих, честно говоря. Но это было уже позже, когда пришли наши.

Как-то незаметно исчезли «хозяева»- румыны, они вместе с немцами переправились на правый берег Днестра. Немцы оседлали тянущиеся по правому берегу высоты и готовились к обороне. На левой стороне им закрепиться было не за что. Опять было «безвластие» на русской части. Помню к нам заехало несколько молодых ребят, верхом на лошадях, попросили найти вина. Дяди у кого-то нашли вишневое вино. Ребята были в казачьей форме, но служили у немцев, отступали с ними от самой Кубани. Дяди мои уговаривали их сдать, но они боялись, что их не простят и расстреляют наши. Видимо было за что. А потом их отряд собрался, и двинулись они в сторону пляжа на русской части Слободзеи, думали вплавь перейти Днестр и соединиться с немцами, которые уже были на правой стороне. Люди рассказывали, что, когда они начали переправляться, подошло два наших танка, пристреляли пулеметами правый берег, и весь уничтоженный конный отряд, унесло течением.

В те же дни, вдруг откуда-то появился наш бывший квартирант, Пауль. Без погон, весь грязный. Он рассказал, что когда их ночью вызвали в свою часть, там объявили о срочной передислокации, куда-то южнее Слободзеи. Машину Людвиг чем-то загрузили, а они втроем, на мотоцикле, выехали в сторону Незавертайловки, впереди колонны. Людвиг вел мотоцикл, Карл сидел в коляске, а Пауль –на заднем сидении. Была плохая видимость, возле

какого-то села их обстреляли, наверное, русская разведка. Людвиг свернул на дорогу, ведущую через сад. Где-то на повороте, из-за деревьев выскочил русский танк и, как утюгом накрыл мотоцикл. Пауль как-то сумел перед этим спрыгнуть и скатиться в старую траву. Там отлежался до ночи, прятался в каких-то старых сараях и вот пришел к нам. На уговоры дядей - пойти и сдать - отказался, поел печеной картошки и ушел к Днестру, на правом берегу которого были немцы...

Судьба жестоко разобралась с моим злобным «пугалом», ну, видно ей (судьбе) виднее – с кем и как поступать. В середине апреля 44-го года, в Слободзее, появились наши солдаты. Люди, конечно, больше чем радовались. Многие просто плакали, от всего вместе – от радости, от надежд на будущее, а главное от того, что подошел конец чужеземной оккупации. Вроде бы нас (лично) не пытали, не жгли и не расстреливали, как в других местах, даже в близких к нам, но жить под кем-то, тем более, под врагом, и в военное время - не дай Бог никому.

Сегодня много говорят об оккупации и оккупантах, особенно такие разговоры популярны у наших соседей справа и слева (Молдова, Украина), да и в других некогда братских республиках, ныне суверенных государствах. Я человек по натуре добрый, наверное, даже излишне добрый, но тем, кто так говорит, имея в виду Россию и русских, понятно, что в том числе и моего деда, и отца, и меня тоже, я бы пожелал только одного – познать действительно, что такое чужеземная оккупация и «Нерусские» оккупанты - и тогда весь этот их бестолковый или кем-то проплаченный лепет, как ветром сдует. Грешно называть оккупантом того, кто готов отдать последний кусок хлеба или последнюю рубашку нуждающемуся, на территории, куда он пришел, в силу каких-то обстоятельств, тем более, не как захватчик. А еще более грешно и отвратительно – прикрывать якобы «национальным притеснением», свою ничтожность, простите.

Апрель – май 1944 года, в Приднестровье, были бурными и неоднозначными месяцами. Мы получали больше информации, появились даже отдельные фронтовые газеты. Дяди мои их читали, естественно общались с солдатами и хоть что-то, да знали об окружающей нас жизни, хотя бы в общих чертах.

Слободзея оказалась между двумя «плацдармами», созданными в первые дни освобождения, с целью подготовки захвата гитлеровских позиций на правом берегу Днестра. Если смотреть на запад, то справа нашими войсками, был захвачен и укреплен мощный Кицканский плацдарм, где накапливались силы перед штурмом, с апреля и почти по конец августа. Об этом плацдарме много сказано и написано.

Но, левее Слободзеи, был еще один плацдарм, в районе села Чобручи, на правом берегу Днестра. Понятно, что мы не знали ни о каких «плацдармах»,

а их, при наступлении наших войск было занято немало, и вниз по Днестру, и вверх. Дядю Федю, с приходом наших, сразу призвали в армию и отправили куда-то в район Карпат. Многих ребят его возраста призывали на службу, тут же пару недель обучали и бросали на передовую, туда, где в этом была необходимость. Как правило, основная масса таких подготовленных на скорую руку, бойцов, или погибала в первом же бою, или была ранена, а некоторые просто сдавались в плен.

Младший мой дядя, Миша, как-то ходил ночью на рыбалку и узнал новость, от лодочника-перевозчика. Был в Слободзее знаменитый лодочник, называли его «дед Изот». Я сколько себя помнил уже в юношеские годы, Изот, на своей лодке перевозил людей по одному маршруту (причем и во время войны – тоже) – Слободзея – Талмазы, есть такое село на правом берегу Днестра, в несколько километрах от реки. Его (Изота) услугами пользовались жители многих правобережных сел этого направления. Все эти села были расположены по гребню длиной возвышенности, тянущейся вдоль правого берега реки на многие километры. Чтобы попасть в те села из Слободзеи, надо было проделывать большие круги – через Бендеры на севере или через Раскайцы, на юге. Это было неудобно и очень долго, поэтому люди с удовольствием пользовались услугами лодочника, напрямую через Днестр, было гораздо проще и ближе. Дед Изот, общаясь с разными людьми в процессе перевозок, обладал различной информацией и именно от него дядя слышал, что ниже Талмаз – Чобруч и в сторону Раскайцов – весь Днестр одно время был буквально завален трупами и был красным от крови. Там очень, мол, страшные шли бои. Деду рассказал кто-то из перевезенных им людей, из этих сел. В Слободзее никто об этом ничего не знал. Знали, что наши войска накапливаются под Кицканами, в лесу, знали, что новобранцев тренируют по нашим огородам, а больше – никто ничего не сообщал.

Мы тогда со страхом слушали рассказ дяди, о реке с красной от крови водой и утопленниках, плывущих сотнями по воде, но это все воспринималось, как сегодняшние страшилки. На самом деле это была правда. Страшная, но – правда. Официально об этом никто не сообщал многие годы. Да, был такой плацдарм между Чобручами и Раскайцами, как раз там, где Днестр делает большую петлю, которая тоже стала причиной трагедии. Я об этом узнал только через многие годы. 320-я, Краснознаменная, Енакиевская, ордена Суворова, стрелковая дивизия, освобождавшая перед этим, Одессу, была буквально «втиснута» в так называемый Чобручский плацдарм, глубиной от 800 м до 1600 метров и была зажата между господствующими с трех сторон высотами, занятыми немцами впереди, и петлей Днестра сзади. Кто знает те места, поймет, что значит находиться на открытом пространстве острова Турунчук, каждый метр которого простреливался прицельно сверху. Мало того, еще находиться по другую

сторону приличной и глубокой реки, под прицелами всех видов немецкого оружия. Геройская дивизия просто попала в ловушку и, в течении одного дня, 13 мая 1944 года, была практически полностью уничтожена. Немцы вначале, расстреляли её прямой наводкой из орудий, а потом сбросили в Днестр. Взяли много пленных, особенно из тех новобранцев, которых призвали из Одесской области, после освобождения. Погиб командир дивизии и многие командиры подразделений. Вот откуда пошли слухи о плывущих по кровавой реке телах. Так и было...к сожалению. А погибших официально считали или пропавшими без вести, или «остался не похоронен у села Чобручи, Слободзейского района, Молдавской ССР, ввиду отхода дивизии на новый оборонительный рубеж». Кто в чем виноват – кто-то разберется когда-нибудь, а может, и разобрались...только, как объяснить это тем, кто прошел с боями до границы почти, и погиб по чьей-то глупости или несогласованности, в цветущем мае месяце 44-го года! И даже по заявлениям немцев, дивизия дралась до последнего, понимая всю безысходность и нелепость сложившейся ситуации. А вот по свидетельствам очевидцев, после боя, немецкие солдаты ходили по плацдарму и прокалывали штыками всех подряд – и мертвых, и раненых, на всякий случай. Такая, зверская, цивилизация....

А в Слободзее, в это время, налаживалась мирно-военная жизнь, параллельно готовились прибывающие пополнения, прямо по сельским огородам рыли учебные окопы, проводили военные занятия. Немцы занимали удобные позиции и ждали штурма, Иногда бомбили скопления людей в военной форме на нашей стороне. Хорошо помню, как несколько раз Слободзею, так, профилактически, бомбили. Мы прятались во дворе в овощной яме, было видно летящие бомбардировщики и падающие из них бомбы. Неприятно, конечно. На нашей улице упало три авиабомбы за этот период, одна из них – в конце нашего огорода. Мы ту воронку лет десять сглаживали –выравнивали...

Перед началом наступления, было принято решение об эвакуации гражданского населения из радиуса возможного поражения, при начале боевых действий. Нас на повозках вывозили в Одесскую область. Досталось нашей семье (уже и мама прибыла домой) - село Цебриково, к северу от станции Раздельная. Этот период я уже помню подряд весь, Запомнился там большой лиман с камышами и почему-то много цыган, детей и взрослых, но тоже не местных. Жили мы там не долго.

После того, как с Кицканского плацдарма и других мест, в двадцатых числах августа, наши войска пошли на Бендеры, и дальше на Кишинев, нас привезли опять же на лошадях домой. Проезжали Раздельную, и я там впервые увидел и отдельный паровоз, и даже целый поезд. Это конечно очень

меня поразило, до сих пор люблю паровозы, за их внешнюю гордую мощь и необъяснимо приятные гудки.

В Слободзею, наконец, вернулась мирная жизнь. Люди оживали. Оказалось, что живо наше село, а то за время оккупации люди практически не общались, кроме как на своей улице. Ночью было запрещено, а днем - сами не ходили, боялись попасть под какую-нибудь облаву, где обязательно будешь виноватым, да и просто старались не попадаться оккупантам и своим - предателям, на глаза, потому, что ничего хорошего из этого не получалось, кроме побоев, дополнительной какой - либо работы или откровенного грабежа среди бела дня.

А параллельно где-то шла война, многие люди находили своих близких, и в армии, и где-то в тылу. Заработала почта, телеграф, банк, магазины, появились органы власти, даже появились Наши, Советские деньги. Они тогда были такие большие, солидные, правда их у людей - не было. Первое время, люди ходили в учреждения власти, даже просто так, посмотреть и убедиться, что есть она, наша власть, и там не бьют за просто так и не пытаются, как бывшие «хозяева». Если раньше было одно большое огорчение на всех - Война, то теперь огорчения и беды шли по отдельным конкретным адресам. Шли похоронки, известия о без вести пропавших, а главное - пошли обычные, нормальные и такие дорогие письма с фронта. Это тоже была радость - если пишет - значит живой. Хотя бывало и так - приходит официальная похоронка, а потом письмо, от того, кого уже нет, где у него все вроде бы нормально, а официальная почта пришла быстрее.

Война продолжалась и у нас. Было оставлено большое количество различных боеприпасов, мин-ловушек. Этим особенно увлекались хитроумные немцы. Они оставляли на видных местах какие-нибудь предметы, привлекающие внимание - часы (испорченные), какие-то авторучки - да что угодно и первое время было много покалеченных людей, в первую очередь детей, которые все это поднимали и попадали на какую - нибудь пакость, чаще всего подрывались. Почти ежедневно подрывался на минах скот, выгоняемый на пастбище, подрывались люди, работающие в поле. Пацаны находили много стрелкового оружия и иногда устраивали перестрелки в борьбе за места купания, места рыбалки или пастьбы скота. Находили ящиками и россыпью различные мины, бросали их руками с обрывов, глушили рыбу в Днестре. Почти ежедневно приходили слухи о раненных или погибших, в результате таких действий.

Уже в осень сорок четвертого, начали работать школы. Дети три года не учились, кто учился до войны - забыли все, что знали. Голодные и многие босые, ребята, с радостью шли в школу. Сидели за столами, сбитыми из горбылей и на таких же скамьях. Писали карандашами, иногда «химическими», часто на листах, вырванных из довоенных тетрадей и

нитками сшитых. Тепла, света не было, учителей – единицы, Учебников - один-два на класс. А все равно - ходили в школу, в любую погоду и без всяких справок-освобождений от занятий. Во-первых – некому было выписывать те справки, во-вторых, в то время, любой пацан, прошедший оккупацию, лучше бы провалился сквозь землю, чем принес в школу такую справку. И не важно, что он утром не завтракал, а днем –не обедал, из-за отсутствия того, что можно было съесть, он шел Учиться! Должен сказать, что большинство ребят «переростков» - тех, кто ходил в школу до войны, а потом три года в ней не был – были очень добросовестными учениками, большинство из которых стали настоящими людьми.

В том же 44-ом, открыли первый на русской части в Слободзее, детский сад, я в него пошел в самом начале. Вначале он располагался на территории колхоза «Серп и Молот», потом несколько раз менял свое местонахождение. Должен сказать - и здесь меня ждало приключение напрямую связанное с войной. К нам из Одессы приехала одна родственница, мама у них жила всю оккупацию, ну она и приехала посмотреть, что и как. А главное – она привезла мне! - Первую мою игрушку – такую уменьшенную копию артиллерийского орудия, металлическую, синим покрашенную и с настоящим бойком! В ствол можно было что-то вставить, оттянуть за кольцо боек и выстрелить! Я по глупости (ну и конечно же, - похвалиться!), взял с собой пушку в детсад. Один из пацанов постарше, отнял пушку, а когда я поднял крик, он подбежал к находившемуся во дворе бассейну, бетонному такому, кувшино образному, вкопанному в землю, у нас раньше в большинстве дворов такие были для сбора дождевой воды, приподнял крышку и бросил пушку туда. Так как я не успокаивался, то повариха садика, солидная такая была женщина, наша дальняя родственница, нашла лестницу и полезла за той злосчастной пушкой. Глубина бассейна была метра три. Пушку она нашла сразу - та зацепилась за что-то у самой воды. Пушку передала наверх, а сама, вместо того, чтобы вылезти, издала нечеловеческий рев, обмякла, но осталась на ногах и пулей вылетела из горловины бассейна, хватая ртом воздух и пытаясь что-то сказать. Оказалось, что в бассейне, кроме пушки был румынский солдат, да ещё и вместе с винтовкой. Наверное, давно он там находился, дом этот был долгое время необитаем и кто знает, что там было и как. В этом доме в послевоенные годы был буфет, потом там построили хозяйственный магазин, современный, но потом и его разрушили. Стоял он напротив нынешнего Слободзейского райвоенкомата (если он там еще существует)... Такое вот эхо войны, в конце войны.

Принято считать, что война заканчивается тогда, когда найдут и похоронят последнего солдата. Особенности и масштабы той войны таковы, что вряд ли она когда-нибудь вообще закончится по данному критерию. Более 75 лет прошло, а в разных регионах России и за рубежом, продолжают находить

ежегодно сотни и тысячи погибших, и пойдй ещё узнай, кто это были – свои или чужие. И сколько их ещё - десятки, тысячи, миллионы??? разбросаны по всей огромной ширине бывших фронтов – никто не знает, да и вряд ли узнают когда-нибудь окончательно.

По официальным данным (я им как-то слабо верю), около 5500 человек жителей нашего, Слободзейского, района, погибли в Великой Отечественной Войне, 2500 человек погибли при освобождении района в апреле 1944 года. Почти половина из тех, кто пошел из Слободзеи на фронт – остались на полях сражений. Раньше, в День Победы, (каких-нибудь 35- 40 лет назад), ветераны Войны шли во всю ширину улицы и на целый квартал, теперь – уже их нет. Все ушли...

Судьбе было угодно, что для меня лично, война закончилась 1 мая 1946 года. В этот день, после шести лет отсутствия и трех войн, шесть раз раненый и дважды контуженный, вернулся мой отец.

Мне действительно повезло – прошла война, а у меня рядом остались – папа, мама, дедушка и два прадеда, по обеим линиям, отца и матери. В то время, как многие мои сверстники, не имели ни отцов, ни дедов, ни, тем более, прадедов, а часто и матерей – бабушек.

Сколько появилось калек, нищих, без рук, без ног! Всех их надо было как-то поддержать, лечить, кормить, как-то пристраивать. Параллельно поднимала голову всякая нечисть – бандиты, воры, шулеры всякие. Одесское направление, (а раньше Слободзея являлась одним из основных поставщиков продовольствия на одесские рынки), стало особенно опасным, банды грабили и убивали людей, выезжающих домой с вырученными деньгами. Одесские машины приезжали в район, набирали людей с продукцией, возили в Одессу, а обратно – отдельные люди уже не возвращались. Организованные группировки действовали нагло, имели связи с правоохранительными органами и никого не боялись, а многократные облавы, ни к чему не приводили, ибо бандитов всегда кто-то предупреждал. Шла вторая волна необъявленной войны населению, мало нам было чужой оккупации, стало невозможно жить уже в «мирное» время. Постепенно в Одессе навели порядок и нам стало полегче.

На многих улицах Слободзеи, без всякого порядка, на дорогах, в палисадниках, по берегу реки и, естественно, на всех кладбищах, было много вырытых на скорую руку, могил, с погибшими военнослужащими, по разным причинам - убитых, умерших и т.п.

Уже через несколько лет после войны, власти начали собирать и убирать воинские захоронения, с целью собрать их в одно место и, заодно, уточнить данные о тех, кто был захоронен. Такие мероприятия прошли по всему району, это был довольно тяжелый, я бы сказал даже, трагический момент в жизни нашего села и сел района. Делалось все примитивно и довольно грубо

– специально нанятые люди откапывали могилы, естественно – никаких гробов там не было, потом находили бесшабашных пацанов (не любой мог на это решиться), они выбирали останки погибших, складывали их в конные повозки и свозили в одно место. Потом эти останки просто сложили в несколько десятков гробов, естественно, навалом, и захоронили в братской могиле, недалеко от конторы колхоза им. Хрущева. А ещё через несколько лет их снова перезахоронили в центре русской части Слободзеи, где сделали мемориал воинской Славы, добавив к фамилиям воинов-освободителей Слободзеи, фамилии тех слободзейцев, кто погиб во время войны на разных фронтах.

Сегодня в Слободзее – два мемориала Воинской Славы – один в восточной, другой – в западной части села, как дань памяти и вечной благодарности тем, кто отстоял свободу и независимость нашей Родины от фашистской чумы. Там захоронены воины с разных концов бывшего Союза, разных национальностей, что еще раз подчеркивает, что Победу в той, действительно «Священной и Народной» Войне ковали все советские люди, в том числе и мои (наши) земляки – слободзейцы. Поэтому они и лежат все вместе на нашей земле, такой же родной, как и та, которую они где-то оставили, и, которую, вполне возможно, защищал кто-то из наших земляков и, возможно, тоже остался там, на их земле.

Как говорится в одной из моих песен: «Была великая у нас страна, Была, родимая, на всех одна. То был действительно наш общий Дом. Страну разрушили, а мы – Живем! Кому-то хочется нас запугать, Все, что нам дорого – взять и отнять! Где грубой силою, а где тайком. И пусть им хочется – А мы – Живем!» Это действительно так. И пусть так и будет всегда!

Вот что я хотел сказать, как Свидетель той, Великой Отечественной Войны, в которой наши отцы и деды, в том числе – слободзейцы, победили, и победили достойно!

Конечно, жаль миллионов людей, положивших головы за нашу Свободу. Сегодня некоторые, ожившие от того поражения в 1945 году, те, которые подготовили Гитлера и подтолкнули его к нападению на нашу страну в 1941–ом, и сегодня не жалеющие средств на развязывание новых войн, больших или малых, с нашей Россией, прилагающие любые усилия, чтобы разложить нас, начиная с той же молодежи и детей, уничтожить нашу экономику всякими надуманными санкциями и провокациями, попутно обложив нас военными базами, объектами ПРО и т.п. – обвиняют нас в том, что слишком высока, мол, цена Победы. Выходит – если бы мы сдались с первого дня Войны – никаких жертв не было бы. Вражеская чушь. Это как волк жалел кобылу. А главный вывод из той войны – пусть меня простит и Бог и те, погибшие люди – да, такой дорогой ценой, мы заплатили за сохранение своего тысячелетнего государства, созданного трудом и жизнью

предыдущих сотен поколений. Им тоже было не сладко, но они оставили нам прекрасную огромную и богатую страну, надеясь, что мы её также сохраним, приумножим и передадим новым поколениям. ИБО ВСЕ ЛЮДИ СМЕРТНЫ, а ГОСУДАРСТВО - ВЕЧНО! и нельзя какую-то сиюминутность, даже очень важную, - менять на вечность! По большому счету. Не имели и не имеем мы на это право.

В мире всегда цена России была высокой. Именно цена России. Это, при всем к ним (тем-чужим) уважении, не какое-то государство –пятнышко, где даже название на карте написать невозможно и которое можно на велосипеде, максимум –на машине , за день проехать насквозь, это –Россия! И здесь - всегда было так –или все –или ничего. Это в тех западных странах, где правят кланы родственников и войнами лишь решают какие-то семейные или финансовые проблемы. А у нас всегда на КОНУ – «в банке» – вся Россия, и итог всегда может быть один - или она, Россия, есть, или её, России, – нет. Другого варианта - не имеем. Поэтому и за ценой не постоим! И пусть все об этом помнят. Говорю – как чувствую и думаю. Обычный слободзейский ветеран, СВИДЕТЕЛЬ.

Вот все, что знаю, все, что смог вспомнить, чисто личного, из того времени. А всем нашим людям – желаю, на первом этапе, дожить до 100-летнего Юбилея Победы! БЕЗ ВОЙНЫ! Ну, а там – посмотрим...

Глава шестая. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ежегодно, в мае, мы отмечаем очередную годовщину Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. И как бы ни отдалялась по времени война и наша в ней Победа, как бы ни извивались некоторые нынешние критики-ревизионисты и не пытались принизить значение великого подвига народа и вымыть его из нашей памяти, все, что связано с этим историческим периодом, из памяти не вычеркнешь.

В связи с этим, я постараюсь напомнить отдельные моменты, связанные с той войной, опять же с точки зрения моей личной причастности к тем событиям. Победа для слободзейцев, по большому счету, складывалась как бы из отдельных, значительно растянутых по времени частей:

1. Апрель сорок четвертого. Пришли наши, закрепились на левом берегу Днестра и на Кицканском плацдарме;
2. Август сорок четвертого. Завершение Яско-Кишиневской операции, освобождение города Бендеры и прилегающих к нему правобережных сел;
3. Май сорок пятого. Окончание войны с Германией;
4. Август сорок пятого. Разгром японской армии.

Еще год ушел на возвращение домой тех, кто остался в живых. Так что радостно-горькое понятие «Победа» не олицетворяет собой какое-то разовое событие, а ассоциируется у слободзейцев со всем этим двухлетием.

Возвратилось с войны в село из тех, кто ушел на фронт, очень мало. Большинство из них призывалось или до войны, или в первые ее дни. Отшагав с боями от западных границ до Москвы и Волги, набрались опыта и закалились. Затем обратно — до Германии и Манчжурии. Вернулся, примерно, каждый третий. Те же, кого призывали летом сорок четвертого, после освобождения (в основном это были 18—19-летние ребята, выросшие в голодной оккупации, наспех обученные и брошенные на прорыв, как с Кицканского плацдарма, так и на более северных направлениях боевых действий), в большинстве своем не вернулись вовсе или в первые же дни наступления стали калеками — как физическими, так и моральными.

Война еще шла, а в Слободзее уже восстанавливалась мирная жизнь. Надо отдать должное бывшему великому государству: в то, супертяжелейшее время, когда завершение войны требовало колоссальных материальных, денежных и трудовых затрат, когда все, что можно было разрушить, — было разрушено, а что можно было украсть и увезти, — было увезено, страна нашла возможность уделить внимание детям.

Уже с сорок четвертого года в Слободзее, на территории колхоза «Серп и молот» (ныне район автогаража колхоза им. XX партсъезда) — был открыт первый на русской части детский сад. Затем он дважды менял место по

нынешней улице Советской Армии. Я ходил в детский сад с первого дня и «выпускным» для меня стало время, когда садик находился в центре села, там, где недавно был хозяйственный магазин.

Детсад и там квартировал недолго. Тот дом довольно широко известный старшим слободзейцам — как «буфет», и далеко не все помнят, что там был детсад.

Это место запомнилось мне на всю жизнь благодаря тому, что именно там я встретил первый самый радостный день в моей жизни.

Не буду подробно останавливаться на том, как мы тогда жили, в чем ходили дети, о чем говорили, во что играли и чем мы играли.

У меня вместо пальто был перешитый немецкий френч, довоенные сапожки на вырост, трескучая шапка-шарф из выменянной матерью в Одессе лисьей шкурки дореволюционной выделки. Такими экзотическими вариантами отличалась одежда всех моих сверстников. Мы этого не замечали, так как плохо было всем, и завидовать было некому, да и не до этого было.

Игрушки были самодельными, из местного материала, игры, как правило, были в «войну», и все детские разговоры и рассказы вращались вокруг военной темы. Дети были истощены, подавлены, но настроены на жизнь — несмотря ни на что. Начиная с осени сорок пятого года, стали приходить с войны демобилизованные солдаты. Редко, очень редко, но дети, приходя в садик, радостно сообщали, что кто-то к ним приехал — отец, дядя, дедушка или какой-то родственник или знакомый.

Если с осени возвращались с войны более интенсивно, то к зиме, а уж тем более к весне, этот процесс практически прекратился.

Дети как бы разделились — одни, счастливые, приходили и уходили с отцами, другие ждали — а вдруг? Ждали и те, кто знал, что отец погиб и не вернется никогда.

Мы не получили похоронку на отца. Не было, вообще не было никаких о нем известий целых шесть лет. Поэтому — ждали. Ждал и я. А как завидовал тем, у кого отцы вернулись! Сколько детских слез от обиды, зависти, пусть даже хорошей и несбывшейся надежды, я пролил в ту зиму и весну сорок шестого года! И вот подошел праздник 1 Мая. Был чудесный, по-летнему теплый день. Во дворе садика шло построение, готовились на сельскую демонстрацию. Мы построились в колонну по два и уже собирались выходить со двора, как там появился смуглый подтянутый военный, со многими наградами на груди. Он подошел к заведующей и что-то у нее спросил.

И тогда случилось то, что случилось, и я это запомнил навсегда.

Какая-то неведомая сила заставила меня, именно меня и никого другого, пригнуться. Я не знаю, почему это случилось, но это факт.

Заведующая показывает военному на меня и говорит: «А вот он, пригнулся». Военным был мой отец. Ни я его, ни он меня не помнил, но, видимо, что-то есть в нас то, что выше нас самих.

Я помню, как он меня обнял, поцеловал и поднял на руки. Больше об этом дне в памяти не осталось ничего.

Глава седьмая. ГОЛОД

Прочувствуйте слова-понятия: голод и холод. Проникнитесь трагическим величием этих славянских понятий, от которых так и тянет чем-то угрожающе-нежизненным, эдаким могильным холодком. Какие-то прозрачно-леденящие и в то же время необратимо неприятные чувства вызывает у людей само произношение этих слов, даже просто так, без увязки с конкретным событием.

К сожалению, а может, и к счастью, мы не всегда вдумываемся или вникаем в суть произносимых нами в обычном обиходе слов. Начинаем их понимать чаще всего только тогда, когда действие или что-то другое, вещное, которое они обозначают, каким-то образом коснется лично нас.

увязки с конкретными событиями. И, конечно, совсем по-другому понимаешь их значение в трудные времена, когда эта органическая связка холод-голод работает вместе.

Из прошлого мы знаем, что если голодно, то, как правило, всегда и холодно.

Беда одна не бывает.

В Слободзее, да и других местах Приднестровья еще живут люди, которые помнят локальную (украинскую) голодовку 1933 года и «юго-западную» — 1946 года. Основными причинами возникновения продовольственных кризисов в течение всех указанных периодов, были жесточайшие засухи, следовавшие за ними неурожай и усугублявшие ситуацию политические и экономические просчеты на всех уровнях власти. И недавняя страшная Война.

Каждый регион страны переживал эти удары судьбы по-своему, с учетом своих возможностей и умения что-то разумное противопоставить или предпринять.

Сытый действительно голодному не товарищ. И что такое голод, нельзя объяснить тому, кто с ним не сталкивался. Можно сколько угодно расписывать, как «костлявая рука голода» сжималась на чьей-то там шее — страны, отдельного региона или конкретного человека. Можно рисовать самые мрачные картины ныне живущим и жующим, можно пугать их голодным будущим — все будет бесполезным. Это надо ощутить на себе, чтобы сразу все понять, без разъяснений. Но лучше пусть Бог нас милует от этого.

А из истории нашего села и нашего края эти страшные времена не вычеркнешь. Что было, то было.

С особой жестокостью по нашим местам пронесся голодный сорок шестой год, унесший тысячи жизней, в первую очередь стариков и детей. Вся великая страна и наш регион лежали в послевоенных руинах. Много рабочих рук, особенно специалистов и работников сельхозпроизводства (трактористов, комбайнеров) ушло на фронт и не вернулось. Технику или вывезли или уничтожили. Мало-мальски строевых лошадей забрала война, все продовольственные запасы выгребли двигавшиеся туда-сюда огромные армии. Ко всему этому добавились

жесточайшие засухи сорок пятого-шестого годов. В зиму сорок шестого юго-запад СССР и особенно левобережное Приднестровье вошли без запаса продовольствия и кормов. Начался голод. Голод — это когда у государства практически ничего нет в запасе из продуктов, когда людей кормят «с колес», то есть то, что завезли — тут же съели, а хватает того, что завезли, едва на треть населения.

Голод — когда в доме нет ни крошки хлеба, нет ничего, что можно было употребить в пищу. И нигде ничего свободно не купишь.

Про воровство в то время и говорить не стоит. Во-первых, красть было нечего, да и наказания за воровство были настолько серьезные, что редко кто шел на такое рискованное дело.

Ситуацию того времени довольно емко и точно определил наш десятилетний сосед через улицу — ныне покойный Гриша Димитренко. На вопрос моей матери «Почему такой худой?», он ответил: «Та тож ныззя йсты — нэма хлиба».

Первыми начали страдать те, которые всегда страдают — многодетные семьи, особенно те, у которых мужики не вернулись с фронта. Работающие все-таки получали «хлебные» карточки, какие-то пайки и т. п. Пусть это были продукты низкого качества, пусть хлеб был из комбикорма, но хоть что-то было.

А тем, у кого на руках были старики и дети, было совсем трудно. Какими словами можно описать чувства и отчаяние матери, когда на нее устремлены несколько пар голодных умирающих детских глаз, которые просят лишь одного — кушать, чего-нибудь. А мать рвет на себе волосы по ночам, а весь день мечется по улицам, чтобы что-то достать поесть детям. Она готова отдать все и саму себя за кусок хлеба. Один за другим умирают старики и дети. Уходят из жизни и нестарые, которые послабее здоровьем или волей. Сперва худеют, а потом перед смертью опухают. Мертвых можно увидеть сидящими на скамейках, у заборов, просто не выдержавшими ходьбы и упавшими посреди улицы. Люди уходили из жизни тихо, и в этом было, наверное, самое страшное. Те, кто жил одиноко, могли лежать покойниками в своем доме неделями, пока кто-то их не обнаруживал. В гости никто не ходил, поэтому или случайно узнавали об ушедших из жизни, или после специальных обходов по домам представителей власти.

Сперва много плакали, а затем и плакать перестали, сил не было.

Люди лихорадочно искали пищу. По влажным поймам выкапывали папоротники, их корни высушивали и перемалывали на муку. Выловили и съели все ракушки-перловицы со дна Днестра, черные, с крупными шипами, водяные орехи в старом русле реки, измельчали ветки и стебли, охотились за домашними и дикими животными. Все это делалось в усиленном темпе, совершенствовались орудия лова и переработки, расширился ассортимент используемого сырья.

Все заботы, мысли, действия были подчинены одной цели — найти еду. Болезни были временно забыты. Болеть было некогда, да и нельзя. Человек или жил, или умирал, времени на болезни у него не оставалось. Как всегда в такие периоды

наживались те, кто «сидел на харчах». Люди за кусок хлеба отдавали все, не считаясь, — золото, антиквариат и т. п. Кому, как говорится, война, а кому — мать родна.

Во второй половине зимы сознание у людей начало притупляться. Уже не было первоначальной реакции на смерть соседей или родственников, а такие известия приходили в дома ежедневно. Уже и не так хотелось кушать. Многие люди ждали или смерти или чуда.

И тут по-настоящему очнулось большое государство, которое вначале оказалось неготовым к таким событиям — не поверило данным о том, что в таком благодатном краю, не оказалось даже минимального запаса продовольствия. Из других регионов начала оперативно поступать помощь продовольствием, семенами, кормами, лошадьми, техникой. Начали более интенсивно подкармливать детей в школах, увеличили отпуск продуктов по карточкам, организовали пункты питания, дали возможность получать зарплату и купить продукты в магазине. Как раз с начала года ввели новые деньги, увеличив их номинал в десять раз, прижали спекулянтов. К весне-лету люди ожили, скорее почувствовали, что начинают жить. Но для очень многих слободзейцев, да и не только слободзейцев, та зима стала последней. Я специально привел эту черную быль, чтобы помнили, что такое уже у нас было и может повториться, если будем продолжать так хозяйствовать на земле. А помогать сегодня так, как раньше помогали, уже будет некому, так что доводить дело до голода нам нельзя ни в коем случае.

Чтобы как-то смягчить тяжелый осадок от этой небольшой зарисовки, приведу несколько моментов из своей жизни в период голодовки — с налетом грустного, но все же юмора.

Как уже было сказано, мы питались тем, что сумели достать. Кушали, как правило, один раз в день, в каждом доме по-разному. У нас, например, кушали вечером. Почему не утром? Если поесть утром, то можно день протянуть, но вечером не заснешь, особенно, если будешь знать, что что-то приготовлено на утро.

А так, поели вечером, и все знают, что в доме больше ничего съестного нет, можно спать спокойно, не мучаясь желанием встать и чего-то поискать.

Под старый Новый год (сорок седьмой) моя мама где-то выменяла поллитровую баночку пшена и столько же козьего молока. По поводу праздника бабушка сварила тыквенную (кабаковую) кашу с молоком. Каша получилась отменная, но с одним очень существенным недостатком — ее было очень мало, с учетом количества едоков. Мне за столом места не досталось, и я устроился на высокой самодельной кровати. На дно огромной деревянной миски мне положили ложку той драгоценной каши (больше не досталось!) и дали тоже огромную, по моим параметрам, деревянную ложку.

И тут я совершил свою первую в жизни продовольственную ошибку. Вместо того чтобы побыстрее съесть свою порцию, начал растягивать удовольствие — поглаживал ложкой горку каши и затем облизывал ложку. Так продолжалось несколько минут. Наш, отощавший на нет кот, кстати, тоже Васька, не выдержал моих издевательств над кашей и выпрыгнул с пола на койку, в район предполагаемого им расположения миски с кашей. Надо сказать, он угадал направление правильно и упал точно в миску. Когда же я его вытряхнул из нее, Васька ушел вместе с кашей, которую «промокнул» своей шерстью. Затем спрятался от меня в русской печи, облизал кашу со своего живота и спокойно заснул.

Я тоже облизлся, правда, впустую, так как кашу давно съели, и тоже попытался лечь спать... С тех пор я не то чтобы не люблю кошек, я их как-то непроизвольно внутренне ненавижу. И ничего не могу с собой поделать.

Вторую подобную ошибку я допустил уже попозже, где-то в конце мая. Мать с дядей повезли первую черешню в Одессу, оттуда привезли примитивных гостинцев. Мне досталось пирожное в форме небольшого пористого яйца.

Нет, чтобы сразу его съесть, так я его часа два облизывал. Одну сторону чуть ли не на палец слизал. Остаток положил на трехъярусную полку на кухне («мысник»), чтобы завтра закончить. Однако утром пирожного на месте не оказалось. На мой отчаянный рев и крики никто не мог ничего вразумительного ответить, пока не проснулся дядя. Он сказал, что, скорее всего, пирожное «миша съела», и не надо его зря искать. Кстати, дядю тоже звали Мишей... Когда в 18 лет приходишь домой с улицы голодный и, шаря в потемках по полкам, ищешь, что бы перекусить, то можно и не заметить, как проглотишь маленькое пирожное...

Дяди давно нет в живых, а случай с пирожным так пока на нем и висит — как нераскрытое преступление.

И еще одно. Когда поезда проходят мимо села Ново-Котовск и опускаются в долину к станции Кучурган, и наоборот — поднимаются от Кучургана на Тирасполь, вагоны как бы утопают в разрезе горы. С обеих сторон железной дороги холмы, а внизу между ними катятся вагоны. Довелось мне именно в те далекие голодные годы видеть одну из диких картин борьбы за жизнь.

У нас был голод, а на западе Украины, так называемом «Подоле», было получше с продовольствием. И вот на поезде, который ходил примерно по тому же маршруту, как сегодня ходит состав «Одесса-Ивано-Франковск», люди ездили «на Подол» за продовольствием. Меняли что-то на что-то или продавали-покупали — не суть важно, но все вагоны и их крыши были забиты так называемыми «мешочниками». Их часто грабили различные организованные и неорганизованные преступники. И ночью, и среди бела дня.

Однажды мы, в районе Ново-Котовска, с дядей Колей, пасли коров. Идет поезд, весь увешанный людьми, корзинами и мешками. Лето, ясный день. Когда поезд

опустился во впадину, и вагоны пошли ниже нас, стоящих на холме со стороны села Ново-Котовск, вдруг с противоположной стороны на головы ехавших на крышах людей посыпались крючки-кошки (те, которыми из колодца ведра вылавливают)! Эти кошки крепкими канатами крепились к телеграфным столбам, тянувшимся вдоль железной дороги. Их забрасывали бандиты, иначе не назовешь, стараясь зацепить мешок или корзину. Если удачно, — то поезд себе шел, а закрепленный «объект» падал на землю и подбирался.

Я видел, как две кошки стащили по мешку, а одна попала на молодую женщину и зацепилась за голенище ее сапога.... Раньше их шили не так плохо, как сейчас, и это для той женщины обернулось бедой. Поезд идет, непреодолимая сила стаскивает женщину с крыши вагона. Соседи пытаются ее удержать, но и им грозит падение. Все в ужасе кричат, особенно та, которую зацепила кошка Секунды — и «счастливая» развязка, кошка все-таки разрывает голенище сапога, чертит глубокую рану в ноге и падает, пустая, на землю. Все это длилось несколько секунд, но врезалось в память навсегда. Ради еды люди шли на все, даже на убийство другого человека.

Конечно, в нашем благоприятном крае стыдно быть голодным. И не должно повториться то черное прошлое.

Но... Надо помнить, что если за годы Великой Отечественной войны мы снизили производство продовольствия в 2,5 раза, то за годы реформ — почти в 5 раз, по отдельным направлениям (тем же овощам, во многие десятки раз). Это просто обязывает серьезно задуматься о нашем будущем.

История не только повествует, она и предупреждает. Подумаем о себе, люди.

Глава восьмая. ЭХО ВОЙНЫ

С каждым годом все дальше уходит от нас тот страшный период жизни нашей страны, который мы называем — Великая Отечественная война. Но, сколько бы не прошло лет, десятилетий, да и, наверное, веков, память о той войне навсегда останется в истории человечества. Человеческая память о войне, действительно великой и по масштабам, и по силе духа принимавших в ней участие людей, будет жить до тех пор, пока живы как сами ее участники (хотя бы один), так и их родственники, жены, сестры и братья, дети. Память о войне будет сохраняться до тех пор, пока не сравняются с землей могилы павших и пока лежат где-нибудь в земле неизвестные солдаты, а также неразорвавшиеся в свое время мины, снаряды или бомбы, которые, нет-нет, да и напоминают о себе, как правило, трагичными неприятностями. Мы называем такие случаи «эхом войны». Неизвестно, сколько времени еще это «эхо» будет грохотать над нашей землей! И кто знает, где и когда это случится.

Расскажу один случай из жизни, связанный с этим самым печально-коварным эхом. Расскажу, в первую очередь, потому, что она, та война, прокатившись по деду, отцу и мне, эхом прошлась и по моему сыну.

Многие знают, а кто-то слышал об одном из величайших сражений времен той войны — Курской битве. На своеобразной географической дуге (Орел—Курск—Белгород) сошлись танковые армады воюющих сторон. В ходе страшных боев, как в гигантской мясорубке, перемалывались в огромных количествах танки, пушки, машины, люди. На головы участников битвы было сброшено бомб, мин, снарядов и других боеприпасов столько, что можно было уничтожить каждого солдата по несколько тысяч раз. И не вся эта масса боеприпасов взорвалась, да и не вся была использована. Земля в тех местах буквально нашпигована взрывоопасным металлом.

На окраине областного центра, города Курска, был двухсот гектарный массив, который после войны так и назывался — «мертвое поле». Его нельзя было использовать ни под посев, ни как пастбище. За 45 лет, город, расстраиваясь, огибал это поле, и оно постепенно оказалось в его черте. Практически ежегодно там подрывались люди и животные. Посылали на его разминирование в разные годы несколько групп саперов, но так ничего толком и не вышло. Группы или погибали, или прекращали работу из-за невозможности ее осуществления по разным причинам. Городские власти уже не могли контролировать ситуацию, и когда в 1987 году, на том поле, подорвались до десятка школьников, областное начальство вышло на Москву с просьбой-требованием освободить город от этого очага беды, так как почти за полвека счет пострадавших на этом поле горожан пошел уже на сотни.

Москва отреагировала жестко и конкретно. В итоге было принято решение о сплошном (по сантиметру) разминировании. Оставалось только найти

смельчаков-добровольцев, так как штатные саперы, зная историю предыдущих групп, не особенно стремились попасть в это гиблое место.

Агитационные поиски шли по всему Московскому военному округу. Особенно по военным училищам с родственными данной ситуации специальностями и войсковым частям аналогичного профиля. Через некоторое время спецгруппа была организована. Возглавил ее опытнейший сапер — майор Мазур. Подразделение из разных родов войск, разных национальностей, разных характеров и возможностей, было прикомандировано к Курской дивизии. Им предстояло или сделать то, что не смогли сделать коллеги-саперы за последние 45 лет, или не сделать ничего. Они знали, на что шли. Они знали, что сплошное ручное разминирование — это работа плотной группой, где одной, даже не ошибки, а просто нелепого случая, хватит на всех сразу.

Главной опасностью предстоящего фронта работ была полная неизвестность и неопределенность. Это не было какое-то упорядоченное минное поле, с какими угодно секретами, это было просто сплошное и невидимое нагромождение металла и взрывчатки любых систем, видов, положений, сроков годности и в любом состоянии взрыво готовности.

Собранная и наспех подготовленная группа за саперный сезон 1988 года практически без потерь «оживила» бывшее мертвое курское поле. Земля отдала более четырех с половиной тысяч только крупных взрывоопасных предметов (бомб, мин и снарядов), не забрав ни одного смельчака. Благодарные куряне готовы были на руках носить ребят за все, что они сделали для города и не только на «мертвом поле».

Почему вдруг я об этом рассказываю? Дело в том, что мой сын, Василий Гурковский, выпускник Слободзейской средней школы №3, учился в то время в Московском высшем командном училище дорожно-инженерных войск на факультете «Гражданская оборона» и тоже стал одним из участников той добровольческой группы саперов. Мы с женой узнали об этом только тогда, когда он уже был в Курске. Я сразу же выехал туда, увидел все своими глазами, побеседовал с их начальником, понял, что предъявлять какие-то претензии сыну за то, что он добровольно оставил училище ради такого рискованного дела, нет смысла, и уехал домой.

С тех пор полтора года подряд жизнь нашей семьи продолжалась в совершенно ином режиме. Мы боялись писем и официальных сообщений. Просто надеялись и молили Бога, чтобы все обошлось. И спасибо ему, что так и вышло. По окончании выполнения основной «курской задачи» группа была отмечена министром обороны СССР именными часами, а трое ребят награждены боевыми наградами в мирное время. Орден «Красной звезды» в июне 1989 года, получил майор Мазур, высшей солдатской медали «За отвагу» удостоился и наш сын Василий.

Примечательно, что в числе многих боевых наград медаль «За отвагу» имели и мой отец — Андрей Гурковский, прошедший через три войны, от финской до японской, и мой дед — Гавриил Гурковский, пулеметчик в первую и во вторую мировые войны. Такая вот преемственность получилась. А если учесть, что мой прадед помогал братьям-болгарам в составе русской армии в XIX веке, а его прадед, запорожский казак, один из первых слободзейских поселенцев, ходил с русскими войсками на Измаил еще в XVIII веке, то можно сказать, что все правильно, так оно и должно быть. Каждое поколение, помня свои корни, оставляло что-то хорошее, свое, на этой земле.

И это не только в наших семейных традициях. Это наша славянская, православная основа. Только наши люди могут закрыть собой амбразуру дзота, идти с саблями на танки верхом на лошадях в тридцатиградусный мороз, воевать с одной винтовкой на троих, погибать на морском дне и не сдаваться. И это не какой-то писательский пафос. Это просто - правда.

В подтверждение сказанного еще немного добавлю. Когда я был в Курске, майор Мазур, рассказал мне об одном эпизоде из жизни тех саперов-добровольцев.

«В то время как мы очищали поле в Курске, — рассказывал майор, — поступил срочный вызов в Белгород. Там в густонаселенном новом микрорайоне начали закладывать фундамент жилого дома. Грунт болотистый, поэтому вначале его укрепляли, забивая сваи. В одном месте свая не пошла, стали бить левее, потом правее — не идет. Раскопали экскаватором — увидели авиационную неразорвавшуюся бомбу. Экскаватор слегка поцарапал ее стабилизатор. Глубина — метров пять. Бомба — 250 кг. Оцепили стройплощадку. Взрывать на месте нельзя, кругом - многоэтажки. Вызвали нас. Ребята расковыряли вокруг бомбы огромную яму. На дне ямы по пояс не вода, а глиняный раствор. Места мало. Работали по двое, стоя почти по пояс в грязи. А бомба — чем больше подкапываем, тем больше тонет под собственным весом. Я сел за рычаги экскаватора, начал использовать стрелу как кран». Тут майор закурил. Помолчал и продолжил: «Веришь, я много кое-чего подобного видел и в Союзе, и за рубежом, но такое простое и ужасное зрелище наблюдать пришлось впервые. И, не дай Бог, еще когда увижу. Лето, солнце, жизнь кругом, а я сижу мокрый в кабине экскаватора и смотрю, как внизу на дне огромной ямы стоит твой Василий с азербайджанцем Акперовым, почти по пояс в желтой грязи, обвязывают стропами, как дорогую живую вещь, утопающую бомбу и кричат: «Вира». Потихоньку поднимаю, напряжение до предела, и вдруг... бомба выскальзывает из строп и падает к ребятам в яму, обдав их волной грязи и уйдя почти по стабилизатору снова в грязь. Ну и отчаянный пацан, твой сын! Вынырнул из грязи, не обращая внимания на находящуюся в метре от него бомбу, показывает — давай «майнай» стропы. И снова с бомбой в обнимку, снова обматывание ее «туловища» тряпками, так как она на ладонь в налипшей глине, и снова: «Вира!»».

Когда бомба выскользнула второй раз, у меня потемнело в глазах, я чуть не вывалился из кабины и несколько секунд был в страшном оцепенении в ожидании чего-то ужасного, боясь глянуть вниз. А внизу — эти живые два клубка грязи — снова обвязывают стропы! Скажи, где, в какой стране можно найти таких ребят?! Мы твоего сына к медали «За отвагу» представили, больше ведь курсанту не дадут, а я так думаю, что таким и героя не жалко. Он у нас здесь стержень группы. И рассказать что-то веселое может, и спеть под гитару, да и вообще ребята его уважают. Тот раз с третьего захода бомбу -таки вытащили. Пока грузили ее на машину, какого-то старика привезли — старожила. Он нас еще «обрадовал». Рассказал, что во время войны они жили на этом месте в своем доме. При одном из налетов авиации, пока семья пряталась у соседа в погребе, на его участок упали две бомбы и обе не разорвались. Бывает же такое! «Богатый» дед, да и счастливый! Одна упала в сенцы его дома, прошив крышу, потолок, и ушла глубоко в топкую почву. Вторая бомба упала в огороде, метрах в десяти от дома. Старик говорит, что заявил об этом кому-то еще во время войны, потом кто-то приходил, но так как бомбы глубоко «утонули», а всем было не до этого, то так все и осталось. Крышу и потолок заделали, и семья еще лет двадцать жила «на бомбе». Потом дом снесли под новостройку, а им дали квартиру неподалеку, в новом доме.

В общем, дед задал нам еще одну задачу — начали вместе с ним, по памяти, искать вторую бомбу, упавшую в огород. К счастью, она попала на более сухое место, мы ее оперативно откопали, без проблем подняли и увезли. Спасибо тебе за сына, отец. Знаешь, наверное, хорошо, что он ушел из училища, от той гражданской обороны. Он всегда лезет на рожон, а ведь бомбы не всегда падают по два раза на голову, не взрываясь. Спасибо еще раз».

Вот такая простая жизненная история. А сколько еще таких бомб и других взрывоопасных предметов ждут своего часа! И кто знает, какого часа? Эхо войны не прекращается. Стареют люди, стареет металл. И пусть над землей грохочут лишь мирные взрывы. Люди это заслужили. И те, кто воевал, и кто не знал той войны.

Глава девятая. Голубой огонек

Открыл дверь в дом или квартиру, нащупал выключатель-щелк – и лампочка загорелась. Еще несколько щелчков -и загорелся экран телевизора, из манитофона или репродуктора- полилась музыка....

Прошел на кухню -легкий поворот ручки – готова к работе плитка или газовый котел. Все сегодня просто и привычно. А до начала пятидесятых годов двадцатого века, в Слободзее электричества не было. И всего сопутствующего- тоже. Не стояли по улицам столбы, не горели фонари. В безлунные ночи можно было столкнуться с идущим навстречу человеком, не заметив его в двух-трех шагах. Естественно, ни о каком покрытии уличных дорог(черном или белом) и понятия не было.

Желтыми пятнышками по ночам светились окна домов. В конце сороковых, уже во всех домах имелись керосиновые лампы. А во время войны и несколько лет после неё, люди пользовались в основном коптилками. Это своеобразные сосуды(бутылки, банки, снарядные гильзы и т.п.), закрытые сверху жестяными крышками, в середине которых, монтировалось гнездо для фитиля из обрывка одеяла или шинельного сукна. В сосуд заливали подсолнечное масло или (очень редко_ -керосин. Под свет такой «коптилки» - варили и кушали, стирали, читали и делали уроки.

У нас дома была одна керосиновая лампа. И когда родители уходили в свою комнату и забирали её, я переходил на «автономное освещение» и зажигал свою любимую «коптилу». Это была гильза от снаряда противотанковой пушки -сорокопяти со сплюсненной горловиной, куда был вложен фитиль из куска шинели, а с другой стороны- было оставлено отверстие для заливки горючего. «Коптила» была моей гордостью. Попала она ко мне в порядке обмена, будучи до этого просто пеналом для карандашей и ручек, с самодельной деревянной пробкой. Отдал я за этот блестящий пенал настоящий немецкий пистолет «браунинг», который нашел в старом окопе. Красивый маленький черный пистолет, имел один недостаток -в патроннике у него застрял позеленевший патрон и я боялся из него стрелять.

Тот, кто заставил меня меняться, был гораздо старше. Он тут же отошел в сторону, заложил руку за ствол дерева, нажал на спусковой крючок и остался без двух пальцев и без пистолета. Но дело не в этом.

Я несколько лет пользовался этим источником света и до сих пор вспоминаю его с благодарностью. Были, конечно, и неудобства. Если считаешь или попишешь при таком освещении, час или два, то столько же

времени надо было прочищать ноздри, глаза, уши и другие части тела от сажи.

Ко всему приспособливается человек. Сколько десятков книг прочитал я при таком свете! Какая все-таки несправедливость. Сегодня у нас дома несколько тысяч книг, да никто не читает. А в мои школьные годы, когда не ходили по Слободзее автобусы, а машины проезжали по одной в час в лучшем случае и пацанов никогда не подвозили, а на повозках, выезжающих на базар, букетами сидели люди с мешками, сумками и корзинами, я раз в месяц, вместе с ребятами с нашей улицы, ходил пешком в Тирасполь (20 км от нашего дома) за тетрадями и другими канцтоварами, а по воскресеньям, отправлялся за 5 км, на молдавскую часть в детскую библиотеку, где на неделю по 2-3 книги, так как дома ни одной книги не было. Все, что можно было взять в школьной библиотеке (а там была очередь на отдельные книги)- я прочитал, а в районной детской – мне разрешали брать по несколько книг на неделю, потому мама, работала в райисполкоме, рядом с той библиотекой и договорилась за меня.

Не помню когда, но появилось электричество в школе. Свет давали с шести утра-до двенадцати ночи. Поставили небольшую электростанцию в МТС и обеспечивали отдельные учреждения (больница, почта, школа и т.п.). Пришлось и тут приспособиться. Начал вставать в пять часов, к половине седьмого приходил в школу и, пока уборщицы убирали -до начала занятий, успевал сделать уроки. Как говорится- кто раньше встает- тому и Бог дает... Конечно рано, темно, часто грязь и всегда страшно для школьника младших классов, Но..., что было делать? Надо!

Где-то с пятьдесят первого-второго годов появилось радио. Один большой колокол-репродуктор повесили на нашей улице у конторы колхоза, второй - центре села, возле клуба. Стало лучше. Выходишь из дома -по радио гимн играют. Пока идешь, полдороги слышишь радио с нашей улицы передают, последние на молдавском языке. Подходишь к школе -слышишь радио из центра, те же известия, на русском языке. Я их почти не слушаю, все услышал по-молдавски, а уроки делать надо. И так -каждый день, пока не появился свет у нас в доме

Ну, это уже было позже, когда запустили Дубоссарскую ГЭС, в пятьдесят четвертом.

А двести лет до этого, все было так, как я сказал вначале, только еще более сложнее. Не было ламп и керосина, а были свечи, у тех, кто по богаче, да лучины, лампы и коптилки -у всех остальных. Топили соломой,

кукурузными и подсолнечными стеблями, сухими кизьяками, ветками и хворостом.

Купались в кадушках, опуская в воду нагретые камни. Гладили одежду жаровыми утюгами или «рублями» (рубчатое поленце с насечкой), брились опасными бритвами, стирали самодельной щелочью, пропуская воду через золу. И все-таки -Жили! Мы, сегодняшние -тому подтверждение.

И все-таки, я хотел бы остановиться только на одном моменте, той, прежней слободзейской жизни. Увеличим лишь один небольшой, но важный штришок, и всмотримся в него повнимательней.

Это -песни. Раньше очень много пели и мало пили. Сегодня -много пьют и почти не поют. Сегодня для пения -кого-то нанимают, так как сами, в большинстве случаев, ни петь, ни играть, уже не способны. Раньше пели везде и всегда. Шли на работу или с работы -почти всегда пели. Причем пели всегда «по сезону» и к месту. Пели на самой работе. Коллективность в работе определяла и коллективные песни. Ни один народ в мире, по своему менталитету, кроме славян, не умеет и не может петь хоровые песни. Петь по-настоящему, с душой, да еще на несколько голосов. В хоровой песне отражается душа народа. Здесь нет ярко выраженных солистов, каждый добровольно поет свою партию, так как из одних солистов хора не бывает. Песня как бы собирается из отдельных элементов, но звучит едино, мощно, понятно и доходчиво.

Часто длинными, зимними вечерами, на колхозном дворе или по домам, собирались бригадами или звеньями, теребили руками кукурузные початки, выделяли семена фасоли или подсолнечника и обязательно пели. Всегда, в таких случаях находилась заводила-запевала, он или она, и запеваля песню. За вечер их перепевали многие десятки. Разного плана –от старинных, до самых современных(по тем временам).

Незабываемое зрелище, которое, к сожалению, никогда больше не увижу, когда на какой-нибудь семейной гулянке запеваля песню трое Гурковских-отец мой и два его меньших брата Василий и Николай. Это надо было не только слушать, но и видеть, когда висящие под потолком, керосиновые лампы, при высоких нотах- начинали мигать и одна за другой - из-за сильнейших колебаний звуковых волн, - гаснуть. Это были не сегодняшние микрофонные хрипуны. Это было натурально, красиво и бесподобно.

Но особое место во всех этих песенных событиях, занимали осеннее -зимние уличные концерты. Не все улицы Слободзеи одинаковы. Были среди них и более примечательные, и не только по достатку или благоустройству.

Примечательными именно людьми, а если еще понятнее сказать – то своими девчатами.

Мне в свое время здорово повезло. Девчат на нашей улице хватало, а главное-самые видные и голосистые жили прямо напротив нашего дома. И окно, где была моя «резиденция» (обычная русская печь) выходило прямо на место уличного игрища. Туда, после работы и в выходные, сходились почти все девчата нашей улицы. Мы так устроены, что чужое всегда лучше –и к нашим девчатам ходили ребята с других улиц, а наши парни искали себе подруг вне нашей улицы. Может быть, свои с детства –«приедались».

Компания собиралась солидная. Девчата танцевали, репетировали новые песни, готовили к различным обрядовым событиям (свадьбам, новосельям, крестинам. проводам в армию и т.д.). Три-четыре часа, по два-три раза в неделю, я наслаждался этими концертами. По форме -это чем-то смахивало на телевизионную передачу. Когда компания уже собиралась, я прекращал читать и писать, тушил свою «коптилу» подкладывал к окошку стеганое одеяло и замирал, стараясь не пропустить ничего из происходящего. Окошко с печки было без переплетов, по размерам со средний телевизионный экран, за войну большинство деревьев на улице вырубил, так что ничего не мешало мне в этом голубом экране видеть все, происходящее через дорогу.

«На городи вэрба ря-а-асна» - начинала Люба Димитренко, наша соседка. «На городи вэрба ряс-на-а»-подхватывала вторым голосом Катя Димитренко, её двоюродная сестра. «Там стояла дивка кра-а-а – сна» - подхватывали остальные девчата и ребята.

Поверьте, я никогда больше ничего подобного не видел и не слышал. Это действительно было естественным и красивым. Украинские и русские песни, частушки, игры, хороводы, шуточные рассказы.

После трудной физической работы, люди тянулись друг к другу, не распознаясь по своим щелям, и находили-таки время для общения. В этом всегда была наша сила. Эта общность всегда спасала нас от любых бед. На том стояло, стоит и должно стоять село наше, да и земля наша! Живет наша земля, и жить будет!. Довели нас бывшие поводыри до тупика и бросили. Давайте, в очередной раз вспомним, кто мы и чьи мы, и начнем очищаться от всех этих струьев и грязи. Умоем, накормим и научим детей наших! Они не должны стать последними на Слободзейской земле. И не должны вернуться к лучине, сохе и к моим детским «голубым огонькам».

Глава одиннадцатая. ШКОЛА

Ученье -действительно Свет. Во всем цивилизованном мире, образованию, особенно первой(школьной) его ступени, придается особое значение.

Возьмите ту же Японию. Страна с ограниченной территорией, высочайшей плотностью населения, не располагающая запасами полезных ископаемых, а занимает ведущее место в мировой экономике. Каждый японец стремится определить своего ребенка в престижный детский сад, престижную школу, престижный Вуз на престижную специальность, твердо зная, что именно хорошее образование и добросовестное его применение –залог будущей обеспеченной жизни.

В России- образование тоже всегда было престижным. Именно как учеба, получение знаний, а не что-то приобретенное, в буквальном смысле- купленное.

Село, всегда с большим интересом относилось к познанию и учебе. Это и понятно, так как определенная информационная недостаточность сельской жизни всегда требовала больше каких-то разъяснений – как общего, так и частного характера. Сельские дети тянулись к знаниям более естественно, городские- больше по необходимости.

Сельский учитель в прежние времена был не просто проводником знаний, а больше воспитателем, идеологом-законником, пропагандистом, законодателем моды в лучшем понимании этих слов. Он пользовался всеобщим уважением. Его знали в селе все, от мала - до велика, и его слово часто было решающим.

Учитель получал регулярно, пусть и небольшую, но приличную, соответствующую времени, зарплату. С ним считалась любая местная власть. Он был примером во всем и везде, как в школе, так и ввне её. Этим, общим для всех педагогов ценностям, отвечало большинство слободзейских педагогов, которые работали в наше школьное время, да и в более поздние времена.

Когда я был школьником, в Слободзее (молдавской) -работали две начальных школы- молдавская и русская РКШ (рабочее-крестьянская школа), а также молдавская средняя №1.

На русской части села – одна начальная русская (напротив нынешнего хлеб завода), начальная «украинская» и средняя русская школа №2.

До середины шестидесятых годов 20-го века, дети, заканчивавшие 4 класса русской школы на молдавской части, продолжали обучение в школе №2 на

русской части. Это было довольно неудобно со всех точек зрения, и сдерживало желание детей с молдавской части села учиться на русском языке. Поэтому, уже в начале шестидесятых, в южной части Слободзеи, появилась новая русская школа №3, где обучаются сегодня дети с обеих частей села. В конце семидесятых появилось и новое здание молдавской школы №1.

Расскажу о том, как работали школы села в наше время, кто и как нас учил(по моему, возможно и субъективному мнению) и как мы учились.

Время было послевоенное, особое и тяжелое. Так как во время войны школы в основном не работали, то после трех лет оккупации, в школах учились дети разных возрастов. К примеру -я ходил в первый класс, а мой дядя Николай – в четвертый. Мне было семь лет, ему- восемнадцать. В то время еще было обязательное четырехклассное образование, без такого уровня не брали даже в армию.

Мы жили на девятом участке, ныне это улица Горького. Рядом была «украинская» школа. В начале века -это была двухклассная церковно-приходская школа. Многие годы ею заведовал легендарный у наших предков некто батюшка Савва Герасимович. Он был в единственном лице, сам учил, сам воспитывал и наказывал, часто просто «вколачивая» знания. Последним он больше всего и запомнился многим своим ученикам.

Моя бабушка Маня рассказывала, как отвечали уроки её одноклассники. Батюшка спрашивает, к примеру, одного мальчика: «Скильки будэ дважды два?» А в руке держит метровую самодельную буковую линейку, толщиной в палец.... Ученик косится на линейку и неуверенно отвечает: «Пять». А когда получает удар линейкой по ладони, поправляется : «Шість». И, после каждого следующего удара линейкой, добавляет: « сим, висим, дэвять, дэсять...). На счете «тринадцать» учитель не выдерживает, лупит его уже ладонью по шее и выбрасывает из класса. Жестко было, но , как показала жизнь- довольно эффективно. Не зря бабушка помнила все школьные стихи и правила до конца своей жизни.

Все ребята нашей улицы учились этой школе, я один и наверное, единственный до сих пор(с нашей улицы) ходил во вторую школу. Это подальше, но так уж сложилось. В первые, послевоенные годы, «украинская» школа, была на самом деле украинской, единственной, по крайней мере, в Слободзейском районе. Как бы это не звучало смешно или грустно, но в этой (четырехклассной) школе тогда культивировались Четыре! Языка. Учились на украинском, русский учили, как общегосударственный язык, молдавский –как республиканский, и немецкий- как иностранный....

В итоге, выпускники этой школы в те времена, после 4-х классов, не знали толком ни одного языка, и основная их масса сразу шла на пополнение колхозных кадров. Некоторая часть продолжала учебу в школе №2, с 5 класса. Но. Какой бы примитивной ни казалась нам эта начальная школа с высоты сегодняшнего дня, - в течение послевоенных 15-20 лет, коллектив преподавателей и новый директор, Сорочинский Григорий Маркович, вовсе не терялись в общей школьной массе села и района. Школа усиленно росла и развивалась. На большой площади возле школы сделали хороший стадион, рядом различные спортивные площадки, качели, карусели, другие сооружения. Сегодня на той площадке – мало кого увидишь, а в те годы там целыми днями все вращалось, крутилось, работало. Дети занимались и были при деле. Все пацаны нашей улицы – выросли на этом «пляцу» (площади).

Застрельщиком в оборудовании и использовании всего того, что было при школе сооружено, был, конечно, Директор. Помню, на моих глазах, Григорий Маркович, на пару с Иваном Арсентьевичем, учителем географии, крутили «солнце» на качелях. Да так крутили, что выдернули несущие опоры. Пролетев метров 20 через дорогу, они благополучно упали на огород дяди Вани Будяка. Спасло их большое вишневое дерево, только слегка поцарапались.

И наша, вторая школа, выглядела довольно солидно не только в Слободзее, но и в масштабе всего района. Школе тогда повезло, в первую очередь, на директора. Многие десятки лет, с труднейших послевоенных, до более щедрых – восьмидесятых, Евгений Иванович Дидковский успешно руководил работой нашей школы. Через многое прошла школа – сидели вначале на деревянных чурбаках, за длинными, сколоченными из горбылей столами, писали на обрывках газет и чистых листах, вырванных из довоенных тетрадей, слюнявыми «химическими» карандашами.

Не было учебников, специальной и художественной литературы, не было электричества, топлива для печек, а мы – учились. И, как показала жизнь – неплохо учились. По уровню знаний, а это я могу заявить сегодня с абсолютной ответственностью, выпускники нашей школы, разбросанные ныне по всей бывшей великой стране, не только не уступали, а многие далеко опережали своих сверстников и коллег из других регионов, включая зарубежных.

Выпускники слободзейских школ, где они бы не проживали, и какие бы посты не занимали, до сих пор благоговеют, посещая свою родную школу или проходя мимо неё.

Хорошая школа- это как хорошее производство, где, с учетом общих технологических правил, обязательно есть что-то свое, особенное. Особенными в нашей школе были люди-преподаватели.

Когда дают определение-Люди- значит, -это хорошие, настоящие Люди. Это те, вся жизнь которых связана со школой и другой жизни у них -не было. Не всех учителей помнят. Одни приходят и уходят, другие - никогда не уходят, всегда присутствуют, и в сердце, и в памяти.

Я действительно благоговею даже перед именами моих учителей, и без всяких характеристик. Это не просто школьные « долгожители», такие тоже иногда бывают (пусть простят они меня за такое сравнение). Нет. Они были для школы ежедневной необходимостью –как воздух, как хлеб, как вода. Они как бы были и есть всегда, вечно.

Трое Дидковских –Евгений Иванович, Анна Ивановна и Галина Ивановна, Копайгора Василий Федорович, Швыдкий Михаил Иванович, Калошин Иван Андреевич, Задорожная Анастасия Григорьевна, Гуртовой Николай Тимофеевич, Мартыненко Иван Арсентьевич и многие другие. Без них не было бы 2-й школы, как и без школы -не было бы их. Благодаря Замечательной Анне Ивановне – я люблю литературу и сам много пишу для людей. Благодаря Ивану Арсентьевичу, известному учителю и прекрасному вратарю сборной Слободзеи по футболу, на всю жизнь влюбился в географию, в познание новых мест и всего, что с этим связано

Но для меня, конечно, над всеми этими фамилиями, постоянно высится образ моей первой учительницы, несравненной Александры Филаретовны Дидковской. Более семидесяти лет прошло с того дня, когда я впервые увидел её в первом классе, но до сих пор помню её красивые длинные локоны и жесткую, но очень полезную манеру проведения уроков. Она научили меня читать и писать, и в каждом моем произведении, есть частичка и её души. За это я ей и благодарен всегда. Оставшись уже самым старшим в семейной иерархии, я её считал второй своей матерью. Она вместе с Евгением Ивановичем, сколько были живы, -всегда радовались моим удачам и поддерживали в неприятные минуты, называя своим вторым сыном, особенно- после ухода их единственного сына, Володи, моего одноклассника.

Вот это и есть по большому счету ШКОЛА. Школа жизни.

Хотел бы обратиться ко всем нынешним слободзейцам. Оглянитесь вокруг, посмотрите- может кто-то остался из ваших первых учителей. У каждого они могут быть разные. Обратите на своих бывших и нынешних учителей внимание. Иногда можно просто позвонить, проведать или поздравить, в чем-

то помочь или поддержать. Сейчас им это особенно необходимо. Родители дали нам жизнь, научили ходить-говорить, учителя –научили нас жить, научили мыслить, а это –тоже немало. Давайте не забывать об этом.

И - еще - никогда не забывайте Свою Школу!!!

Глава тринадцатая. АКРОБАТИКА

Толпа всегда любила зрелища, не меньше, чем хлеб. Как говорится- хлебом не корми, но покажи что-нибудь интересное, необычное или просто - дай посмотреть что-то.

Сегодня компьютерно- телевизионные зрелища, заполнившие наши экраны, всевозможные трюкачества каскадеров, стараются вытравить из нас саму идею естественного и постоянного физического состязательства. Машины-платные, артисты-платные, спортсмены-платные, личные услуги-тоже....

Сегодня можно петь, не имея голоса, играть бицепсами, не имея силы и т.д..

Где раньше в селе можно было показать силу, ловкость? На работе- не та аудитория, секций спортивных единоборств – не было, поэтому, желающие проявить себя со стороны чисто физической, искали малейшую возможность отличиться в этом направлении.

В будние дни потасовок и драк в селе, в принципе, не было. А по выходным, часто возникали мелкие драки в разных концах села. Это были не классические «выяснительные» драки или что-то, похожее на нынешние «разборки». Это, скорее всего, были разновидности определенной «демонстрации силы».

Причем в таких драках, принимали участие одни и те же лица. И, если взять их образно, всех вместе, то, в каждом конкретном случае, присутствовали все, за исключением кого-то. Большинство таких драк тоже было ритуальными. На каждого «дерущегося» было по несколько человек «разбороняющих», которых шлейфом буквально волочили за собой основные действующие лица. Было много шума, крика, угроз и обещаний. В худшем случае -разбивались носы, появлялись синяки, и на том дело заканчивалось. Такие «спектакли» стихийно возникали и так же заканчивались. Никто никого не арестовывал и не изолировал. Когда зрителям надоедало, они или сами прекращали действие, или приглашали кого-то, более бескомпромиссного.

В Слободзее никогда не ходили улица на улицу или «стенка на стенку». В этом плане было благополучно во все времена.

Начиная с тридцатых-сороковых годов стали культивироваться массовые спортивные игры- футбол, волейбол, городки, акробатика, в том числе –

групповая. Стали модными и даже обязательными акробатические «пирамиды» разных конструкций из 5-7-15 и более человек. Туда подбирали крепких, гибких ловких ребят и девчат. Ни один концерт не обходился без демонстрации таких пирамид. Я имел неплохие данные для таких занятий, но так и не стал акробатом. И вот –почему.

Осенью сорок седьмого года, вся большая страна и Слободзея в том числе, готовились к 30-летию Великого Октября. Школа готовилась к юбилейной олимпиаде. Проверялась и шлифовалась художественная самодеятельность, отдельно готовились гимнасты- акробаты. Было тепло, поэтому пирамиду репетировали в углу школьного двора, в прирезанном к школе участке сада.

Я ходи тогда в первый класс и всеми видами зависти, завидовал ребятам, участвующим в пирамиде, а там были и десятиклассники(центровые) и даже один второклассник, завершавший пирамидную композицию. Мне хотелось привлечь к себе внимание, и на репетициях-тренировках я, наравне со всеми, как бы «на общественных началах», делал «мостик», всякие стойки, ходил на руках и т.п. Просто так. Но случилось непредвиденное. Именно самый младший из акробатов, тот самый второклассник, на одной из репетиций упал и сломал руку, чем поверг в шок всех участников и. особенно -физрука, Андрея Ивановича. Физрук, с горя, увидев мои старания и узнав чей я сын, сказал: «Готовься, через три дня будешь выступать в пирамиде, не забудь взять форму у того пацана».

На следующий день на репетиции выяснилось, что я легче и эффективней взлетаю над пирамидой, и меня сразу признали, причем -все.

Мало я по жизни видел счастья, но в тот день, я был по-настоящему счастлив. Но радость моя оказалась преждевременной. Когда в день выступления, я пораньше пошел домой к тому мальчику (моему предшественнику), родители его не захотели дать мне форму (трусы и майку), даже на один день. Я обратился в своему дяде Мише, ему в то время было 19 лет, с просьбой найти или сделать мне форму на после обеда. Он сказал, что это не есть проблема, и принялся за работу.

Из своей старой шелковой рубашки, он вырезал по контуру майку, зашил её руками с одной стороны, и все было готово. Майка получилась классная. Белая, блестящая (шелк натуральный) и как раз по размеру.

Сложнее оказалось изготовить трусы. Дядя взял кусок солдатской плащ палатки, вырезал по размеру прямоугольник, сложил его вдвое, прошил его

руками посредине и сбоку, вырезал внизу треугольник. Обшил сверху и вставил телефонный кабель вместо резинки. Я примерил форму- нормально, сложил её в портфель и пошел на молдавскую часть выступать.

Примерно в том месте, где сегодня в Слободзее летний кинотеатр, специально к Юбилею, сделали деревянную эстраду, поставили скамейки и т.п.. В тот день, рядом с эстрадой, стоял стол для многочисленного жюри, все скамьи были заняты людьми, на всех, окружающих это место деревьях «висели» десятки пацаном и взрослых. Мы выступали последними, как местные, которым не надо далеко ехать. Я переоделся в свою новую форму и с волнением ждал выхода на сцену. Занавеса не было, просто команды собирались сзади сцены и по очереди на неё поднимались.

Настала и наша очередь. В первой пирамиде, на счет «пять», меня забрасывали на верх. Я должен был там просто стоять, отдавая рукой пионерский салют. Затем мы делали проходку по сцене и, по команде физрука, строили вторую пирамиду. Все шло нормально. Встали, образовав «мост», центровые или «коренники», на остальные три счета пирамида сформировалась, и наверх выбросили меня. На счет «пять», я должен был поднять левую ногу назад и сделать «ласточку. Просто ласточку и все.

Когда Андрей Иванович сказал - делай «пять», я попробовал поднять левую ногу, но оказалось, что это сделать невозможно. Я мог делать, что угодно, но двигать ногами мне не давала уникальная конструкция моих трусов. И, когда физрук, свистящим шепотом столетней кобры, произнес : «Бога мать -делай пять!», я резко рванул ногу. Внизу что-то затрещало, пирамида вдруг рухнула, а я упал на судейский стол. Все жюри рыдало от хохота. Мои коллеги-акробаты не могли сразу распутать бесформенную массу из голов, туловищ и конечностей, что осталась от пирамиды, но постепенно уползали со сцены. Я из-под стола жюри благополучно пролез в дыру под сценой, отдышался и уже оттуда слушал заключение жюри. Нам -таки присудили тогда первое место, но пока все не закончилось, я сидел под сценой.

После праздников я еще с месяц ходил в школу другой дорогой, боялся встретиться с кем-то из коллег-акробатов.

Все меня понимали, но Андрей Иванович сказал прямо: «Понимаешь. Василь, пацан ты хороший, и акробат из тебя выйдет хороший, но только не в нашей пирамиде. Наши тебя не смогут выдержать...».

Десятиклассница Дуся, соседка наша, мощная была девочка, она с парнем, держала «центр», рассказывала моему дяде –«портному»: «Мы держали на

себе всю пирамиду, смотрели вверх. А когда Вася сделал рывок ногой, - трусы у него - разошлись. Мы - не выдержали и все завалили. Только мы все видели, но этого оказалось достаточно».

С той поры, я надолго подружился со спортом, имел первые разряды по пяти видам, был победителем и призером спортивных соревнований на разных уровнях по различным видам спорта, а вот акробатом не стал. Так получилось....

Глава четырнадцатая. ВОСТОЧНЫЙ «ЭПОС»

Зеленый горошек собирать было хорошо. За каждый килограмм собранных стручков, платили по 10 копеек. Ежедневно- в конце работы - расчет. Собрал 100 килограммов –вечером получи 10 рублей и - свободен.

По тем временам, тем более для мальчишек, это уже кое-что значило. Три года, как прошла денежная реформа, деньги были еще «новые». Пачка «школьных папирос «Бокс» или «Ракета», стоила 50 копеек, «Спорт»-75 копеек, стакан «морса» (вода с сиропом без газа) -30-копеек, билет в кино- 1 рубль.

Мы, Мишкой (одноклассником) никогда не собирали по 100 кг стручков, иногда подбирались к 70-80, но редко. Потому, что много ели. Один стручок - в ведро, два- в рот. Что делать -только-только отошли от голодных годов. Так что собирать горошек было приятно со всех сторон, тем более в таком месте, как урочище Плоское, в излучине Днестра, между Слободзеей и Чобручами.

Ко всему прочему- горошек высевался в междурядьях сада или на окруженных деревьями прохладных участках. В обеденный перерыв – купались, рядом, в Днестре.

Но горошек закончился. Основная масса школьников разошлась по домам, в бригаде остались только те, кто был нужен до начала уборки в садах. Хотя наличные деньги платили только на уборке горошка (никакой механизации этого процесса, тогда еще не было и почти все делалось вручную), а за остальные работы начислялись трудовни, многие дети все равно искали работу в колхозе – в основном из-за того, что там кормили. Пусть только в обед, пусть одним борщом, но кормили, и это уже был стимул для нас в период каникул.

Своим особым усердием, мы с Мишкой, добились должностей «погоньчей», попросту –водили лошадей при различных конно-ручных работах. Это занятие ценилось, конечно, выше, чем какие-то там прорывки овощных или прополки, когда тебя гоняют, кто угодно и куда угодно. Погоньч –это было уже более определено: ты при лошади, знаешь одного хозяина –ездового и все. Ездовой получает задание от бригадира, а ты выполняешь его указания. В работе погоньча веселого тоже было мало. Представьте себе картинку: -тебе 10 лет, утром не завтракал, по причине отсутствия того самого завтрака, а весь световой, длинный-предлинный, жаркий-прежаркий день, ты водишь за уздечку лошадь, которая, отмахиваясь от мух и слепней, постоянно мотает головой, пытаясь выдернуть из

туловища твою тощую ручонку, и нет-нет, -и наступить копытом на твою босую ногу.

Уже к обеду, залитые потом и слезами глаза, можно разомкнуть только с помощью пальцев или кнута ездового, который, управляя плугом или культиватором, быстро приводит тебя в чувство, если вдруг задремаешь или что-то не так сделаешь. Но мы не обижались и старались доказать свою профессиональную пригодность, так как конкуренция в бригаде была жесткой. Да и обед надо было отрабатывать.

Мы были в погоньчей у двух братьев, которые почти всегда работали вместе. В тот день, о котором идет повествование, мы обрабатывали (культивировали) междурядья виноградника, на участке, расположенном в конце нынешней улицы Кирова в селе Слободзея. Один день мы обрабатывали междурядья двумя «агрегатами», на второй день оставалось на полдня работы. Мы уже предвкушали небольшой отдых, но утром бригадир решил иначе. «Сможете закончить эту клетку вдвоем, одной лошадей? –утвердительно бригадир нас с Мишкой и тут же заключил, а мужики ваши поедут на второй лошади с повозкой на станцию Ново-Савицкая лес выгружать!». Мы, естественно, согласились. Я взялся за культиватор, Мишка остался в должности погоньча.

Уже с первого прохода я начал жалеть, что согласился работать без взрослых. Трехлапый, кованый культиватор, был довольно тяжелым, учитывая наш возраст. Особенно трудно было заносить его на поворотах. Но надо было работать и мы, с трудом, но продвигались к концу участка. Одной стороной он выходил к высокому в этом месте берегу Днестра, и мы, пользуясь самостоятельностью, пару раз, конечно- окунулись. Иначе не выдержали бы. Июльское солнце било по непокрытой голове не только сверху, но и превращало землю в подобие сковородки на хорошем огне. Хотя наши ступни, с десятками разносортных колючек и разновеликих сбоев и порезов, могли выдержать любые температурные перепады, все равно земля буквально обжигала босые ноги.

И вот тогда, где-то в районе обеда, со стороны села, из жаркого марева выплыл «агрегат» моего соседа по улице –Кольки Димитренко, с обычной слободзейской (потомственной) кличкой –«Чабан». Агрегат - это пара старых волов, бочка на повозке, ведро на гвозде и долговязый худой Колька. Он возил в бригаду питьевую воду.

Поравнявшись с нами, он прокричал: «Вы, плебеи! (вряд ли он знал кто такие плебеи, так как не имел ни желаний, ни возможности регулярно

ходить в школу) –сегодня в клуб кино привезли, «Тахир и Зухра» называется» и поехал дальше.

Мы с Мишкой не были в кино больше месяца, с тех пор, как каникулы начались, поэтому – быстро постирали в Днестре свои брюки и рубашки, развесили их на виноградных кустах, с полчаса поработали нагишом, так как никакого понятия о трусах и майках у нас летом не было, и, к походу в кино были готовы.

Но, пока закончили работу, пока отвели коня в бригаду, пока умылись и дошли до клуба в центре села, то к началу фильма уже опоздали. Ритуал пропуска в зал зрителей уже закончился. Об этом трудно рассказать. Это надо видеть, когда киномеханок стоит на входных дверях, сам продает билеты и пропускает в зал. Толба потных людей, оторванные пуговицы, крики придавленных и придушенных, ругань и т.п.

Конечно, ни у меня, ни у Мишки не было того заветного пропускного рубля, но даже его наличие в нашей ситуации. Было бесполезно. Все уже было заблокировано, двери задраены на огромные кованые крючки, а стучать и кого-то звать – нам не было дано.

Проникнуть вовнутрь без билета, когда на улице много людей -это не проблема. Но как попасть в зал, когда фильм уже начинается?. Проще всего, конечно было заглушить работающий снаружи небольшой двухцилиндровый двигатель, который снабжал клуб электроэнергией. Закрывать ему чем-то выхлопную трубу и все. Механик, естественно, откроет дверь, выбежит, ну а мы, в это время -в зал....

Нам такой вариант, неоднократно опробованный раньше- не подходил – на улице светло, и -ни души. Иметь неприятности с киномехаником и разъяренными зрителями –опасно.

Проникнуть через окна - тоже бесполезно, так как изнутри, на каждом окне, как кильки в банке, сидят по 3-4 человека, их не сковырнешь. Что делать?

Я вспомнил, что еще весной, мы с Колькой»Чабаном», проникали в зал через дымоход, затем -через печь -грубу, которая стояла справа, у сцены. Духовка у нее давно прогорела, колодцы постепенно очистились от сажи, так что беспокоиться за нашу постиранную одежду не стоило.

Ползли на крышу. К дымоходу. Мишка пошел в разведку, опустился в дымоход, я –за ним. Самое неприятное было – ползти в темноте по

довольно длинному «лежаку» вдоль потолка. Мишка впереди, -я поджимаю его сзади. И тут случилось неожиданное. Оказалось, что пока мы долгое время не были в клубе, печь справа у сцены -разобрали и сложили её почему-то, уже с левой стороны. То место, где был выход к дымоходу, забили фанерой и забелили.

На эту фанеру и выполз Мишка и тут же рухнул в зал, на головы сидящих на полу пацанов. Дело в том, что на двух десятках длинных скамеек, сидели уважаемые люди, которые могли это себе позволить. Все остальные сидели везде- в проходах, на окнах, перед сценой и на самой сцене до самой дальней стены, которая служила экраном.

Я упал на Мишку сверху и по головам, пополз в сторону экрана. Кино еще не началось. Механик никак не мог навести резкость. В темноте, ориентируясь на луч проектора, я добрался до стены-экрана и втиснулся между сидящими вплотную к ней. Мальчишками.

Мишка приполз за мной, но места ему уже не нашлось, и он прилип к экрану, выставив под луч свою длинную худую шею. И в этот момент - начался фильм. Какой-то мулла или поэт, весь в белом, начал что-то рассказывать. Мишка заслонил его наполовину. Через минуту, ступая по головам и ногам, изрыгая какие-то непереводимые ругательства, до сцены добрался киномеханик. Одним ударом он очистил от Мишки Экран, вышиб ногой крючок на запасной двери, выбросил Мишку на улицу и, закрыв дверь- вернулся к аппарату, который находился здесь же, в зале.

Тогда в первый раз, я не запомнил подробности этого фильма. Через два часа, выйдя со сцены через ту же запасную дверь, я увидел сидевшего на завалинке, заплаканного сонного Мишку, который, после такого трудного дня, в течении одной минуты, провалился с трехметровой высоты в зал, получил оплеуху от механика и вылетел на улицу. « Ты знаешь - всхлипывал он по дороге домой, этот белый поэт с экрана, так шарахнул меня белой рукой по шее, что я аж на улицу вылетел!». Он еще долго рассказывал потом об этом в школе. А я запомнил и этот фильм, и этот случай, семидесятилетней давности, на всю жизнь.

Через много лет, работая на Востоке, мне довелось, в Бухаре, встретиться с артистом, который в том фильме сыграл отца Зухры- Бобо-хана. Когда я рассказал ему про наш с Мишкой культпоход в кино, он просил повторять этот рассказ несколько раз, каждый раз зазывая кого-нибудь из знакомых, интерпретируя все нюансы этого случая и падая со смеху.

Так я , в Слободзейском старом клубе, впервые познакомился с великим восточным эпосом. Так мы и приобщались к культурам братских народов -где с грустью, где с юмором, но все-таки приобщались к общечеловеческим духовным ценностям. Без телевизоров, смартфонов, компьютеров и спутников, через самый верный способ связи -разум, душу и сердце, уважение, взаимопонимание и без всякой корысти.

Наверное, - это было правильно.

Глава семнадцатая. ВОЛЫ

Вы знаете, кто такие «волы» или, как их официально называют «быки рабочие»? Вопрос не праздный. Уже не один десяток лет, воловы упряжки в нашей повседневной жизни, не фигурируют. А до начала 70-х, 80—х годов прошлого (20-го) века, волы занимали довольно значимое место в земной жизни. Если среди животных продовольственного направления, первое место принадлежит корове, среди домашних птиц – курице, то, среди тягловых животных, волу всегда не было равных.

Что же это за животное- вол?. Это обычный представитель крупного рогатого скота. Превращение его в вола рабочего происходит следующим образом. Весь нарождающийся молодняк крупного рогатого скота, независимо -бычки или телочки, до конца первого года жизни, учитываются одной строкой- как телята. Обычно со второго года или по каким-то другим зоотехническим срокам, бычки отделяются от телочек и содержатся отдельно. При неинтенсивном выращивании молодняка, бычков, в возрасте одного года, обследуют, отбирают элитных и породистых – на племенные цели, а остальных- лишают « мужского достоинства», то есть –кастрируют. Основная масса из них идет на откорм с последующим использованием на мясо, поэтому их и лишают того, что мешало бы им быстро набирать вес при различных возбуждениях, проявлениях излишних желаний и излишних затрат энергии. Позже, из этой категории выбирают тех, из которых в будущем может получиться хорошие тягловые животные, как мы их называем- волы.

Идет специальный зоотехнический отбор животных именно для рабочих целей. Бычок должен быть рослым, здоровым, с широкой грудью и мощными ногами. Кроме всего прочего, чисто конституционного, он должен обладать спокойным характером, быть коммуникабельным –как с другими животными, так и с людьми, а также поддаваться дрессировке или обучению.

Де-то в возрасте двух лет, все эти качества уже проявляются у отобранных животных, и наиболее достойные из них, с учетом необходимого восполнения или обновления рабочего тяглового состава, переводят в разряд Волон, а не прошедшие тестирование их собратья, вместе с остальными бычками всех возрастов- идут на мясо.

Волы, конечно, это было нечто особенное в сельской жизни. Если сравнить, например, волон с теми же быками производителями: -то здесь все, как в человеческой жизни. Бык (бугай) и вол, могут быть, в принципе, от одной матери, но жизненное кредо и соответствующие условия обитания

у них разнятся, как небо и земля. Бык-производитель, по человеческой аналогии, это как представитель дворянского рода, «голубых» кровей. Он - подтянутый, со стройными ногами, вычищенный и ухоженный. У него - отдельная диета, постоянные прогулки, специальный общий и ветеринарный уход. На нем никто не ездит, ему вообще запрещены физические перегрузки. У него одна главная забота- покрывать коров. Эдакий щеголь, Евгений Онегин или Дон Жуан молочного стада. Правда, жизнь быка, хоть и яркая, но –коротка, как и у большинства «производителей». Что тут поделаешь....

Так вот, если быка виртуально можно приравнять к эдаким дворянам-аристократам, то его брата- вола, - - к бедным крестьянам. Вола уже с двух лет, начинали приучать к «ярму». Ярмо- это скрепленные посередине между собой два крепких деревянных бруска, с углублениями под воловьей шеи, два металлических штыря (занозы), чтобы зафиксировать шеи двух волов в ярме, и большое металлическое кольцо, посредством которого, ярмо крепится к дышлу повозки или другого транспортного средства. Несчастливым был вол, и несчастным оставался крестьянин, так как оба одедали ярмо на свои шеи, до глубокой старости его не снимая.

В отличие от быков-производителей, волы работали десятки лет. И никаких у них не было льгот, ни спец кормов, и ничего -нибудь особенного другого. Только зеленая трава летом, да немного сена-соломы зимой вприкуску с какими-то зерновыми отходами. Волы выполняли самые тяжелые тягловые работы. На них и пахали, и сеяли, и культивировали; они передвигали повозки, большие арбы, огромные водяные бочки, да чего только не цепляли к тому воловьему ярму! На волах возили артиллерийские орудия даже во время второй мировой войны. Военные обозы были укомплектованы в основном волами. Не было, наверное, в прежние времена таких работ, где не были бы задействованы волы.

По тягловой силе, они значительно превосходили рабочих лошадей. Ко всему прочему, они были гораздо менее привередливые, степенные, неторопливые, но исполнительные. Это были животные- рабы. И они с такой жизнью смирились. Заматеревшие, огромные, с большими рогами, торчащими вверх, сташные внешне, но добрые внутри.... От волов, в итоге, получали хорошие толстые шкуры, которые шли на изготовление дорогих кожаных изделий, а также – мясо, рога, копыта, воловьей жилы. Думаю, достаточно для того, чтобы ныне живущие люди, тем более наши читатели, прониклись определенным уважением к этим великим труженикам-волам, добросовестным и безотказным помощникам человека, без которых наши предки просто не мыслили свою жизнь.

Чтобы закончить характеристику этого вида тягловой силы, добавлю: было бы, наверное, очень справедливо, -где-нибудь на центральной выставке, поставить, отлитую из самого дорогого металла парную скульптуру- крестьянина с волом. Это они вытащили на себе наше (большое) государство, это с их шей, до сих пор не сняли Ярмо.

Читатель может подумать, что я –волозаводчик или поставщик волов в какую-нибудь из стран, где земельные наделы настолько мизерны, что кроме волов, на них ничего другого невозможно использовать, в ту же Индию, например, где возможно выращивать по три урожая в год, а значительная часть населения голодает. Должен с великой грустью, что если дело с земельными наделами в той же Украине или России (о нас пока не говорю), будет идти в том направлении, как сегодня, то придется, наверное, еще не раз о волах вспомнить.

Нет, волами я не занимаюсь, а так пространно о них рассказываю, просто потому, что пришла пора перевернуть еще одну страницу из альбома слободзейской жизни и рассказать, как я впервые, довольно близко познакомился с этими животными.

Внешне я их видел ежедневно. На нашей улице располагался колхозный двор, из которого ежедневно, с раннего утра и до позднего вечера, выезжали воловы упряжки. Со стороны, эти огромные, переваливающиеся с ноги на ногу, животные, казались трудно управляемыми и страшными. Но судьба мне уготовила более близкие контакты с ними. А дело было так.

Во время школьных каникул, я, как и многие сельские дети, работал в колхозе. В том, 1950 году, после окончания трех классов, был в бригаде «погонычем» при лошади, где-то с месяц. До этого вручную собирал с ребятами стручки зеленого горошка и планировал доработать в колхозе до начала занятий в школе. Платить там- ничего не обещали, начисляли погонычам по одному трудоводню за два дня, но главное- в обед кормили борщом.

Все шло нормально. Трудно, жарко, десять лет все-таки, но ничего, терпел. В один из вечеров, играл в футбол на соседней улице, там все и началось. В нашей округе, было много ребят, любящих футбол, но играть было нечем. Тряпичные самодельные мячи быстро рвались, а мячи- шары из размятого свиного мочевого пузыря- были бесформенными, легкими, сухими и трещали на всю улицу.

А на соседней улице играли настоящим большим резиновым мячом, размером где-то с килограммовый арбуз. Хозяином мяча был Ваня Бондарь,

девятиклассник или десятиклассник. Так вот, в тот злополучный вечер, мы, как обычно играли допоздна. Хозяин мяча ушел в кино, а мне сказал, чтобы я взял мяч домой, а завтра вечером-вернул. Я принес тот драгоценный мяч домой и начал отрабатывать удары в сторону наших ворот. Вышел во двор мой дядя, Миша, он как раз пришел в отпуск из армии на 10 суток. Он взял в руки мяч и так сильно ударил его ногой, что получилась высокая «свечка». Мяч перелетел через наш дом и упал где-то в чужом саду.

На дворе уже были сумерки. Мы перелезли через забор к соседу, обысали всю территорию, но мяча так и не нашли. На рассвете –я уже был у соседа во дворе. Все вместе обыскали сад, мяча нигде не было. Для меня это было катастрофой. Пошел на работу в бригаду, целый день водил лошадь при культивации, а сам все про мяч думал и про его хозяина: что я ему скажу?.

Вечером пошел на соседнюю улицу. Собравшимся ребятам, объяснил, что мяч пропал. Ребята -кто верил, кто -нет, а Ваня (он был на две головы выше меня), поднес кулак к моему носу и сказал: делай что хочешь, а мяч чтобы был!

Легко сказать. Дядя Миша через пару дней, уехал на службу и проблема мяча повисла на мне. Отец с мамой были в Одессе, помогали родственникам строиться. Где взять деньги на мяч?. Поделился я своим горем с соседом, Колькой Димитренко. Денег у него никогда не было, но он посоветовал мне оставить бесплатную работу в колхозе и пойти вместе с ним на работу в совхоз, что на правой стороне Днестра, как раз - напротив нашей Слободзеи. Там, в селе Кременчуг, было тогда отделение совхоза от Кицкан. В совхозе платили деньги ежемесячно, не то, что в колхозе –неизвестные до конца года, трудодни.

На второй день, мы с Колькой отправились в Кременчуг, в одну из совхозных бригад, куда Колька, дней десять назад, устроился водовозом, оставив такую же работу в колхозной бригаде. Для рабочих из Слободзеи, совхозом была организована специальная переправа через Днестр. Большая такая деревянная лодка, мужиком -перевозчиком, целый день курсировала между берегами.

Колька привел меня в бригаду, где сам работал и представил меня бригадиру, как соседа и ровесника, хотя он был на два года меня старше. Бригадир скептически меня осмотрел и послал на поле прорыть морковь. Где-то там, в разных других странах, ту смую морковь высевали точечным или ленточным способом: машина закладывала в почву специальную

бумажную ленту, на которой были приклеены уже протравленные и подкормленные отборные отшлифованные семена и на оптимальном расстоянии друг от друга. Сорняки вокруг этой ленты, сразу или после, уничтожались гербицидами.

А у нас мелко семенные культуры, высевались сеялкой. Пока они(семена) пытались пробиться наверх сплошной полосой в три детских пальца шириной, а то и больше, сорняки выходили раньше. Идешь на прорывку, а на поле – сплошной бурьян до колен. Надо вычислить, затем, примерно по расстоянию между сошниками сеялки, определить и увидеть ту, забитую морковь, вернее- её хиленькие шильца-всходы, и прорвать так, чтобы остался рядок в один строй, при заданном интервале между растениями, естественно, -уничтожив окружающий бурьян.

На практике –больше половины или три четверти всходов надо вырвать и выбросить. Мы же -богатые. Да и для нас, пацанов, не вопросы экономики были тогда главными. На палящем солнце, в согнутом состоянии, искать весь день ростки моркови, было не очень приятно. Уже у обеду глаза наливались кровью, голова гудела, а ты- с остервенение рвал, иногда -все подряд, и все ждал, ждал –сперва обед, а потом –вечер! Заработал я в первый день три рубля, полтора из них вычтут за обед, значит, -полтора будет – чистыми!

Мяч стоит пятнадцать рублей, значит (подсчитал) – мне придется заниматься той прорывкой, минимум дней десять, при такой производительности. Надо сказать, что даже взрослые женщины, работавшие в бригаде, рядом с нами, с трудом вырабатывали действующую тогда норму выработки, и оплату в семь рублей за норму, не каждая их них получала.

Я как-то прочитал, сколько за месяц официально заработал человек, один из тех, кто «сидит» на газовой задвижке, и, шутки ради, пересчитал, сколько ему надо было бы прорвать площадей моркови, чтобы получить столько денег. Вышло, что надо было бы прорвать морковь на площади, равной всей Молдавской ССР, да еще и не один раз! Так здорово тогда нам платили, и так «платят» сегодня отдельным «труженикам»!

Но, сколько бы тогда не платили, а на мяч надо было зарабатывать. Мне Ваня Бондарь проходу не даст, пока я не верну его. А скоро -в школу, ходить надо мимо его дома, да и в школе -куда от него денешься. Отбиться от него, в принципе, я мог с помощью родственников, так совесть не позволяла, все-таки я виноват каким-то образом перед ним. Значит,

придется прорывать ту морковь или делать другую работу, но мяч или деньги -вернуть!

На второй мой рабочий день все шло как обычно, но, когда мы пришли с поля на обед, меня позвал бригадир и еще раз почему-то спросил: « Так сколько тебе лет, говоришь?». « Двенадцать» - не краснея, ответил я. А на самом деле – было десять, да и то еще через полтора месяца. «Есть у меня к тебе просьба, начал бригадир, -как видишь у нас в бригаде всего семь мужиков: пятеро ездовых на волах, Кольку, друга твоего я не считаю, а еще я и сторож. Все остальные –пожилые бабы. Есть пацан с Кременчуга, ночью волов пасет, так вот с ним приятная неприятность случилась. Он закончил семь классов и надумал поступать в техникум, в Одессе. Послезавтра -у него вступительные экзамены, поэтому – завтра он уезжает. В ночь выйти не сможет. Не знаю, сколько времени он будет сдавать те экзамены, но отпросился на две недели. Ты бы не смог попасть волов, пока он вернется?».

Если бригадир накричал на меня или даже ударил –было бы легче, а так он просто убил меня своей просьбой. Я с трудом, выдохнул: « А когда это?». « А сегодня вечером – пояснил бригадир,- часов в пять-шесть ездовые пригоняют волов к загороду, она тут недалеко, в лесу сделана. Сдают волов пастуху, тот ночью в лесу их пасет, а к утру пригоняет к загороди, поит их -там большая яма с водой, собирает всех вместе, а в шесть утра приходят ездовые и разбирают своих волов. Вот и все. Весь день -свободный, и так -каждую ночь, без выходных. Ставка -семь рублей за выход. Волы должны пастись всю ночь иначе они днем работать не будут. Возле загороди, стоит большой дуб, на нем тот пацан-пастух «патулу» (площадку) сделал- там он ночью сидел и наблюдал за волами. Да сам сейчас все увидишь. Сейчас Колька привезет воду, и с ним поедете к загороди. Он тебе все расскажет».

Выпалив все это, бригадир посчитал свою задачу выполненной и ушел. Пораженный всем случившимся, я стоял несколько минут на солнце пока женщины не позвали меня обедать. Механически проглотив миску борща, я не пошел больше на прорывку моркови, а прилег на траву под деревом и стал ждать Кольку. Часа через два он появился, распряг волов, и мы вместе погнали их к месту моей новой работы. По дороге он объяснил мне некоторые нюансы общения с волами, а также рассказал о пацане, моем предшественнике и технологии моей новой деятельности. Главное, что я понял из его информации- не показывать, что ты боишься, никогда не идти впереди вола или рядом с его головой, не орать на весь лес, не тянуть

животных за хвосты и не лупить палкой или кнутом, по поводу и без powodu, если волы не в ярме. Вот и все основные правила.

Позже -я много добавил уже от себя, но тогда - Колька посчитал, что с меня достаточно. Я было заикнулся, а не смог бы он в первый раз сегодня побыть со мной на дежурстве, но Колька сказал, что его ждет мама, что-то надо дома сделать, а вот завтра, если будут какие-то хорошие предложения..., он, возможно, и останется.

Оставшись один, я закрыл Колькиных волов в загороди, влез на стоящий рядом, более, чем столетний дуб и осмотрел площадку, сработанную прежним пастухом. Где-то на высоте около четырех метров от земли, лежали треугольником довольно толстые ветки, а уже поперек их, лежали ветки потоньше, прямо с листьями. Все это было увязано-перевязано лентами из коры молодой вербы, выглядело довольно прочно и вместительно. На мое счастье – на ветках лежала старая рабочая телогрейка, а вместо подушки- верхняя часть тоже старой немецкой шинели- плечи, рукава, часть спинки. Там же, в углублении, стояла стеклянная трехлитровая стеклянная банка, наполовину заполненная водой. На сучке висела очищенная от коры, где-то метровой длины, палка из вербы; с сучком на конце она была похожа на трость. Вот и все хозяйство.

Было еще рано до начала «смены». Я лег на спину, пытаюсь успокоить себя, боялся думать, что будет дальше. Дуб шелестел листвою, легкий ветерок, в животе –миска борща, что еще надо пацану для счастья!. Незаметно заснул. Проснулся от внезапно появившегося шума, крика и отборного мужского мата. Это ездвые гнали на ночь своих волов. Быстро слез с дерева, стал у изгороди, приоткрыл жердочку-калитку. Появились мои «подопечные»- огромные, все грязно-белого цвета, с широко разведенными рогами, размером с турецкую саблю. Пятеро мужиков, били волов кнутами, загоняя в загородку. Все они были кременчугские, все молодые, но уже жестоко отмеченные жизнью. У одного не было руки, у другого –лицо изрезано страшными шрамами, у каждого из ребят-следы войны. Это были те, кто вырос в оккупации и был призван на фронт летом сорок четвертого. После в лучшем случае –двухнедельной подготовки, их бросали в различные «прорывы» наступления. Основная их масса погибала в первом же бою, часть была покалечена и физически и морально и, после госпиталей – отправлена домой. Других мужиков в бригаде не имелось. Просто не было, потому что не было. Пять лет, как закончилась страшная война. Домой вернулась одна тетя призванных. Работы по всем направлениям и в селе, и в городе полно –все лежало в развалинах. Поэтому, кого можно было в селе собрать – брали на полевые работы.

Я уже говорил, что все мужики в бригаде были ездовыми на волах. На волах – и пахали, и возили, и месили глину, чего только не делали. В то время – это была главная движительная сила. Пригнав волов, ездовые скептически посмотрели на нового ночного пастуха, то есть- меня, а один самый старший по возрасту и суровый на вид, сказал: «Смотри, пацан, не гоняй волов бегом и, не дай Бог, не бей палкой по ногам, я проверю». В руках он сжимал толстенную плетенную из кожаных полос, камчу или кнут, с коротким черенком, похлопывал ею по ладони левой руки и убедительно посмотрел на меня. Там и смотреть-то было не на что – кости, обтянутые кожей, большая голова с выгоревшим волосом и облезшим носом.

Ездовые загнали волов в загородку, как бы сдав мне на хранение, и ушли. Жалко не было тогда свидетелей с фотоаппаратом- в тот момент, когда я остался под вечер, глаз на глаз. С тринадцатью огромными «монстрами», которые, сгрудившись у ворот, равнодушно смотрели на что-то там эдакое, с глазами и ушами, мелкое и непонятно откуда и зачем здесь появившееся, здесь уникальный фотокадр просто напрашивался.

Позже по жизни мне не раз пришлось оставаться один на один с кем-то или с чем-то- в пятнадцать лет впервые сел за руль самоходного зернового комбайна, позже были выходы на боксерский ринг, на сцену, перед студенческой аудиторией, да и чего только не было потом, один на один!

Но в тот вечер, я стоял перед жердевой оградой, смотрел на сгрудившихся по ту сторону волов и – молчал. Мои глаза были примерно на уровне глаз ближайшего ко мне вола. Его глаза, размером с хорошее яйцо, смотрели мне прямо в лицо. Нас разделяли каких-нибудь полметра. Что там у животного на уме, глаза не выражали, только равнодушие. Но, из рассказов Кольки, то есть- из первых рук, я знал, что не все волы такие смиренные, как внешне кажутся.

Что-то со мной случилось. Я перестал дрожать и представлять мысленно какие-то воловьи пакости. Так всегда бывает, когда от абстрактного - переходишь к действительности. Волов же пасти надо, подумал я. Осмотрел путь возможного своего отступления в случае чего, то есть – определил – как можно будет быстрее взобраться на дуб, где была наша «база». Потом глубоко отдышался и... открыл небольшие ворота.

Через несколько секунд – я уже был на дереве. Но волы не бросились бежать в лес, сломя голову. Из тринадцати, только двое сразу вышли, остальные- или легли вдоль ограды, или стояли, лениво бодая друг друга в разные места.

Так продолжалось около часа. Пришлось мне слезать с дерева выламывать ветку и потихоньку выгонять их на пастьбу. В тот первый вечер, я многого не знал. Например, что волы, по определению- не стадные животные, а чистые индивидуалы. Для них вообще не существует авторитетов, вожаков, ведущих, как у других стадных животных. Они – каждый сам по себе. Главный авторитет и аргумент для них –кнут ездового. Ну, чем не родной брат нашего прежнего крестьянина!

А главное, чего я не ведал в данной ситуации-волы не знают дома, базы и домой сами не приходят. Это для меня стало основной проблемой, но уже наутро....

А в тот вечер, волы постепенно разошлись по лесу. Чтобы было понятно нынешним слободзейцам- почему я постоянно вспоминаю о «лесе» - раньше вся территория между Днестром и старым руслом Днестра, была сплошь покрыта лесом. Хорошая лессовая почва, довольно много влаги, способствовало этому. Село Кременчуг, прежде слободзейский хутор,- стоял на холме, весной и летом, когда вода заливала всю территорию от Слободзеи до Копанки, Кременчугский холм был некоторое время островом. Вокруг него стояли в воде деревья. Потом вода уходила. Отдельные места, где было повыше, обрабатывались, были садовые и овощные участки. Так было до тех пор, пока не были построены обвалочные дамбы. Вода перестала заливать эту территорию, лес был выкорчеван, а на его месте появились овощные плантации. Это было уже позже, а когда я пас волов- основная территория вокруг Кременчуга- была занята лесом.

Продолжим о первом моем дежурстве. Волы разошлись, солнце еще не зашло. Тепло, тихо.... И чего я так напугался сразу!?

На одном из опорных столбов, нашел оставленный кем-то «налыгач» - канат метров пяти длиной, с петлей на конце. С его помощью водили коров или тех же волов, надевая петлю на один рог, чтобы затем своеобразной «восьмеркой» привязать к чему-то. Налыгач я взял с собой на дерево, чтобы обвязать им и прицепиться к толстой ветке, чтобы нечаянно не свалиться с помоста. Лететь с такой высоты, ударяясь о толстые дубовые ветки, было более чем опасно. Хотелось кушать, вокруг- огромные разно породные деревья, типичный плавневый лес....Деревья все большие, типичные для нашей зоны - дуб, ясень, тополь, липа, акация, верба, ольха, осина и еще десятки видов. Росли там и дикие груши, сливы, яблони. Наверняка можно было найти какое-то плодовое дерево, чтобы чем-то подкрепиться, но я об этом не мог и думать. Во-первых вечерееет, где и что

искать, лес незнакомый- еще заблудишься, только этого еще не хватало! Волы по лесу бродят, да мало ли кто еще может здесь быть!

Если честно, по прошествии стольких лет, могу сказать-, что да, я боялся. Боялся за себя, а не за волов. Даже, если в лесу были волки, они бы вола взять не смогли. Могли быть и люди, может быть и не очень хорошие, но и они бы волов не тронули. Во-первых, потому, что украсть или забить колхозного вола в 1950 году- значило подписать себе смертный приговор. Тогда за один килограмм зерна, унесенного с поля в любом виде, давали год тюрьмы. За вола -расстреляли бы точно. Так что за волов я не очень беспокоился, а за себя –да, все-таки первый раз в жизни, чужом дремучем лесу, да еще в роли пастуха волов. Одет я был в брюки и рубашку, без головного убора и босой. Мы с мая по сентябрь всегда ходили босиком, обуваясь только, когда шли в школу или в кино.

Босому, в лесу, пасти волов было более, чем проблемно, но я же дежурил всего первую ночь, домой сходить не успел -далеко, да и река еще мешает. Решил- завтра уже пойду, обуюсь, возьму пиджак и фуражку. Так думал я, влезая на свой «сторожевой» пост. Солнце стремительно ушло за горизонт, в лесу ведь, наступила темнота. Кромешная. Деревья вокруг высокие, их кроны вверху соединялись, из-за этого даже чистого звездного неба не было видно. Обвязал себя канатом-налыгачем, привязал конец к толстой ветке, решив, что теперь – не упаду.

С вечера было тихо, умолкло все живое в лесу, но где-то к середине ночи подует ветер, и начался настоящий «скрипичный» концерт на фоне общего гула веток и шелеста листьев. Дуб, на котором находился мой пост, был наверняка раз в в пятнадцать старше меня. Когда поднялся ветер, он начал двигаться и скрипеть. Причем, разные его части или уровни, скрипели по-своему: с диапазоном где-то октав пять, не меньше - от толстых боковых гулов, ближе к корню, до сверхтонких чириканий мелких веток. Это было что-то уничтожающе-непонятное.

Мой помост, примитивно увязанный полосами коры, двигался, как живой, и казалось -вот-вот разойдется. Какой там сон!. Мне и в тишине было не до сна, а в такой кокофонии- и подавно. Начал думать о хорошем. Не забей дядя Миша мяч в чужой сад - и не пас бы я сегодня волов. А если бы он вообще не пришел в отпуск из армии?..., так тогда бы у меня пилотки настоящей не было, ну и так далее....

Потом я посчитал, сколько за две недели денег заработаю, - и за мяч рассчитаюсь, и балалайку себе куплю. А еще бабушка Маня сегодня обещала кашу кабаковую (тыквенную) сварить. Ну ладно- завтра поем....

Так незаметно подкрался рассвет И тогда я понял, за что платят пастуху те несчастные деньги. Слез с дерева- а вокруг-никого!. Думал, что хотя бы часть волов придет к загороди – а их –ни одного!. И где их искать?. Каждый мог пойти куда угодно –лес тянулся до Копанки, да старого русла Днестра. Вот тогда я по-настоящему испугался. В шесть утра придут ездовые, они все местные, им на лодке переплывать не надо, да и лодка с шести часов уже работает. Я просто растерялся, не зная, в какую сторону двинуться. А в глазах уже мерещился кнут старшего ездового. В общем решил -готовься, Вася!.

Пошел в сторону Кременчуга. Фарт или Удача нужны в каждом деле. Не прошел я метров двухсот - поперек – канава – осушитель с водой, длинная такая, но это неважно, но на той её стороне – ЛЕЖАЛИ семь(!) моих волов Еще один стоял почти рядом и терся о ствол дерева. Родные мои! Я сходу бросился в канаву, там воды по пояс, дно илистое, ширина метра четыре, переплыл-переполз, и- к волам. Думаю- хоть этих загоню, а потом стану искать остальных.

Выломал ветку с листьями, начал тормошить их. Напрямую, через канаву гнать побоялся, вдруг увязнут. Где-то через полчаса обогнул канаву, и большая половина моих подопечных оказалась в загороди. Настроение поднялось, но надо искать остальных волов. Начал рыскать по лесу в разные стороны. Напал на какую-то тропинку, пошел по ней, наудачу. Никого. Слышу –вроде как свист какой-то и мне навстречу. Засвистел в ответ и, через минуту увидел Кольку Димитренко. Он, оказывается, шел от переправы- ко мне на «базу». Колька рассказал, что наплел моей бабушке, будто я помогаю сторожу в бригаде (колхозной), и остался там на ночь.

О том, что я пошел в совхоз за деньгами, да еще взялся пасти ночью волов, так никто и не узнал до сих пор. Об этом знали только я и Колька. Если бы кто-то узнал в школе или селе - засмеяли бы надолго. Наша семья –одна из первопоселенцев Слободзеи. В бывшей усадьбе прадеда, организовали колхоз. Мама работала в Слободзейском райисполкоме - бухгалтером. То есть- о нас знали все. А мне вот срочно надо было рассчитаться за мяч, причем собственноручно.

Колька принес мне пиджак, сапоги и пилотку, а еще- в баночке-немного каши. Он уже зна любимые места волов. Короче говоря, к приходу ездовых, все двенадцать волов были найдены и приведены в загородку. Не было одного, слава Богу –непарного, который был в бригаде «на подхвате» у бригадной поварихи, сторожа и бригадира. Была в бригаде такая румынская еще «двуколка» -для хозяйственных нужд бригады. Так вот этого вола и не

было. Звали его –«Фашист». Вообще все волы тогда имели номера и клички. Почти все с «военным» уклоном- «Тигр»,»Фединанд», «Мессершмидт», «Берлин» и т.д..

Попозже, за две недели, я их уже всех знал по кличкам, знал любимые места каждого, повадки и пристрастия. Это в первые дни они для меня были все на одно «лицо», а потом мы познакомились поближе. А вот с «Фашистом», с первого до последнего дня моего пребывания в пастухах, так контакта и не получилось. Животные-как люди. Тоже бывают ехидные, хитрые, коварные и непредсказуемые. Тот же «Фашист», единственный из всех волов, дважды в разное время все-таки сумел поддеть меня рогом, причем второй раз так, что я отлетел метра на три.

Дело было еще и в том, что каждый ездовой, приводил вечером и забирал утром, свою пару волов, а непарного - бригадного, тоже приводили ездовые, но утром в бригаду отводить должен был я, на налыгаче, иначе он мог просто убежать. Так вот, когда я его вел на веревке, он шел, как бы и не замечая меня. Но стоило на секунду отвлечься, он тут же пытался поддеть меня рогом, и, как же было сказано, иногда ему это удавалось....

В тот первый день я нашел «Фашиста» почти за километр от загороди, на берегу Днестра, как какой-нибудь отдыхающий с Севера и дремал. Чтобы его поднять, и доставить до бригады, пришлось выломать хорошую вербовую лозину, и показать «Фашисту»-волу, как пацаны, пережившие войну, относятся к фашистам-захватчикам, в каком бы облике они не находились.

А в целом, две недели тогда я отработал нормально. Бригадир, когда я сдавал «пост» моему предшественнику, так поступившему в техникум, но еще собирающемуся поработать до начала занятий, похвалил меня. Правда признался, что не надеялся меня увидеть уже после первой ночи. Ан, нет-все получилось так, как надо.

По правде говоря, мне даже неловко до сих пор за то, что я больше в той бригаде не появился. Прорывка моркови закончилась, мои коллеги-женщины работали на уборке томатов. Туда же должен был возвратиться, после «воловьей» командировки и я. Но утром, когда я, после последнего дежурства появился дома и лег спать, приехал за чем-то в Слободзею мой отец, на одесской машине. Меня разбудили, вечером -я был уже в Одессе. А на следующий день - вместе с одесскими ребятами-родственниками – на пляже в Аркадии.

Человеку сперва надо сделать очень плохо, а потом -чуть-чуть хорошо- и он будет счастлив. Так было и со мной в то лето. После двух недель общения с волами- две недели на море в Одессе, казались раем земным

Таким было мое первое знакомство с трудягами-животными- волами. По натуре- я не злой человек, всегда старался делать добро людям, но сегодня, с высоты возраста, могу сказать следующее: чтобы жить, надо знать и понимать жизнь, не смотреть на нашу повседневную рутину со стороны, вот мол, я постою или куда-то уеду, подожду, пока здесь станет хорошо, тогда подключусь или вернусь обратно. А кто же господа-товарищи, будет все делать или строить для вас хорошую жизнь? Опять сельские волаи!? Так их уже нет, выбили все лучшее из нашего села, своими руками село и уничтожили. Пусть меня Бог простит, но думаю- очень многим нынешним «продвинутым» не мешало бы попасть волонтерами, для самосовершенствования и лучшего понимания жизни.

В заключение хочу добавить, что мяч тогда, точно такой, я все-таки привез, уже из Одессы и вернул Ивану. А заработанные в совхозе 98 рублей, так и не получил –постеснялся идти в контору совхоза, уже в Кицканы (там была бухгалтерия и касса). А потом началась школа и больше я по этому делу на правой стороне Днестра- не был.

Глава восемнадцатая. ХОЛЛОУ-ИМ...

«Хэллоу - Им...»Им» - это значит - не нам...Праздник «Хэллоуин» во многих католических странах, отмечается накануне одного из главных на Западе праздников –«Почитания всех святых», который ежегодно отмечается там - 31 октября.

В России этот праздник никогда не праздновали, да и не знали о его существовании, я сам узнал о нем уже в зашестидесятилетнем возрасте, когда к нам стали продавливаться, чаще всего далеко не с благородными, а чаще – с »раскрепощающими» и коммерческими целями, тот же Хэллоуин, Святого Валентина и им подобные праздники. Сегодня они коммерчески раскрыты, а абсолютное большинство наших людей их не то, что не признает, а просто не замечает...Да, собственно, дело не в этом...Пусть празднуют- кто что хочет, лишь бы польза была от всего этого, а не наоборот...

По поводу праздника всех святых – помню, еще мой дед рассказывал, вроде как быль: Пospорили два священника – православный и католический- у кого праздников больше. Договорились, что за каждый праздник будут срывать по одному волоску с головы того, чей праздник...Ну и начали вспоминать и убирать волосы...У православного священника больше всего было потерь волос на количестве апостолов, но когда католический священник сказал, что у них есть праздник всех святых...-наш священник взял и подергивал с него все волосы на голове...Не зря, говорил мой дед - католические священники, как правило,- лысые...

Праздник Хэллоуин - в принципе веселый, с костюмами, играми, разными мистическими рассказами-баснями, в общем своеобразный и несколько загадочный. В наше время «Хэллоуин» стал определенным жанром ,кино брэндом, под эгидой которого снимаются триллеры, фильмы ужасов, мистика и - прочая подобная «продукция» для любителей острых ощущений и разложения умственного сознания...

Естественно, я бы не взялся за обсуждение этого праздника и, связанных с ним нюансов, но одним из главных его моментов - есть - применение тыквенных «голов» с огнем внутри для устрашения, увеселения и т.п., участников празднества...И вспомнил я один случай из личной жизни. Давно это было, но помню, как будто это было вчера:...

Повторяю – ни о каком там хэллоуине мы тогда понятия не имели. Мы - это пацаны 9-го участка (ныне улицы Горького) села Слободзея (ныне это

город), что раскинулось на левом берегу Днестра, в 10 километрах от города Тирасполя. Кстати и в то время, Слободзея была самым крупным селом Советского Союза, имея под 20 тысяч жителей. Прекрасное место и прекрасное село. В нем было тогда 11 колхозов...И вот именно в одном из них, Это и случилось...

Прошло всего три или четыре года, как закончилась война. В селе не было электричества, не было дорог, да многого чего не было, а люди работали, поднимали разрушенное хозяйство, сцепив зубы и, невзирая ни на что...А еще были мы – пацаны, пережившие войну, в том числе три года фашистской оккупации и страшный послевоенный голод...Три года мы вообще не выходили на улицу. Ночью –понятно, комендантский час, а днем -выйдешь на улицу -тут же можешь иметь неприятности – в лучшем случае побьют или заставят что-то делать, а в худшем – заберут куда-то, с концами...Поэтому, после войны, мы тянулись друг к другу. Каждая улица имела несколько мест «сбора» и одно из них - главное, куда собирались все, кому положено и каждый день...»Кому положено» - это те (из мальчиков), кто публично выполнял три условия: Переплывал Днестр, мог кататься на велосипеде и...курил...Поэтому, на место сбора приходили не все ребята с улицы, а только избранные по вышеуказанным условиям...Шла естественная ротация –старшие куда-то уходили (ФЗО, армия и т.п.), младшие подрастали и пополняли ряды уличной команды...В то время улица была настоящей школой, это в наше время, школа стала улицей...Наша улица была престижной, на ней располагалась центральная усадьба колхоза им. Молотова и проезжая часть была подсыпана гравием. Так как на соседних улицах, в непогоду была непролазная грязь, то многие люди предпочитали ходить именно по «колхозной» улице.

Я не помню, кому пришла эта идея, среди нашей команды...Дело было поздней осенью, где-то в конце октября. Так как в селе не было электричества, то ночью, при пасмурной погоде, в трех шагах уже ничего не было видно. Мы собирались на «улице» при любой погоде. Главным местом сбора у нас была канава, напротив конторы колхоза. Каждый раз команда придумывала что-то новое, интересное. Так и в тот раз – решили на завтра сделать мелкую пакость и напугать кого-нибудь светящимся «кабаком» -тыквой. Просто напугать и все. Были конкретные предложения по нашим общим «обидчикам», но они были отвергнуты старшими ребятами, поэтому решили напугать того, кто попадется...Леньке Шумейко поручили «позаимствовать» две больших тыквы у его соседки – бабы Лены, Андрею Бочару – найти четыре свечи, Андрею Димитренко- принести пол литра керосина, спички- каждый имел свои...Гриша Димитренко, как

наш главный, пообещал вырезать из тыкв, соответствующие «устрашающие» физиономии. Проведение акции наметили на завтра...

На следующий день, как стемнело, собрались на месте сбора, проверили исполнение данных вчера поручений - все было исполнено в точности...Определились что, где и как и - Кто, когда и где - будет делать.

Место нашего сбора, как я сказал, находилось напротив колхозной конторы, на другой стороне улицы. Метрах в двадцати, между нами и конторой, стоял старый колодец. Его вырыл еще прадед моего прадеда, (я уже сам прадед, а колодец так до сих пор и действует). Да и вообще, вся колхозная усадьба - это бывшая усадьба моего прадеда Еремея, отнятая властью при его «раскулачивании» в 1929 году... Возле колодца, вдоль улицы, лежало большое бетонное корыто, из него поили лошадей.

Это место мы и решили использовать для «страшилки»...По сценарию : - На колодезном срубе устанавливаются две тыквенные головы- ужастики. В них с обеих сторон, воткнуты палочки для управления поворотами «голов», с помощью длинных нитей...Четверо «огневики», с пузырьками, наполненными керосином, должны были спрятаться за корытом, с обеих сторон...Как сильней стемнеет, вовнутрь каждой тыквы вставляются по две свечи, зажигаются и устанавливаются на срубе колодца. Причем «лицом» поперек улицы, людям, идущим сверху и снизу по улице - их, в принципе, не видно. При появлении подходящего «объекта» для испуга, тыквы, с помощью ниток, поворачиваются в его сторону, а если он, все-таки подходит к ним, то в дело вступают «огневики» - они набирают в рот керосина , с силой разбрызгивают его вверх, одновременно поджигая эту смесь спичкой...Получается четыре огромных огненных облака...Все это вместе - горящие глаза тыкв, огненные облака – способны обеспокоить или напугать любого...Так и получилось в тот раз, но не так, как мы планировали...

Мы знали, что в такую темень, из соседних потребителей воды, к колодцу никто не пойдет...Ждали кого-то проходящего, то есть чужого, не с нашей улицы...

Уже стих ветер, темень такая, холод, свечи скоро перегорят, а никто не идет! И так, казалось, будет бесконечно...И вдруг - громкое покашливание и звон пустого ведра! Кто-то идет к колодцу! Когда он приблизился на достаточное расстояние, мы сделали все, как было спланировано, две огромных «улыбающихся» тыквы повернули навстречу и сделали залп «огнеметов»...Жалко не было тогда ни видео, ни фотоаппаратов - было бы что оставить истории и местным органам НКВД...Через несколько

секунд что-то тяжелое упало в темноту, загрохотало по гравию полетевшее ведро, а еще через несколько секунд, то, что упало, сперва выпустило газы, потом выдало многоэтажный мат, а в конце – завопило на всю улицу: «Рятуйтэ, люды добрии!»...

Мы сами остолбенели, не ждали такого эффекта, тем более, тот, кого мы до полусмерти напугали, судя во воплю, был наш сосед через дорогу, дед Максим...Это была легендарная для нашей улицы личность. Он работал бригадиром бригады плотников в колхозе, ничем особым не выделялся, кроме патологической хитрости и жадности, а также ненависти к нам, соседским пацанам, может потому, что сам не имел детей...Ему, чтобы придти на работу – надо было пройти всего двести метров вверх по улице, а вместо этого - он шел через наш огород, потом по меже между огородами двух улиц, а потом – заходил на территорию колхоза с задней стороны...То есть путь у него шел буквой П, в три раза дальше, чем по улице, но зато пока он шел, наполнял карманы с соседских садов – где груша, где яблоко, абрикос или орех. Что-нибудь – да сорвет...Но в этот раз речь идет не о его «достоинствах», о которых можно повесть написать, а о том, что напугали мы именно его в ту ночь. Пока он там приходил в себя, мы убрали все «вещдоки» и наблюдали из зарослей, что будет дальше, так как домой нам сразу было бежать нельзя...-Могли заметить...

Очумелый дед Максим побежал в контору - она рядом, телефона там тогда еще не было, ближайший телефон был только в войсковой части, это через соседнюю улицу, напрямую - километр, не более. Дед послал дежурного по конторе к военным, чтобы позвонить кому-нибудь, что у нас какой-то десант или банда, или еще что-то, он не знает. Но все, мол, страшно и все горит. Дежурный побежал в часть, а дед Максим – к пожарникам...Пожарники в колхозе - особая каста. Пароконная повозка, – на ней ручная помпа с пожарным шлангом, деревянная бочка, несколько конических ведер для забора воды, пожарный колокол и четыре «бойца» – вот и вся пожарная команда. Работали они по двое, через сутки...Днем (это надо было видеть) они с утра до вечера играли в домино...Под большой деревянной пожарной вышкой, был намертво вкопан массивный деревянный стол, он, тот стол, наверное, на палец ежедневно входил вглубь земли, от ударов костяшками по нему пожарников и их партнеров. Играли только на вино. Две пары пожарников так «сыгрались», что победа над ними кого-то из посторонних, сегодня приравнивалась бы к чемпиону страны, а то и выше...

Пока дед Максим будил пожарников, пока они все вместе запрягали лошадей и пытались прокачать помпу, пока подъехали к колодцу - прошло время...

В это же время, дежурный из колхозной конторы добежал до войсковой части, попросил телефон и начал звонить в отдел НКВД; дежурный по части, услышав что-то про огонь, бандитов или диверсантов, по тревоге поднял оперативную группу, а так как пошел сильный дождь, то группа выехала на «амфибии», машина такая, вездеход, для перевозки пехоты...

Через несколько минут, дежурная группа была у нашего колодца, там, под дождем, они обнаружили пожарную повозку, с пожарными и дедом Максимом. Обозленные ночной тревогой и холодным дождем, солдаты накинулись на них, посчитав за диверсантов, поколотили их, связали, бросили в амфибию и привезли в часть, надеясь получить какие-то поощрения назавтра... Побитые колхозники до утра пробыли на гауптвахте, пока не приехала группа из НКВД... Ну, потом разобрались, кое-кому еще «добавили» и разошлись... Когда солдаты уехали, мы тоже разошлись по домам, поклявшись держать все в тайне. Тыквы мы забросили на дно большой воронки от авиабомбы, там заросли, грязь, – никто не найдет, сильный дождь с ветром, стер все возможные следы...

Но все оказалось намного сложнее... Когда в контору колхоза приехал уполномоченный НКВД, начал разбираться, к нему пришла баба Лена, та у которой мы «одолжили» две тыквы. Она была из тех старых «активистов-сексотов» и заявила, что видела кого-то у колодца ночью, когда огонь горел, но у неё зрение слабое и она точно не может сказать, кто это был... Привезли из района собаку-овчарку, но она не смогла взять след, по причине дождя и большого их (следов) количества... Я и сегодня уверен, если бы та бабушка узнала, что именно мы «одолжили» у неё тыквы – она бы до Берии дошла...

Вот такой был у нас хэллоуин... А знаете, многое в этом мире взаимосвязано, невидимыми нитями, и я бынисколько не удивился, если бы вдруг, через столько лет, узнал, что мы ставили те тыквы, именно в день этого праздника, сами даже не подозревая об этом... И еще - дед Максим попал в ночной переплет совершенно случайно: накануне в колхоз привезли жеребца-производителя, стоил он больших денег и требовал особого ухода. Конюх, которому был поручен за ним уход, буквально жил вместе с жеребцом рядом, в конюшне. В ту ночь, он попросил своего родственника, того самого деда Максима, подежурить за него до полуночи, какое-то дело было важное у конюха дома. Дед согласился, потом пошел к

колодцу, чтобы принести воды для того жеребца, а в итоге получил...хэллоуин...по полной программе...Признаюсь - и у нас, ребят, с тех пор, как-то пропала охота пугать кого-то горящими тыквами...

Глава двадцать первая. СТУДЕНТЫ

Особой прослойкой цивилизованного общества является студенчество. Наша страна — не исключение, студентов у нас, в пропорции к массе населения, очень не малое количество и, что самое приятное — у нас постоянная тенденция в его увеличении. В прежние времена, особенно советские, когда попасть в студенческую когорту было более доступнее и более объективнее шло ее формирование, по способностям, а потом и по возможностям, студент в России был больше, чем студент. Помимо учебы он был и строителем и грузчиком, и лесорубом, и картофелекопателем, воспитателем и общественным деятелем. У студентов наших лет были свои «планеты» - целина, БАМ, великие стройки, которые в обязательном порядке все были «ударно - комсомольскими», обязательные уборочные отряды и отряды по охране общественного порядка и т.д.

Конечно, не все студенты и у нас, по ночам разгружали вагоны с целью подработки или покупали бутылку кефира за 30 копеек, одну на весь учебный год, потом ежедневно пустую бутылку за 15 копеек (столько стоил сам кефир) обменивали на очередную новую. Были и другие студенты. Они уже носили джинсы, модную обувь и прически с «коком». Им было мало свободы и трудно дышать, так как имели возможности, но не имели прав и т.п. Были, но таких было мизер, да и толку от них, как студентов было мало. Учились как раз те, кто по ночам разгружал вагоны. Они знали, что «халявы» для них не будет и единственный выход — «учиться, учиться и учиться», чтобы стать специалистом и выбраться в люди. Студенческая жизнь в нормальные времена была во многом схожа по общему воздействию на молодое поколение страны, с армейской жизнью. Если в студенты шла более интеллектуально «продвинутая» молодежь, за годы учебы превращающаяся или выращиваемая, образно выражаясь, из молодого саженца в плодоносящее дерево, способное приносить плоды, то и в армии с молодежью происходило нечто подобное — ребята мужали, крепили физически, учились подчиняться и командовать — организовывать, приобретали разные специальности, многие из которых можно было применить на гражданке, а главное — молодой человек получал мощный патриотично-идеологично-воспитательный заряд на всю жизнь. Это можно сделать только в солдатской массе, так как в обычной, не воинской жизни, индивидуально, после школы никто им заниматься не будет. Государство обучает студента, готовя его для себя, оно же обучает, более того, выращивает для себя солдата. Это дешевле легче и быстрее, повторяю, чем решать такие же проблемы с каждым в отдельности.

Конечно, и студенты были разными, я уже не говорю о тех, кто всегда почти занимал чужие места в ВУЗах, а вообще о студенческой массе и в советские

годы. Даже среди студентов заочных отделений, не говоря о дневных. Когда я учился в Москве в институте, то я и многие мои коллеги так учились. Да, мы имели повседневную практику работы, но ее надо было приводить в соответствие с действующими постановлениями и правилами, надо было расширять не только специальный, но и общеинтеллектуальный кругозор, используя время, отпущенное на учебу в комплексе. Ведь студенты, особенно из сельской местности или малых городов, приезжая учиться в большие города, тем более столичные, за годы учебы, при желании, естественно, получали значительный культурно-эстетический багаж, кроме того, общее и физическое развитие.

Даже в нижней, заочной, среде образования и то такой багаж приобретался. Я, например, приезжая в Москву на сессию, а сессии были у нас по 40-45 дней, сразу шел к расписанию занятий, выписывал те дни, где были «окна», после экзаменов или на выходные, затем ехал в город и покупал на все такие дни билеты: в театры, музеи, выставки, на хоккей зимой и футбол летом, в кинотеатры на новые фильмы, даже в книжные магазины ходить - и то находил время, ведь дома ничего этого не видишь. Это было действительно полезно и здорово. Те, к примеру фильмы, что я смотрел в Москве, сразу по их выходу на экран, у нас появлялись через год, а то и более. Другие студенты, особенно приезжающие на сессию из денежных северных и таежных областей, раздавали чемоданами различные меха, унты, шапки тем, кто им будет готовить курсовые и контрольные работы, принимать зачеты и экзамены, а закончив «официальную» раздачу, шли в рестораны и ежедневно пили так, как будто коньяка и водки в жизни не видели и плевать, извините, им было на те музеи и хоккей.

О нынешней жизни студентов я вообще промолчу. Пятнадцать лет я работал в госуниверситете, читал лекции в других учебных заведениях, хорошо изучил ситуацию с обучением, старался передать студентам то, что знал сам и что требовалось по программе, и студенты всегда относились ко мне с пониманием и уважением.

Перевернем очередную страницу альбома жизни. Естественно, еще поговорим о студентах. Кишинев. Общежитие сельхозинститута. Семидесятые годы. Я переехал из Казахстана домой, в Слободзею и перевелся из Москвы в Кишиневский сельхозинститут. На время сессии, по знакомству некоторых моих коллег с руководством общежития, нас туда поселяли. Живем втроем, уже все взрослые люди, при районных должностях. Выше на этаже жили студенты-вьетнамцы. Один из них, худосочный, маленький и желтый такой, даже больше, чем обычный вьетнамец, как-то зашел к нам и попросил уют. У нас, естественно все было свое, уют, электроплитка, ну и другие бытовые мелочи,

привезенные из дома. Когда он первый раз к нам зашел, мы как раз ужинали. По его глазам я понял, что он хочет кушать. Усадили его за стол, накормили, дали стакан хорошего домашнего вина. Он наелся и почти что ползком ушел наверх, забыв про уют. Потом стал заходить к нам почти каждый вечер. Он с удовольствием ел все подряд и особенно обожал сало с чесноком. Бегло говорил по-русски, но понять было можно. Конечно, он приходил не только поговорить, но, в основном, поесть. А нам что, жалко, что ли, пусть ест, даже интересно и как-то приятно.

Вьетнамцы, естественно из северного в то время Вьетнама, как студенты, жили скромнее и тяжелее всех. Их посылали на учебу в Союз, как лучших комсомольцев, они были обязаны только учиться. Не разрешалось заводить близкие контакты с земляками, например, парню с девушкой-землячкой. Узнают, сразу донесут, тут же отзыв домой и неминуемое наказание там уже. Они об этом хорошо знали и держались друг от друга подальше. Если у девушек-вьетнамок жизнь еще шла как-никак, то у ребят — одни тогда были проблемы, особенно по мужской части. Подойти к русским девчатам, табунами бегающим вокруг общежития, они не могут — денег нет абсолютно, без денег таким парням, как они, никто ничего не выставит. Вот что хочешь, то и делай, молодой студент - к своим идти нельзя, а то выгонят и посадят, к чужим можно — так нет денег.

Многое мы узнали от того бедолаги-студента. А один раз разговор как-то зашел о плодах манго, честно говоря я видел консервные банки в магазинах с надписью «Манго» из того же Вьетнама, но попробовать не приходилось. И вот после того, как он в один вечер упомянул слово «манго», кто-то из нас спросил его, а что это за плод, какой у него вкус? И вот тогда студент, зажатый в тиски жизни, сказал, выразил все, что у него накопилось несбыточного в груди и разуме: «О, манго — это как секс» и мечтательно замолчал. Правда, последнее слово он сказал по-русски и я не буду его здесь приводить. Вот так его достали, бедного... А учиться-то все равно надо.

В семидесятые-восемидесятые годы, когда наш Слободзейский район заваливал Союз дешевыми овощами и фруктами, у нас сотворилась, утвердилась и продолжалась долгие годы, довольно простая, но рабочая и высокоэффективная стратегия развития того же овощеводства. Главное, на местном, районном уровне, было подготовить почву, вырастить необходимое количество рассады, а затем высадить ее и высеять семена в грунт, вырастить урожай, произведя весь необходимый цикл работ. А вот на уборку урожая нам необходимо было найти дополнительно массу рабочей силы, иначе большинство урожая на полях и останется. Я не знаю подобных нашему району во-обще в Союзе, и в этом плане, может быть, нечто подобное было в

хлопкосоющих регионах, но к нам в летние месяцы — июль-август прибывало до 10-12 тысяч студентов, а с сентября их меняли наши студенты и школьники. Это была большая проблема для района. Их надо было разместить, и не просто разместить, а хорошо, с комфортом, элементарным конечно. Помещения, постели, питание, помывка, охрана, перевозки внутри хозяйств, масса побочных проблем — все это было и их никуда не денешь. Но их помощь окупала все затраты с лихвой. Поэтому мы их и приглашали из Москвы, Ленинграда, Белоруссии, частично из Украины и других мест. И студентам тоже у нас нравилось. Не такая уж сложная и тяжелая работа, море овощей и фруктов, усиленное питание, тепло, вода и свободная молодость — что еще надо было студенту всех времен и народов? Мне по роду службы приходилось заниматься с работающими студентами, часто лично вмешиваться в решение тех или иных общих или конфликтных вопросов.

В Слободзее, в его, так называемой «русской части», довольно далеко от села был устроен большой международный студенческий городок. Назывался он так потому, что в нем находились и работали студенты из разных стран мира, обучающиеся в Москве, в университете Дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Большой интернациональный отряд студентов заполнял это место много лет подряд. Наши районные «активные» люди, естественно, позаботились о контактах с приезжающими руководителями тех отрядов, и за пару десятилетий значительная группа наших местных ребят и девчат тоже обучалась в том университете. Так; сказать, взаимное обогащение. Во многих бригадах района были расположены студенческие отряды, но наш интернациональный спецотряд являлся особым и стоял на особом контроле на всех уровнях, поэтому отнимал у тех, кому положено, в том числе и у меня, много испорченных нервных клеток. Как только где-нибудь межнациональный или межгосударственный конфликт, то Эфиопия с Сомали ежегодно не мирятся, то одно Конго (Браззавиль) воюет с другим Конго (Киншаса), да и много других было подобных стычек, тут же начинаются конфликты тех же эфиопов-студентов со студентами из Сомали и т.п. Что делать, они дерутся, а мы их все вместе мирим. Выезжаем, уговариваем, иногда и сдерживаем.

Парень был один интересный с Кубы. Теофилом звали. Я почему помню, потому что в те времена на любительском боксерском ринге в тяжелой весовой категории доминировал Теофил Стивенсон, трех-кратный чемпион мира. Вот и тот студент был высокий, статный такой, слегка смуглый, выгодно выделялся среди всех студентов отряда. «Предки» у него, скорее всего, были не обычные люди, потому что он держался всегда обособленно и высокомерно. А может, характером был горячий, не знаю, но еще при первом знакомстве по их заезду я обратил на него внимание. Он ни с кем не дружил, даже с теми ребятами, что жили вместе с ним в отрядном домике.

Буквально через пару дней после их приезда звонит секретарь парткома моего родного колхоза, женщина, просит приехать в первую бригаду, там в отряде какое-то ЧП. Приезжаю в отряд, старший докладывает, что один студент закрылся в домике, ни ест, ни пьет, сам не выходит и никого не выпускает. Причина в том, что он привез с собой мощный магнитофон, а в домике деревянном нет розетки, не положено по правилам техники пожарной безопасности. Пошел я к нему, через окно договорился, впустил он меня в домик, переговорили, пообещал я ему помочь с той розеткой. Поехал в «сельхозтехнику», выписал на колхоз поллиста асбоцементной фанеры и метров десять бронированного кабеля с розеткой, взял в гараже колхозного электрика, поставили на шурупах асбестовую плиту, провели отдельный кабель, поставили розетку. Все, он очень доволен и все довольны, в отряде появился мощный по тем временам магнитофон. Вроде, какое-то время было тихо, в Африке тоже как-то с войнами поутихло, студенты работают, все нормально. Дело в том, что в других небольших отрядах белорусов, ленинградцев или украинцев студентов было мало, так что, в основном, стычки происходили между местными пацанами и студентами, но их разрешали на местах, в хозяйствах, а в том международном лагере часто приходилось вмешиваться и нам.

Не прошло дней десять, опять по оперативной связи вызывают в лагерь. Приезжаю, опять Теофил, только на этот раз что-то уже серьезное, обещает поджечь домик и себя вместе с ним. Никого не признает. Снова иду к окну, он меня увидел — минут через пять впустил. Вижу — очень взволнованный, бледный, похудел слегка. Спрашиваю, в чем дело, кто обидел и т.п. «Кто меня может обидеть!?» - обиделся Теофил и замолчал. С какой стороны не начну разговор — молчит. А видно, что мучается. Потом заговорил так быстро, что я вначале ничего не мог понять, говорил он долго. Из обрывков его смешанных фраз я, в общем, понял следующее. Томаты в бригаде только-только начинают «буреть», т.е. менять цвет с зеленых на белобурые, собирать и паковать начнут где-то через 7-8 дней. Ну а чтобы студенты не скучали без дела, им дали довольно скучную и трудную работу по прорывке сеяных томатов. Теофила бригадир хотел все эти дни посылать грузчиком на подвозе ящикотары. Там все-таки попроще, и посолиднее для парня. А он «запал» на одну симпатичную русскую девушку, в университете и наши тоже учились. Отказался от должности грузчика и напросился в звено к девчатам, где была та (его) девушка. А в звене было четверо студенток, все из нашего Союза, ну и Теофил стал пятым, стал рядом с той девушкой. Начали прорывать томаты. Девчата маленькие, ловкие, только руки у них мелькают, стебли травы и лишние всходы летят в междурядья. А Теофилу с его ростом, мощными крепкими руками, да на палящем солнце было очень плохо. Девчата сразу ушли вперед, он изо всех сил пытается их догнать — не получается. А они уйдут метров на 20-30, сядут, отдохнут, пока он к ним приблизится, они опять вырвутся вперед и так

беспрерывно. Они-то быстро работают, потом отдохнут немного и снова прорывают, а он, как автомат, без отдыха, без привычки, весь на нервах. А еще ему стыдно, а еще он уже весь мокрый, а еще девчата его поддевают и подзадоривают. Короче говоря, доконали они его окончательно. Он еле-еле прорвал один валок, зашел в лесополосу в конце поля, там отлежался, а потом незаметно обошел по полосе, вокруг поля, зашел в свой домик, закрылся от позора и хотел вообще поджечь свое жилище вместе с собой.

Он рассказывал, рассказывал, а потом так охарактеризовал девчат, соратников по прорывке: «Русская девчонка, он как льошад!». Он это сказал так, как приклеил, вот мол какие русские девчата, как лошади работают, куда ему, Теофилу! Переговорил я с ним о разном, о Кубе, университете, родителях, много о чем. Потом пошли вместе к бригадиру, тот сразу посадил его на машину и отправил за ящикотарой. Поговорил я и с теми девчатами, и с руководством лагеря, а потом еще раз с бригадиром, он меня хорошо знал, да и отец мой работал здесь же в рядом расположенной тракторной бригаде. Больше в том сезоне меня в этот городок не приглашали, значит, все было нормально. Несколько раз я сам туда приезжал, а когда они уезжали, и был общий сбор, Теофил подошел ко мне и чисто сказал: «До свидания, и большое спасибо!»

А все-таки быть студентом — это здорово! Не теряйте времени, молодые, учитесь, пока есть возможность!

Глава двадцать вторая. БУНТ

В те «нехорошие, застойные» времена наш район производил в год только овощей по килограмму на всех жителей Советского Союза, включая грудных детей, от Калининграда до Чукотки. Вдумайтесь, один район — и на весь Союз. А если добавить еще и фрукты, то почти по 2 кг выйдет. Естественно, такое количество продукции надо было не только вырастить, но и убрать с полей и привести в порядок, т.е. реализовать, на месте переработать или отправить куда-то в свежем виде. Овощи и фрукты — это не детали или строительные материалы, даже не зерно, которое можно долго хранить, передерживать какое-то время и т.д. Эту продукцию так и называют - «скоропортящаяся». Все надо делать быстро, два, максимум, три месяца, и плодоовощная продукция должна с полей и садов уйти. Это вызывало массу проблем с упаковочной тарой, транспортом и особенно людьми. Студенты и школьники, свободные жители сел и городов и «мобилизованные» жители тех же городов, через их предприятия и организации, — вся эта масса ежедневно выходила на уборочные работы. Десятки тысяч человек в районе занимались этим делом, сюда было приковано внимание всех партийных, советских и хозяйственных властей, руководителей хозяйств и их подразделений.

Если на массовую уборку овощей брали всех подряд, то на уборку фруктов брали серьезных, годами проверенных работников, привлеченных в основном из других регионов. Больше всего, сегодня их бы назвали «гастарбайтерами», уборщиков, в основном фруктов, было из западных, прикарпатских областей Украины. Они не только убирали фрукты с деревьев подряд, как при обычной сплошной уборке, они укладывали плоды и упаковывали бумагой, древесной стружкой для отправки в другие регионы в свежем виде, а также для закладки на хранение, чтобы фрукты несколько месяцев передержать, а в конце зимы продать их по гораздо более высоким ценам.

Работа по упаковке требовала тщательного отбора плодов и не менее старательной упаковки, одно пораженное яблоко могло испортить всю упаковку. Поэтому на упаковку ставили самых надежных работ-

ников. Надо признать, что западные украинцы добросовестно работали на таких работах, естественно за прямой интерес. Система оплаты труда наемных бригад в садоводстве была проста и доступна. Заработную плату на уборке практически не платили в деньгах, а в зависимости от конкретной видовой урожайности по году, им выдавали в счет оплаты от 5 до 10 процентов собранных или упакованных фруктов, в основном, яблок, при разных возможных внутриколхозных вариантах системы оплаты. Мы в районе как бы ставили верхний предел, а внутри него, хозяйства, ставили условия самостоятельно, ибо даже в рядом расположенных колхозах урожайность и

качество фруктов могли колебаться в разы. Короче говоря, система была отработана, и сбоев особых не было. Питались приезжие работники за свой счет, машины на вывоз заработанного тоже часто нанимали они сами. Короче, кто, как договаривался, но затрат по этим бригадам колхозы не несли, только отпускали фрукты, по договору, как положено, с соответствующими сопроводительными документами. Казалось, все просто и понятно. Но так же нельзя, также скучно и неинтересно. Обязательно кому-то в голову какие-то отработанные частицы ударят, и он или они, то ли с больной головы, то ли по злему умыслу, обязательно что-то придумают и опять же обязательно в худшую сторону. За более чем пол-века уже осмысленной сельской жизни я выстроил, возможно, субъ-ективную спрессованную группировку причин всех совокупных бед в нашем сельском хозяйстве, с момента начала коллективизации до нынешних времен. Так вот, по моему мнению, далеко не абстрактному и голословному, 75% бед на селе — от действий властей всей уровней, 20% - от погодных условий и 5% от местных организаци- онных неурядиц. Поверьте, это так, возможны региональные колебания и вариации, но в пределах 5-10%.

Вот одна из иллюстраций из альбома жизни. Поздняя осень восемьдесят четвертого года. В стране какое-то общее непонятное затишье и в то же время явно чувствуется что-то нехорошее, закулис-ное, подковерное, особенно на региональном уровне. Вроде бы ничего нового и нет, но что-то чувствуется тревожное и непонятное. Подряд ушли Брежнев и Андропов, под руки водят по Кремлю Черненко, все чего-то ждут, каких-то перемен или конца. Ну, это там, под небесами, а ведь внизу тоже головы какие-то есть и тоже о себе думают в первую очередь. Уборка завершена, и вдруг поступает команда-

ректива - наемным бригадам зарплату в порядке натуроплаты не выдавать, а или начислить им оплату труда, как обычным колхозникам, или сдать их заработанные яблоки в «Молдплодоовощ» и по закупочным ценам им оплатить. Как всегда, никаких официальных бумаг не поступало. Кто-то позвонил «оттуда», потом запрет на яблоки растиражировали на местах. Такое бывало не раз в нашей жизни - кому-то надо добавить в декабре то фруктов, то молока, то мяса и т.п.; или кому-то на орден, или на звание, или на должность, или пообещал кто-то на совещании или за столом — неважно, а делай, и все.

Причем, в случае чего, никто ничего не знает, указаний никто не давал, а те, кто давал, сами еще и проверку организуют, они-то знают что к чему. И ты вечно на крючке у кого-то висишь, сделаешь — виноват (если захотят), не сделаешь — еще больше виноват.

Так вот, это «телефонное право» было использовано и в ту осень. Причем, безо всяких на то надобностей. Может, в очередной раз хотели насолить нашему району, может, еще какие-то были наказания у кого-то в Кишиневе, не знаю, но

такой финт в виде запрета выдачи натурой кто-то сделал. Волна возмущения прошла среди тысяч привлеченных рабочих, оно и понятно, они ради натурой сезон и работали. Мы, все местные и районные власти и руководители хозяйств, тем более колхозники, которых этот удар не коснулся, проявили полную апатию и беспринципность. Раз, мол, запретили, значит, запретили, мы здесь ни причем. И это при наличии договоров и их официальной регистрации. Нам так даже лучше и выгоднее (план будет перевыполнен), а остальное нас не касается. В пятницу мне позвонил председатель из села Кицканы, кричит — у нас настоящий бунт, шестьсот человек собрались на площади, окружили контору колхоза, сельсовет, все разъяренные, требуют яблоки, ими заработанные. Говорю ему, обращайся в милицию, в сельсовет, прокуратуру, райком. Какая там милиция, председатель кричит в телефон, никто не хочет иметь с ними дело. Где-то после обеда секретарь вбегает в кабинет и со слезами говорит — там к вам какие-то люди, много их, страшные такие, злые, хотели к председателю, его нет, хотят попасть к вам. Впустил я тех людей. Их было семь человек, причем пятеро явные работяги, а двое лысоватых низкорослых мужиков, явно откуда-то прибыли, может из мест проживания работников. Скорее всего, это были уже проросшие семена будущих «фронтов» и цветных революций, а пока что выступающих в роли «адвокатов» наемных рабочих. (Напомню, через каких-то полгода пошла так называемая «перестройка»). «Адвокаты» говорили больше и громче всех, уже пахло политикой, национальными притеснениями и т.п., уже и за яблоки почти забыли. Я им дал специально выговориться, чтобы они выпустили «злой дух» и немного успокоились, внешне внимательно слушал, в разговор не вступал, а сам сидел и думал: а ведь они абсолютно правы, надо что-то выбирать - или взять и самому сбежать, как все, или что-то решать. Проценко ВА, нашего первого секретаря райкома, уже перевели в Кишинев, выбив определенным образом почву из-под его ног, оторвав от такой опорной стены, как наш район. Он бы мог что-то решить, но те, кто остались за него, не могли делать ничего, кроме как исчезнуть из виду. Старший из группы рабочих сказал, что они были уже везде в районе, во всех главных организациях, первых лиц нет нигде, а другие ничего не решают.

Пусть читатель не подумает, что я леплю из Гурковского героя в данной ситуации, я никогда героем не был, просто всегда поступал справедливо и честно, чем снискал определенную неприязнь со стороны властной иерархии. Но кому-то же надо было что-то делать.

Спросил у старшего - вы на чем приехали? Автобусом обычным, отвечают. Я в то время ездил на таком «УАЗе» - микроавтобусе. Для себя все уже решил, но надо проиграть все до конца. Дело к вечеру, оставляю водителя, мало ли что может случиться, сажусь за руль, «уполномоченных» - в машину, и через паром - в Кицканы. Хорошо, что в те времена не было мобильных телефонов и

никаких информации толпа в Кицканах не получала, не готовилась, а просто весь день ждала результата от поездки своей делегации. Приехали в Кицканы, там, в центре села большая площадь, ограниченная с трех сторон зданием и территориями — сельсовета, школы и конторы колхоза. С четвертой стороны прямоугольник был очерчен дорогой. Вся эта площадь запружена людьми. Некоторые явно «навеселе», но с невеселым видом, рядом - кафе, наверное, за день туда не раз заходили. Мы проехали буквально сквозь толпу и остановились в центре площади, там стоял не бюст, а такая огромная голова с шеей В.И. Ленина. Пассажиры мои вышли из машины. Люди кинулись к ним, а потом все вместе обступили меня. Веселого в этих действиях было действительно мало. Я влез на крышу «УАЗа», чтобы всем было видно, и сказал то, что должен был сказать. Громко, на всю площадь, слышали это не только бунтующие рабочие, а и специалисты у конторы

колхоза, я сказал, что районные власти (!) приняли решение разрешить им получить и вывезти заработанные яблоки. Стоящим у машины бригадирам я негромко добавил — за предстоящие выходные дни. Сел за руль, люди расступились, и я через Бендеры и Тирасполь поехал домой, не стал ночью ехать через лес и паром.

В понедельник все молчали, вокруг меня образовалось такое непонятное пространство, а после обеда мне позвонили из диспетчерской и сказали, что есть телефонограмма и меня вызывают в прокуратуру республики. Началось. Во вторник я таки поехал в прокуратуру, на радость нашим «доброжелателям», надеявшимся, что оттуда возврата уж нет. Подъехав к прокуратуре, она была недалеко от центральной площади Кишинева, рядом с ЦК комсомола Молдавии, я остановился и сидел в машине, составляя план посещения этого невеселого учреждения.

Размышляя, пришел к нескольким выводам. Первое — а вдруг меня не за яблоки вызывают, тогда за что? Перебрал свои действия за все годы, когда вернулся в Слободзею из Казахстана, да, вроде бы, не тяну я своей жизнью на прокуратуру МССР, да и вообще никакого распоряжения о запрете вывоза яблок я не получал, никакого своего распоряжения на отмену запрета не давал, пусть официально покажут. А еще там, далеко внутри меня шевелился такой маленький сверлящий «червячок», как последний козырь. Дело в том, что прокурором МССР в то время был Чебан Иван Иванович, наш земляк, слободзейский. А жена у него, в девичестве Федотова, была двоюродной сестрой моего отца, то есть доводилась мне двоюродной тетей. После войны мама моя работала в райисполкоме, Иван Иванович был прокурором района, наши семьи по-родственному дружили, они хорошо знали меня с детства, но потом мама ушла из жизни, а я 22 года облагораживал целину в Казахстане. Связи наши родственные распались. В отличие от других, таких же

родственников-слободзейцев, я, по возвращении в Слободзею узнав, что Чебан И.И. уже прокурор республики и живет в Кишиневе, не стал лезть ему и тете на глаза и напоминать о своем родстве, пользуясь как-то этим. А вот пришло время, может, и «раскрыться» и поговорить с тетей или ее мужем? А то забрегут, ведь, и ни за что. Я простоял у прокуратуры часа два, а потом принял самое верное решение — уехал домой. На работе сказал, что вызывали, беседовали, а что и как — никого не касается. Да и никто особо не спрашивал. Все ждали. И я ждал....

Дня через три - снова вызывают в прокуратуру. А я не поехал, так и по сей день больше не вызывают, и слава Богу. Кому-то это покажется обычным делом, тем более в наше смутное время, а тогда это было обычной необычностью, а такие дела возникали часто просто из ничего — из зависти, дурного глаза, просто так, из интереса, головотяпства и тупости, коварства и жестокости, и т.п. действий заинтересованных людей. Причем, как правило, никчемных и не на что, кроме пакостей, не способных. Сколько хороших людей погубили в нашей стране такими способами.

Но, жизнь продолжается и пусть кто-то скажет, что это не так!

Глава двадцать третья. ТУНЕЯДЦЫ

В жизни всегда так. Одних с рождения и до конца жизни воспитывают, как правило, безрезультатно. Другие всю жизнь сами кого-то воспитывают на всех уровнях. Для одних работа — неотъемлемая часть жизни, другие бегут от работы, как черт от ладана. Вот такие мы, люди.

В обществе всегда была и есть прослойка людей, которые паразитируют или, образно говоря, «сидят на шее» у общества. И это не какие-то там рантье, стригущие купоны, они хоть чем-то обладают и что-то вкладывают. Это просто паразиты-бездельники, которые ничего не вкладывают, ничего не делают, но все равно претендуют на что-то. У нас их называют тунеядцами. Это словопонятие как бы синтезирует целый ряд «качеств» таких людей — бездельников, дармоедов и тому подобной «пены», инертной людской массы.

В нашей стране появлению и интенсивному размножению этой категории общества способствовала порочная гуманитарно-гарантированная политика, при которой создавалось видимое благополучие для «всех масс» и которой умело пользовались паразитирующие на этом люди.

Помните, как заявил, заглывая шашлык, один пятнадцатисуточник в известном комедийном фильме: «Кто не работает, — тот ест! Учись, студент!» И это был очень характерный пример нашей «гуманной» жизни. Возможность получать незаработанное — это главное зло, порожденное уравниловкой и прикрытое видимостью всеобщего благоденствия.

Принцип социализма «От каждого — по способностям, каждому — по труду» был предельно укорочен: «Каждому — по способностям», а все остальное было вымыто, чтобы не поднимать шума. Появилась возможность жить, не работая, и, естественно, не зарабатывая. Этот уникальный способ жизни мог возникнуть только в нашей стране. За это мы поплатились и жизнью самой великой страны, и многих людей.

И даже сегодня эта тема далеко не закрыта, так; как; у нас действуют пока многие законы прежних времен; и они связывают, к сожалению, руки и государству, и людям. И именно эта наша нижайшая правовая потенция остается препятствием на пути наведения порядка в государстве и искоренения такого опасного для общества явления, как тунеядство. За столько лет мы так и не научили и не заставили себя по-настоящему работать.

Умиляемся, бывая в западных странах, как там все красиво, чисто и ухожено. Как там люди, уходя из дома, не запирают двери, а ключи от зажигания из замков автомобилей не вынимают. Но никогда не задумываемся о том, каким

образом и какой ценой это благополучие достигнуто. Не задумываемся о том, что основу богатства ведущих ныне самых богатых стран составляет добро (в любом виде), награбленное (читай — отнятое) у других народов. А чтобы все было так аккуратно, примерно и красиво, там сотни и тысячи лет «учили» этому. К примеру, сажали какое-то растение, ну тот же лук. Хозяин говорил рабу или наемному рабочему — сажать надо под линейку или под шнур, чтобы были ровные рядки, на расстоянии 8—10 см луковицу от луковицы, на такую-то глубину и в такие-то сроки. Хозяин уходил, а надсмотрщик с палкой оставался и следил за всеми процессами. То есть, при помощи палки или плетки, оперативно «выравнивал» технологические погрешности. И так сотню-две и более лет «учили», пока к работникам-потомкам пришла убежденность, что именно так, исправно и аккуратно, лучше работать и жить. И тогда ненужным стал надсмотрщик. И если они раньше не мусорили, не воровали и исправно работали из-за боязни, что будут наказаны, то за много веков им привилась осознанная необходимость все делать хорошо, сразу. Так лучше. Это вошло и в кровь, и плоть, стало повседневной потребностью.

А главное, они из всех этих «учебных» веков вынесли, что никто ничего даром не дает, а брать чужое нельзя, категорически. Если ты можешь работать, то ты должен работать, а не надеяться на какие-то социальные послабления.

Возможно, это было и жестоко, но, как выяснилось, по-другому не получается. Мы — тому пример. Работать — не научились, а прав государственно-социальных столько понапридумывали, что сами себя и уничтожили, как государство. Баланс не сумели обеспечить между правами и обязанностями. На весах жизни - тарелка с грузом прав так перетянула на себя ситуацию, что тарелка с обязанностями - просто вылетела. Поэтому, повторяю, мы и породили эту препротивнейшую прослойку — тунеядство. А затем начали с этим злом бороться. Апогей этой «борьбы» пришелся на начало восьмидесятых годов, особенно во времена Андропова. Конечно, все делалось кампанейски, наскоками, но попытки что-то сделать были.

Я в те времена возглавлял экономическую службу в родном Слободзейском районе, был ответственным и за социальную сферу в АПК. Тогда стали модными рейды по «отлову» тунеядцев и выводу их на работу. Все это было напрасно, так как не устранялась основная сохраняющая это зло сила — возможность иметь незаработанное. А без устранения ее — любые наши действия, повторяю, были напрасны.

Технология «отлова» была до примитива проста. Обычно с началом уборки овощей, когда нужны люди, группа «захвата», в состав которой входили представители местной власти и правоохранительных органов, ходила по

дворам, чаще по заранее известным адресам, находила бездельников, вручала им ведра, сажала по машинам и отправляла к месту работы. Как правило, большинство сбегало с поля уже через два-три часа, причем, вместе с ведрами, которые потом отдавались за вино. Когда счет унесенных ведер пошел на тысячи, их (ведра) начали продырявливать, чтобы они теряли «товарный» вид. Однако эти бесполезные рейды (естественно, по приказу сверху) все повторялись и повторялись, и вреда от них, наверное, было больше, даже в плане ненужных материальных затрат — на транспорт, ведра, еду.

Наиболее хитроумные бездельники делали так: слободзейские, к примеру, ехали в Карагаш, в кафе-подвал, и спокойно там пили пиво целыми днями. Местные «облавы» и рейды их не касались, так как их считали приезжими. А карагашские в это время сидели по слободзейским кафе, их тоже никто не «отлавливал». Так и выходили из положения те, кто похитрее.

А по неработающим бытовым пьяницам облавы проходили более успешно. Помню, выезжаем в «рейд»: прокурор, начальник милиции, куча общественников-любителей, участковый, работник поссовета, машины три-четыре легковых и одна грузовая для «клиентов». Заходим по указанному адресу, время — часов десять утра. Лежит на кровати девица, лет 18—19, абсолютно раздетая, видно, после хорошей гулянки. Будим. Она просит нас выйти, чтобы одеться. Выходим, через пять минут заходим, а ее и след простыл, в окно выскочила.

Заходим к другим — уже двое лежат, нежатся, молодые. Тоже просят выйти. «Нет, — гудит прокурор, — одевайтесь при нас». Грузим их в машину и едем дальше. Где-то в обед заходим еще по одному адресу. Хозяина нет дома. Стоим во дворе, в это время, через огород, сосед заходит (я его знал, зовут Иваном, но кличку не скажу). Так он сразу понес на нас: «Какое вы имеете право без санкции заходить в чужой двор, когда хозяина нет дома?!» А сам еле стоит перед нами в огромных трусах и мокрый от пота

Прокурор говорит: «А вы дома? Тогда пойдем к вам. А если надо санкцию, так я ее сейчас организую». Ваня понял свою оплошность, но было уже поздно — прямо через огород вся «делегация» пошла к нему во двор. А там! В летней кухне стоял работающий аппарат, гнал самогон, и уже бутылка полная в десять литров рядом

В подвале нашли около тонны летних яблок, хотя в саду не было ни одного такого дерева. Как выяснилось, ему носили и возили яблоки отовсюду в обмен на самогонку.

Иван начал возмущаться, кого-то из милиционеров толкнул, в итоге получил 300 рублей за самогон с конфискацией «орудия» и готовой продукции, отдал в казну яблоки и получил 15 суток за оскорбление представителя власти. Уже позже я узнал от родственников, что когда он отбыл срок, то пришел к соседу (которого в описанном выше случае не было дома) с претензиями, мол, из-за тебя я понес большие потери. Когда же сосед неправильно (по мнению Ивана) отреагировал на его слова, то тут же был побит. За это Иван отсидел уже 30 суток.

Эту тему можно продолжать бесконечно, и все это могло бы быть смешным. Но это далеко не смешно. Ибо причина тунеядства у нас пока не ликвидирована. В корне. До тех пор, повторяю, пока сохраняется возможность получать незаработанное, в самом широком смысле этого слова, до тех пор у нас эта плесень не высохнет. Неважно чем, руками или головой, но человек должен работать, иначе он не может жить.

И главное лекарство от этой болезни в нас в самих. Нам не надо привозить кого-то наводить в нашем доме порядок, надо наводить его самим. И быстро.

Кто постарше, помнят расхожую быль, как летом сорок первого года, когда пришли румыны, а потом немцы, в одном колхозе они увидели на бахче сторожа с ружьем. Ружье отобрали и сказали: «Иди домой». «Так поворуют бахчу», — забеспокоился сторож. «Не поворуют», — сказали немцы. Тут же в лесополосе они спилили верхушку дерева, обрубили ветки, сделали перекладину, повесили петлю из каната и написали на фанерке: «Кто будет пойман — будет повешен». И, как говорят старики, — никто не взял ни одного арбуза или дыни. А почему? Потому что знали: если поймают, точно повесят. И все проблемы с воровством в один день снялись. Неотвратимость наказания — самое лучшее отрезвляющее средство. И в наше время тоже.

Дело не в издании «жестоких» законов, дело в их исполнении и неотвратимости наказания за любые противоправные действия. Искоренять зло, как следствие, надо с устранения его причин. Тогда и тунеядство наше станет достоянием истории и материалом для комедийных рассказов.

Глава двадцать седьмая. ЗМИЙ ЗЕЛЕНЬИЙ

Как поется в известной песне: «Вино — на радость нам дано». Скорее всего, так оно и есть. И очень неправильно, когда не само слово, а «вино» как понятие, ставится в один ряд с такими понятиями как пьянство и алкоголизм.

Виноградная продукция, этот божественный синтез энергии Земли, Воды и Солнца, абсолютно не виновата во всех негативных последствиях при ее употреблении. Конечно, вино — это лекарство и здоровье при разумном умеренном потреблении, и то же вино губительно при чрезмерном к нему пристрастии (Мы-слободзейские- это хорошо знаем, но не все, к сожалению, усвоили эту истину). Не виним же мы Солнце, когда загораем летом Хороший загар и красит, и заряжает бодростью, а чрезмерный может привести к самым тяжелым последствиям. Но ни Солнце, ни то же вино, ни в чем не виноваты. Повторяю, это мы сами виноваты в несоблюдении оптимальных жизненных режимов. От этого страдаем и ищем причины, чаще всего опять же не там, где надо.

Много раз в разных странах вводили так называемые «сухие законы». И что? Где те «сухореформаторы»? Одних, как говорится, «уж нет», другие не у дел, а вино есть и будет, пока живет на Земле человек.

И благословенна та женщина (наверное, было так!), которая забыла помыть сосуд после виноградного сока или оставила часть сока в сосуде, и он перебродил, а мужчина попробовал и понял, что так пить лучше. Как бы то ни было, но за многие тысячи лет люди разобрались, что к чему, научились приготавливать как вино, так и более концентрированные, более «крепкие» напитки, как производные от вина, так и выработанные из других компонентов, с применением отличительных от виноделия технологий.

Нет ни одного уголка на Земле, где бы ни употребляли алкоголизированные напитки. И не важно, что где-то в глухой тайге пьют какую-нибудь клюквенную настойку, а на каком-нибудь затерянном в океане острове — бамбуковую или кокосовую водку или что-то в этом роде. Все равно люди пьют, и будут пить, пока жить будут. Одни будут пить с горя, другие с радости, богатые — от богатства, бедные — от нищеты. Будут пить, так как знают, что с помощью вина или чего-то подобного можно хоть на время быстро изменить свое отношение к каким-либо событиям или поступкам, забыться или вообще отключиться на какое-то время от всего.

И чтобы добиться такой возможности, мы, люди, как правило, «за ценой не постоим».

Любой рост цен и налогов не сможет стать препятствием на пути к алкоголю. В этом плане он (алкоголь) сродни роскоши. Сколько бы ни повышали налоги на роскошь (недвижимость, машины, слуг-лакеев, рестораны, модные вещи), человек, раз вкушивший ее (роскошь), никогда от нее не откажется и будет

платить все, что ему скажут или установят, лишь бы не потерять свой имидж в глазах окружающих.

Сколько раз повышали цены на спиртное, а что, пить стали меньше? Наоборот, при внедрении антиалкогольных, ограничительных, как правило, бредовых, доходящих до государственного идиотизма идей, общество получало в ответ резкое повышение интереса к алкогольной теме и появление новых, гораздо более опасных явлений, таких как наркомания, токсикомания и т. п.

Антиалкогольные пропагандисты-идеологи, как правило, могли быть или абсолютными глупцами (если вели антиалкогольную кампанию искренне), или платными врагами, работающими в чьих-то интересах. Третьего не дано. На памяти у взрослого населения совсем недавняя, на нашей памяти, более чем бредовая антиалкогольная реформа (которая по общим параметрам материальных, моральных и физических потерь могла бы сравниться со средней отечественной войной или десятком Чернобылей).

Если бы тот бывший перестройщик-идеолог просто лепетал об этом на всех уровнях, выжимая слезы у жен алкоголиков и вызывая восхищение своих сподвижников, то это было бы ладно. Но наш плебейско-угоднический «менталитет» всегда предполагал «инициативу» снизу и скорейшее развитие любой, даже самой чудовищной идеи, лишь бы отрапортовать и выслужиться. На скольких тысячах гектаров были вырублены и молодые, и плодоносящие виноградники? Сколько выдернуто, уничтожено или за бесценок реализовано шпалерных столбиков? Сколько загублено виноградных питомников, свернуто научных разработок, ликвидировано цехов первичной и товарной переработки и распущено специализированных виноградарских коллективов? Только в кошмарном сне мог кому-то присниться в то время приказ о переброске 40 тысяч тонн натурального вина из Молдавии в Башкирию, чтобы там использовать его в виде добавки при производстве комбикормов! Причем была установлена «сверху» цена — 2 копейки за литр. Цистерна с вином в 60 тонн оценивалась всего в 1200 рублей, а сама перевозка ее до Башкирии стоила 1500 рублей за цистерну!

И это еще не все. Практически ни одна цистерна не «довозила» вино до места назначения, так как на всем пути следования по томящейся от «сухого закона» стране, при остановках, над каждым «винным» составом, куда бы он ни следовал, — совершались специфические действия под кодовым названием «подоить корову». Хорошо проинформированные о содержимом цистерн местные жители, в кооперации с железнодорожниками, «выдаивали» вино из цистерн, разливая в любую посуду, а затем перепродавали этот супердефицитный продукт в другие районы. Образовались целые «пьяные» линии, где и появлялись первые криминальные групповые коммерческие структуры.

Но там хоть пили вино. А что начали пить, глотать, сосать, жевать, нюхать, прикладывать, вдыхать в других регионах, особенно молодежь? Запретив одно и не дав взамен ничего другого, мы получили такую страшную отдачу от той преступной реформы, что вряд ли теперь сможем вообще ликвидировать ее последствия.

И никакие наказания, пусть это будут далее сотни и тысячи лет тюрьмы для идеологов, причем довольно пьющих, не смогут стать эквивалентными их вине. Особенно пострадали те регионы, где нет своего «подножного» корма, где не из чего сделать спиртное. Это в основном весь денежный в то время, да еще и сегодня, север России. Сколько сейчас там наркоманов, больных СПИДом и т. п.? А это все тянется оттуда, их тех «реформ». Мы еще помним те блефовые «безалкогольные» свадьбы, которые снимались телевидением, широко рекламировались, хотя никто не признавался, что в закатанных бутылках с этикеткой «Березовый сок» были или водка, или самогон и т. д. Местные власти, «набирая очки», старались выслужиться и рапортовали об «успехах» в таком благородном «антиалкогольном» деле, а высшие «идеологи» суммировали всю такую ложь и козыряли этим.

Я был в то время свидетелем в принципе уникального действия, по всей вероятности достойного книги рекордов Гиннеса, если там есть раздел идиотизма. В 1986 году, будучи летом на курсах повышения квалификации в Харькове, довелось мне жить в одном номере с коллегой из Белгородской области. Перед одним из выходных сосед говорит: «Давай съездим к нам в район. В субботу мой брат дочь замуж выдает, будет шикарная свадьба, отдохнем, посмотришь, как у нас свадьбы играют».

Я заколебался — как раз начался чемпионат мира по футболу, и хотелось в выходные посмотреть несколько матчей. Но желание увидеть что-то новое пересилило, и мы в субботу после занятий, выехали электричкой на Белгород. Езды около двух часов, так что мы прибыли как раз к началу свадьбы. И я не пожалел о том, что поехал, так как увидел такое, что вряд ли больше увижу. На весь сельский переулок, метров на 50—60, растянулся высокий брезентовый навес, посередине которого стояли в один ряд столы с закусками. А против каждого места с обеих сторон стояли... двухсотграммовые флаконы тройного одеколлона. «Видишь, — восхищенно шептал мой коллега по комнате, — какое богатство!» Эти два длиннейших ряда флаконов врезались мне в память навсегда. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы представить всю последующую картину «овеселения», и уже кусок не лез в рот. Но увидеть все это стоило.

Вообще, если в организме человека главное движущая сила — кровеносная система, то в нашем российском, если хотите — советском, да и в постсоветском обществе, главным энергетическим или связующим звеном, к сожалению, является спиртное. Оно пронизывает всю нашу жизнь — от

политики и бизнеса до любых видов услуг. Спиртное стало и разменной монетой, и видом платежа, и даже средством накопления. А мы еще с большой головы (у нас!) пытались вводить сухие или полусухие законы.

Да у нас если не будут пить, то и вспомнить-то будет нечего.

Вы думаете, почему у нас всегда в принципе были дешевая водка, хлеб и коммунальные услуги? Политика была такая. Те, кто все эти последние 80 лет был у власти, этот бетонный слой, который пережил и Ленина, и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, и Горбачева, очень хорошо знал российскую политэкономия и наш менталитет. Знал сущность простого россиянина, которому надо дать гарантированные 100 или 200 рублей зарплаты, затем 50 лет не менять тарифы за коммунальные услуги, цену на хлеб и водку. Сделать так, чтобы хватало с «подсосом» денег от зарплаты до зарплаты, чтобы человек вошел в систему: «напился-забылся, напился-забылся и т. д.». Тогда никто не будет думать и возмущаться, почему он так плохо живет. Из системы уже не вырвется и не пойдет искать правду. А кто рискнет искать, — для него найдутся нары в другом месте...

Но оставим политику и вернемся к вину и спиртному вообще.

В наших краях издавна вино — это и повседневность, и обрядность, и лечение, и многое другое. Ни один уважающий себя человек не запретит себе принятие стакана хорошего вина на десерт. Особенно в жару, из холодного подвала.

Все мои предки, до глубокой старости, перед едой два-три раза в день пили по стакану вина и жили по 90—100 и более лет.

Если во дворе не было своего вина, то считалось, что в том доме не было хозяина. Люди научились делать домашнее вино и использовали его только при необходимости. При этом вина обязательно отличались индивидуальностью, что было предметом гордости их производителей.

Все было хорошо до тех пор, пока вино не стало товаром в широком смысле слова. Потребности и неограниченность внешнего (союзного) рынка, где шла любая продукция, лишь бы «сшибала» с ног, заставили Молдавию ускоренными темпами увеличивать производство вина на промышленной основе. Была организована система заготовок вина у населения. Тут и началось...

Натурального виноградного сока в требуемых объемах не хватало, да натуральные вина в России не особо и ценились, значит пошло упрощение — немного сока для окраски и какого-то вкуса, вода и спирт. В шестидесятые-семидесятые годы «эпидемия» винозаготовок достигла апогея. Лихорадочно возводились многокубовые домашние бассейны для выработки так называемого «вина». Технология до смешного проста — несколько мешков виноградного жома, несколько мешков сахара, остальное — водопроводная вода. Переиграло — и готово. Сдал по 60—70 копеек за литр, и делай снова. И так — цикл за циклом.

Особенно этим увлекались авторитетные люди, которые могли сами или через кого-то заставить приемщиков-заготовителей принимать это, извините, пойло. Конечно, сдавали люди и хорошее вино, но то был мизер, причем абсолютно невыгодный, так как себестоимость бурды на жоме была в несколько раз ниже, да и делать ее можно было сколько угодно раз в году. На винзаводах, куда свозилось все это «сырье», в него добавляли спирт. В результате подкрашенное и довольно дешевое вино, под разными названиями, в зависимости от места разлива, «разливалось» по всему Союзу. Бедные те люди, которые его пили. Короче говоря, довели винопроизводство до полного абсурда. Слава Богу, до кого-то еще в 1977 году дошло, и приемка вина от населения была прекращена. Вообще, этот баланс между индивидуализмом и массовостью даже в таком, казалось бы, второстепенном деле, как производство вина, вреден и неуместен. Если у крепких напитков, особенно в настоящее время, тех же водок, технология в принципе шаблонная, только названия разные, то вина, как и сорта винограда для их приготовления, во многом различны и требуют именно индивидуального, особого подхода. Здесь лучше меньше, - да лучше. Ценится и натуральность, и сроки выдержки, и многое другое, но именно индивидуальное. И в этот процесс не надо вмешивать ни политику, ни экономику, ни еще что-то в виде запретов, монополий и т. п.

По-моему мнению, государству в нашем крае никогда не надо вмешиваться в индивидуальное производство того же домашнего вина, да и напитков покрепче «для себя». Запрет должен быть только на продажу, здесь должна быть полная монополия государства и лицензирование права для частной торговли. А в то, что производится для себя, не надо вмешиваться. Если мы беспокоимся за здоровье человека, так человек для себя плохой напиток не сделает. Если думаем, что потеряем в выручке, так тот, кто делал для себя вино, так и будет делать, он не ходил в магазин и не будет ходить за вином.

Да пусть делает какие-то наливки, настойки из фруктов, даже перегоняет их на спирт, чтобы не пропадали. Все это не опасно и не антиобщественно. Опасно, когда аэрозоли нюхают и т. п.

Какими мы выглядим смешными для самих же себя (другие ведь этого не знают) в этих вопросах.

К примеру, собираем дома абрикосы, переспелые они осыпаются и пропадают. Дней десять постоят в кадучке, косточки оседают на дно, масса перебродит и без всего (дрожжей, сахара и т. п.) готова к производству уникального абрикосового спирта — в простонародье «абрикосина». Тот, кому довелось попробовать этот обжигающий натуральный продукт с приятным тонким запахом абрикоса, никогда не променяет его на десятизвездочный коньяк, если таковой в природе имеет место быть.

Помню, в старые времена «нюхающих» милиционеров, в величайшей тайне, у кого-то из «имущих» мы с отцом занимаем на день «аппарат», устанавливаем

его среди деревьев на середине огорода и запускаем в работу. Картина для кисти хорошего художника: лето, жара, естественно зелень, а в кустах идет перегонка абрикосовой жижи на спирт. Куб металлический (емкость), змеевик в бочке с холодной водой — вот и все «оборудование». И все в тайне...

Тоненькой ниточкой стекает в баночку спиртное. А вокруг сидят человек пять-шесть кумовьев или родственников-мужиков и поочередно «снимают пробу». Снимают так, что жидкость не успевает капать, и трудно дожидаться очереди. Вообще, в связи с такими событиями можно привести массу курьезных случаев. Расскажу всего один.

В селе Копанка, это когда оно еще было Копанкой с большой буквы, с сорок шестого года работал председателем колхоза Герой Социалистического Труда, известный многим человек, Георгий Тро-фимович Болфа, В начале пятидесятых годов первым секретарем ЦК компартии Молдавии был Л.И. Брежнев. Так вот, приезжает секретарь в Копанку, как обычно, знакомится с колхозом, селом, полями. Болфа был человек не только хозяйственный, но и обладал достаточным запасом юмора Где-то к обеду, объезжая плавни, они подъехали к огромному дереву, растущему посреди поля. Сели отдохнуть в тени. Тут же появились помидоры, огурцы, брынза, то есть обычная молдавская закуска. Хитрец Болфа повесил заранее на дереве бочоночек абрикосовой водки, шланг от него вниз опустил, сзади ствола, чтобы не было заметно, кран на шланге от кислородной подушки, все как надо. Ну и так незаметно наливает в кружку граммов 150 «абрикосина» и подает Брежневу. Тот понюхал, выпил, крякнул и говорит: «Слушай, замечательная вещь, никогда такого не пил. А где ты его берешь»? Выпил еще столько же и уехал. Недели через две снова приехал и сразу к тому дереву направился...

Лет через двадцать, уже будучи Генеральным секретарем, Брежнев проездом, сделал остановку в Кишиневе. Естественно, торжественная встреча на высшем уровне на перроне. А он вышел из вагона, увидел Болфу среди встречающих, направился прямо к нему и, улыбаясь, спросил: «Ну, как там, есть еще у тебя тот благородный напиток?»

Рассказывая мне об этом случае уже в восьмидесятом, через шесть лет после приезда в Кишинев Генсека, Болфа смаковал его с разных сторон, а потом сказал: «Ты знаешь, у меня еще есть из тех запасов одна бочка, лет двадцать пять уже стоит, правда не абрикосовая, а сливовая, но все равно поедем — попробуем, что такое сливовая водка в дубовой бочке после 25 лет выдержки». Раньше во всех колхозах были пункты по выработке спирта-сырца из фруктов. Все, что не было товарным, — шло на спирт. Производство было сезонным, работало там немного людей, но оно таки работало, и что-то потихоньку «капало» в колхозную кассу, а нетоварная продукция не пропадала и не растаскивалась.

Конечно, работа в этом «цехе» была сродни каторге. Так как непьющих трудоспособных в колхозе практически не было, то работать на спиртопроизводстве посылали по графику — больше, чем по две недели, мужики там не выдерживали, спивались и потом долго отходили от такого почетного поручения-наказания.

Раньше в колхозах всегда были вино и спирт своего производства Их и реализовали, и сдавали государству, да и выдавали в счет оплаты труда. Процесс этот тоже был своеобразным: в кладовой — по выписке, а «своим» — по записи. Как; выдавали? Заходит, к примеру, бригадир в кладовую или кто-то еще из руководства, пьет литр вина, а кладовщик ему галочку ставит в разделе «вино». И так постепенно количество накапливалось. В конце года, когда на трудодни что-то начисляли, делались перерасчет и удержания.

Помню, на одном из отчетных собраний в пятидесятых годах председатель колхоза объявляет, кто и сколько выпил в кладовой за год. Называет бригадира Соколова Андрея, он как раз наш сосед по огороду, и говорит: «Соколов выбрал в кладовой за год, -29 ведер вина». А сидящая с ним рядом жена, как зашумит: «Ты что ж, гад, не мог дома пить, у тебя в подвале вина нет?» «Так ты же не даешь, вот и пришлось брать в счет зарплаты».

А сколько курьезов случалось с нашими гостями-приезжими, особенно с отдыхающими? Москвичи, ленинградцы, мурманчане и другие, многими тысячами заполняли летом Приднестровье. Тепло, вода, дешевые овощи и фрукты, дешевое жилье и... вино. По 20 копеек стакан, пей - не хочу.

Так вот, они подойдут к бочке и с ухмылкой, глядя, как на квас, по несколько стаканов пьют залпом, а потом тут же и лежат несчастные, не понимая, что с ними происходит. Не разбирались они, особенно с первого раза, в особенностях и коварстве нашего вина. Хотя не все.

Как-то я приехал в отпуск, кажется, в 69-ом. Шла уборка хлебов. Отец получил новый комбайн прямо в ее разгар, и я помогал ему в наладке и комплектации. В бригаде №1 колхоза «ХХ Партсъезд», что в Слободзее, раньше действовал большой студенческий лагерь, там были студенты из разных стран, в том числе и советские.

В тот год работал большой отряд из ленинградского педагогического института им. Герцена. Группа была «интеллигентная», с работой у них не очень ладилось, зато во всем остальном они здорово преуспели. Так вот, иду я от комбайна в кузницу, что-то там согнуть надо было. Слышу, кто-то кричит: «Ты мне, старик, не заливай, уж в чем-чем, а в вине я разбираюсь!» Захожу — молодая девушка выскакивает мне навстречу в мини-купальнике и с явно злым видом. Спрашиваю у кузнеца, ныне покойного дяди Лени Вихрова, в чем дело. «Да, — говорит, — возил я им вино, их же в село не пускают, в основном, «штапельное». Вчера деньги взял, набрал банку, а бочка за-кончилась. Ну, не буду же я деньги возвращать. Набрал банку чистого вина, для себя ведро

хранил, и привез студентам. Они «штапельную» бурду пили — крепкая, бьет по всему телу, тем более по мозгам. А чистое вино им не понравилось — слабое, мол. Вот и послали ко мне командира на разборку. Она, видите ли, в вине разбирается. Здорово разбирается, если за такое вино скандал подняла». Ну, это, так сказать, пример, когда пьют за деньги, а на «халяву» могут пить, что угодно.

Помню, случай был у нас в доме. Выходной день. Я лежу на печке, читаю книгу. Внизу на кухне мама стирает отцову спецовку. За столом сидят двое: спиной ко мне — отец, напротив него — дядя Федя. Завтракают, запивая вином, которое отец разливает из чайника. Заходит сосед, Максим Димитренко, прижимистый такой был старик, и очень, прямо очень любил надурняк выпить. Зашел и сел рядом с дядей Федей. Мама вышла развесить постираное. Корыто с черной мазутной мыльной водой стояло на скамейке у печки.

Отец с левой руки наливает кружку вина и подает деду Максиму. Тот быстро пьет, кряхтит и спрашивает: «У кого брали вино? Добрэ!»

В очередной раз отец наливает себе, дяде Феде и... черпает незаметно кружку мыльной воды из корыта. Подает ее деду. Тот опять быстро пьет и опять хвалит вино. Мне сверху все было видно. Я удержался от смеха дважды, но когда отец в третий раз подал деду мыльную воду, уже не выдержал и взорвался смехом, одновременно грохнув обеими ногами в трубу так, что два кирпича упали вовнутрь. Отец, конечно, позже со мной разобрался — и за неожиданный смех, и за грубу, но больше из корыта не черпал. Скорее всего, потому, что вино в чайнике закончилось, и завтрак тоже.

Из-за вина случались всякие курьезы, особенно в семьях, где жена считала себя главной. Как-то в Слободзее, брат жены решил тихонько проверить, готово или нет молодое вино. Надо было без шума войти в подвал, но выключатель находился наверху, в летней кухне. А жена как раз там стирала. Решил пойти в темную, знал же, где бочка стоит.

В темноте не нашел винный шланг и решил сточить в литровую банку через отверстие внизу бочки. Но когда ослабил чоп, он под давлением полутонны вина вылетел, струя вина ударила в стену подвала. Пришлось брату вставить вместо чопы палец... Около получаса он полулежал, полусидел, закрывая пальцем отверстие. Палец онемел от холода. Свободной рукой он лихорадочно шарил вокруг себя и не находил тот чертов чоп. Когда стало невмоготу, пришлось «раскрываться» и звать на помощь жену. И каково же было его разочарование, когда жена включила свет и зашла: оказалось, что чоп находится в банке, которую он подставлял. То есть был прямо перед носом, а он этого не знал и принимал такие муки.

Вообще, тема вина и всего, что с ним связано у нас, — бесконечна. Вывод общий может быть только один — не вино к нам плохо относится, а мы к нему. Причем, так: плохо, что потом и самим плохо становится.

Я не винодел и не рассказываю о вине, я говорю о людях во взаимодействии с вином. Пить можно, надо только знать, когда, с кем и сколько. «Надо не от случая к случаю напиваться вином, надо уметь пить его каждый день и при этом не стать пьяницей». Такой вот афоризм. Лучше не скажешь.

Глава тридцатая. ГОРОД РОДНОЙ

Есть города большие и прекрасные
С манящими огнями в сизой мгле,
А мы вот третий век живем в Тирасполе.
Для нас он лучший город на земле.
(Из стихотворения В.Гурковского.)

Говорить о нашем районе и не вспомнить о расположенном внутри района, «под самым сердцем», городе Тирасполе - было бы просто некорректно и скорее – даже грешно. Из Тирасполя – не выйти и не выехать, кроме, как через Слободзейский район. Должен сказать, что это одновременно и приятно и проблемно. Но приятного все равно-больше. Сотнями невидимых и видимых нитей, связаны город и район, их даже нет необходимости перечислять, целой книги не хватит. Я понимаю так, простите и те и другие, раз город находится внутри района – то он тоже Слободзейский. Думайте, что хотите. А основной поставщик, в первую очередь продовольствия, рабочей силы и другого необходимого текущего для города-всегда был, есть и будет наш район. Мы не соседи и не братья –мы части одного организма, конгломерата, назовите его как хотите. Заглядывая в будущее- верю, что всему этому «конгломерату» -от Слободзеи -до Бендер, уготован совместный организационно-территориальный статус. В свете этого- предлагаю просто добрую зарисовку из нашей совместной сельско-городской жизни:

Тирасполю уже за двести. Для города, в принципе, подростковый возраст. И все-таки все это время он был и остается именно городом, так как изначально строился как город. Дело в том, что когда города вырастают из сел-деревень, то часто, по большому счету, они и остаются деревнями, хотя и большими. Тирасполь давно вошел в историю как город боевой и трудовой славы. О нем много написано хвалебных слов, что вполне понятно и объяснимо. Город этот достоин добрых слов со всех точек зрения. Хочу рассказать землякам не о том, что написали историки, это может прочитать каждый, а том, какие мнения высказывали о нашем городе посторонние люди, которые хоть раз побывали в Тирасполе в разные времена. Мне это сделать проще, так как, несмотря на то, что довольно продолжительное время живу в Тирасполе, по рождению своему я слободзейский, а для слободзейца, да всей Слободзейщины, во чреве которой родился и развивается этот прекрасный город, он всегда был и будет родным.

Для большинства из нас, жителей сел, окружающих Тирасполь, это был первый в жизни увиденный город. Лично я его осмысленно увидел в сорок девятом году. До этого бывал с отцом или матерью, но это мало запоминалось.

А по-настоящему увидел его в составе группы ребят с нашей улицы. В те времена автобусы в город не ходили. Легковых машин практически не было, кроме нескольких трофейных у высшего районного начальства. В выходные дни, если и ехала какая машина или подвода на базар, так нам, пацанам, на ней места не доставалось, так как в кузовах, верхом на корзинах и мешках букетами сидели и стояли люди. Мы ходили пешком, примерно, раз в месяц, из Слободзеи в Тирасполь за школьными принадлежностями. Собирались по несколько человек со своей улицы, пораньше выходили, так как от русской части Слободзеи до центра города было километров восемнадцать, и к вечеру возвращались домой.

В тот первый мой поход, когда прошли пустырь между лечгородком и пединститутом и подошли к величественному зданию театра, одиноко стоявшему на краю, мой сосед Гриша, он был старше и не раз уже ходил в город, похлопал меня по плечу и сказал: «Дывись, Вася, цэ - город!» Он так как-то возвышенно сказал «город», что я сразу почувствовал, да, передо мной именно город. И пусть здание театра было взорвано, и посреди зала возвышалась огромная куча мусора, пусть за театром до нынешней улицы Чапаева было поле, чувство присутствия города во мне осталось на всю жизнь. За все последующие более чем семьдесят лет, после первого знакомства с Тирасполем, наши пути с этим городом пересекались часто, и я расскажу об отдельных моментах, без всякой хронологии, и напомним, что говорили в разные времена о нашем городе вроде бы посторонние люди.

Как гласит восточная мудрость: «Возвышая степь — не принизить горы». В противовес этому можно сказать, что как бы там ни было, Приднестровье, да и вся прежняя Молдавия, в принципе — аграрные республики. И знаменит наш край всегда был не металлом, тканью или обувью, такую продукцию можно выпускать где угодно, а именно сельскохозяйственной продукцией, то есть тем, что есть у нас, а у других нет. Поэтому основное внимание у нас было приковано к аграрному сектору. Это сегодня АПК разрушен до основания, и на фоне этого развала вроде бы приоритет перешел к промышленникам. А раньше всем гостям старались показать наши сады, виноградники, овощные плантации, да и просто села, так как наши города не особенно смотрелись на фоне других, более цивилизованных мест.

Подавляющее большинство делегаций пропускали через наш, Слободзейский район. Бывало, по нескольку в неделю, в очередь стояли на смотровую вышку в Первомайском межколхозсаде. Все они, естественно, проезжали через Тирасполь и по-разному оценивали город.

Как-то летом восемьдесят второго года к нам приехал из Москвы начальник «Политиздата» при ЦК КПСС. Сопровождал его помощник первого секретаря ЦК КПМ С.К. Гроссу. Раньше наши партийные руководители часто печатались в «Политиздате», ну и, скорее в познавательном плане, повезли этого уважаемого человека, члена ЦК КПСС по Молдавии. Естественно, миновать Слободзею не могли.

Принимать гостей поручили мне. После демонстрации отдельных мест в районе, хорошего приема и обеда в межколхозсаде, неизбежных при таком уровне, официальные грани значительно сгладились. Мы говорили на разные темы и когда проезжали через Тирасполь в обратном порядке, то есть в сторону Кишинева, этот умный и опытный политработник вдруг произнес: «Знаете, Василий, я вот никогда не был в этом городе, просто проехал через него туда и обратно, но вижу и чувствую, что это город красивых и веселых людей. Мне даже не надо было с ними общаться. У них все написано на лицах и светится в глазах!»

Я запомнил эти слова еще и потому, что тогда же немного снахальничал и сказал: «Видите, на лобовых стеклах многих машин и особенно автобусов, наклеены портреты Сталина. Не Брежнева, который у нас сегодня правит, а Сталина, Раз человек клеит такие портреты, значит, он хочет выразить, возможно, какое-то недовольство, что ли. Люди что-то хотят выразить, и сколько бы ни пытались запретить такие действия, — не получается. Надо какое-то ответное идеологическое действие. Какая-то легализация, что ли. Три года назад, в честь столетия Сталина, можно было бы без лишнего шума выпустить, может быть, пару его книг, какие-то открытки, памятные медали и т. п. И снять все недоговоренное. У нас же ведь так: если запрещают, буду делать, а если разрешают, — зачем мне это надо?» Начальник «Поли-тиздата» замолчал и, только выехав из Тирасполя, после второй или третьей рюмки в ресторане «Фоишор» при заключительной встрече, негромко сказал: «Да, ты прав, хотели мы кое-что сделать к 100-летию Сталина, да Михаил Андреевич (Суслов) не разрешил. Думали, загонят проблему вовнутрь, да не получается, как видишь». Кстати, построив дорожный ресторан «Фоишор» между Тирасполем и Парканами, городские и слободзейские районные власти, еще в те времена, думали о новом миллионном объединенном городе, о чем-то вроде Нью-Тирасполя. Ресторан поставили там, где по замыслу планировался центр объединенных городов.

Справедливости ради надо сказать, что это была не утопия. И если бы в последние 30—35 лет, Бендеры строились не в сторону Кишинева, а в сторону Тирасполя, а сам Тирасполь — не в сторону Одессы, а в сторону Бендер, то два города уже бы соединила большая красивая улица с троллейбусным движением. Так что, и в этом плане у нас еще все впереди. Подтверждением прежних прогнозов можно считать и следующий факт. Где-то еще в девяносто шестом

году, будучи депутатом Верховного Совета, я направил письма нашему Президенту и председателю Верховного Совета с предложением отдать в аренду или даже продать кому-то территорию, ограниченную Тирасполем, Терновкой, Парканами и железной дорогой. На этих землях никогда ничего путем не росло, а если что-то и выросло, то разворовывалось. Возможно, найдется инвестор, писал я, который поймет, насколько удобно это место, где рядом железная дорога, аэродром, автотрасса и река Днестр. Где можно построить стадионы, корты, ипподром и т. п. Задействовать неиспользуемые трудовые ресурсы сел и городов, да и саму землю.

Я думал, что над моими проектами посмеялись, но через несколько лет именно на этом месте начались строительные работы и теперь вырос прекрасный спортивный комплекс, который уже принес определенную известность Тирасполю, как спортивному городу, и наверняка еще больше принесет пользы в будущем. Так что мечтать и исполнять хорошие мечты тоже возможно.

Но вернемся к людям и их мнениям о Тирасполе. Вот слова одного человека, просто моего попутчика по вагонному купе, в поезде Одесса—Москва. Узнав, что я из Тирасполя, попутчик очень обрадовался и всю дорогу повторял примерно следующее: «Я почти всю жизнь прожил в Тирасполе, теперь вот дети к себе в Одессу забрали. Это действительно наш город! Первая черешня — моя, первая помидорка — тоже. И зачем, те глупые, в Тель-Авив едут! Что там искать? Они еще вспомнят, где находится Тирасполь — и не раз!»

Уверяю, за все годы моих общений с людьми, как в самом Тирасполе, так и вне его, я всегда слышал только хорошее и о городе, и о его жителях. Всегда, кроме одного раза.

Было это еще в далекие теперь послевоенные годы. К нам в дом из села Чобручи зашел молодой парень, он с моим дядей Мишей вместе учился в Тирасполе на курсах шоферов. Жили мы тогда бедно, наверное, потому дядя и получил водительские права с первого захода. А с чобручским парнем госавтоинспекция не расставалась почти полгода, и очень своеобразно. Когда он первый раз сдавал экзамены по материальной части, председатель комиссии, уже по внешнему виду парня поняв, что тот из зажиточной семьи, естественно, поставил ему двойку. Через десять дней ситуация повторилась, еще через десять — тоже. Вызубривший наизусть всю материальную часть автомобиля курсант, не мог понять, почему никак не удается сдать экзамены, пока добрые люди не подсказали. Ему наметнули на то, что если дома есть вино, а может, и мясо, то неплохо было бы поделиться с членами комиссии. Парень наметк понял, как раз отец корову зарезал, да и бочка вина в запасе еще оставалась. Когда принес первую передачу и пошел на пересдачу экзамена по матчасти, в комиссии сказали, что уже лучше, но пока слабо, и опять поставили двойку. После шестого или седьмого приношения, когда уже и мясо дома закончилось, и бочка вина почти опустела, этот курсант, отвечая на

дополнительный вопрос председателя комиссии о функции конденсатора, прекрасно зная, что он служит для поглощения блуждающих токов, ответил: «Мэй, я же все знаю, конденсатор служит для поглощения бочки вина и коровы!» Председатель комиссии был понимающим, поэтому сразу заявил: «Выдайте ему права, даже без сдачи правил уличного движения». И на этом инцидент был исчерпан.

Рассказывая об этом у нас в доме, чобручанин возмущался и говорил: «Ох, эти тираспольские, они мясо любят даже больше, чем вино!»

Вот это и все, что я смог вспомнить негативного в адрес нашего города и его людей за всю мою жизнь.

Да простится нам то, что мы любим мясо, да еще что-то к мясу. Да пусть оно и многое другое всегда будет на столах тираспольчан! Да пусть всегда будет мирным, молодым и радостным этот город!

И в следующие двести лет, и на многие лета! Тирасполь заслужил это всей своей историей, и его люди имеют полное право на счастливую жизнь!

Глава тридцать вторая. КАЗАКИ НА ПАМЯТЬ

Девяностые годы двадцатого века. Идет парад суверенитетов на всей территории Советского Союза. Независимой (от самой себя что ли?) объявляет себя и Россия. Идет подготовка к объединению Германии. Идет разговор о выводе советских войск из стран Восточного блока. Наши тогдашние лидеры-перестройщики делают все, чтобы выгнать своих солдат и офицеров из обустроенных казарм и квартир куда-нибудь в тайгу или степь, в палатки и землянки, в бездорожье и практически в полную неизвестность.

Такой жестокой ценой оплачивали тогдашние лидеры свои почетные звания и имидж у зарубежных "друзей".

Не надо быть политиком, чтобы предположить, что если бы западным немцам было обещано объединение Германии и вывод войск с ее территории, они бы в обмен на это буквально на руках вынесли со своей территории каждого советского солдата, предварительно обустроив им место пребывания уже на территории той же России. Но для этого нашим лидерам тех лет надо было иметь разум, а не лезть из кожи вон, чтобы исполнить чьи-то пожелания.

Пока в стране в высших эшелонах власти шли такие "игры", мы, обычные и законопослушные люди, просто работали и не думали ни о предстоящем развале страны, ни о каких-либо почетных зарубежных званиях. Мы заботились о дальнейшем развитии своей организации и искали пути достижения этого и в Союзе и за рубежом

Работал я тогда в Научно-Производственном Объединении "Днестр", что в городе Тирасполе. В состав объединения входили — самый старый и известный на юго-западе Союза научно-исследовательский институт овощеводства и орошаемого земледелия и ряд совхозов в разных зонах Молдавии. В период, который сегодня называют "застоем", наше объединение находилось на довольно высоком уровне экономического и социального развития, нам нужна была качественная реструктуризация — и только. Производя до 2500 тонн семян овощных культур в год, мы нуждались в их шлифовке, калибровке, инкрустации, упаковке и современном маркетинге. Нашли коллег-партнеров в Германии, в городе Гамбурге. Он известен не только как крупный порт, но и многими другими отличиями, в том числе достижениями в семеноводстве. С двумя ведущими в этом направлении фирмами мы и вели работу.

После неоднократных взаимных посещений руководителей и специалистов мы почти оговорили все нюансы договора о совместной деятельности по комплексной программе — от выращивания семян до их реализации.

Определились с возможными рынками сбыта, объемами и всеми сопутствующими экономическими вопросами. Можно с уверенностью сказать — если бы Союз не развалили, все бы у нас получилось. Но вот это "но" и поставило крест не только на нашем объединении и НИИ, но и на всей отрасли

селекции и семеноводства овощных культур — как в Приднестровье, так Молдавии и многих других регионах, где выращивали овощи селекции нашего института. Но при всей важности семеноводства и овощеводства, тема этой были из нашей жизни — совсем другая.

Во время одной из очередных рабочих поездок, в конце девяносто первого года, нашего генерального директора и меня пригласил к себе домой на ужин хозяин фирмы. Уютный двухэтажный коттедж на окраине Гамбурга. В гостиную за столом пятеро — сам хозяин, его восьмидесятилетний отец, нас трое и девушка-переводчик. Разговор шел в основном о будущей совместной работе, но иногда выходил на отдельные частные вопросы. Хозяина особенно удивили мои рассказы о наличии в нашей стране больших полей — от 100 до 1000 и более гектаров. "Фантастика, фантастика", — только и повторял хозяин и откровенно сожалел, что у них в стране такое уже вряд ли будет возможно.

Девушка-переводчик, не имеющая экономического образования и опыта специального перевода, часто допускала неточности, и мне приходилось вмешиваться. Когда это повторилось несколько раз, хозяин спросил, откуда я знаю немецкий язык. Ответил, что учил его в школе, институте, сдавал кандидатский минимум, изучал язык и в прифлотской школе. Когда я произнес слово "субмарина", внешне вроде даже дремавший отец хозяина, не принимавший участия в разговоре, приоткрыл глаза, посмотрел на меня и снова прикрыл их.

И тут в разговор вступил наш генеральный директор. К сожалению, его уже давно нет в живых, но у всех, кто с ним работал и общался лично, о нем остались впечатления, как о грамотном, заботливом и ответственном руководителе. Звали его Валентин Петрович Чичкин. Ко всему прочему, он был прямым и часто бескомпромиссным. Так вот, когда речь зашла обо мне, он, по прямоте своей, добавил: "А Гурковский у нас еще и потомственный казак!". На всех сидящих эта фраза не произвела какого-либо впечатления, кроме отца хозяина. Он как-то обмяк, затем начал плавно валиться со стула. Пока мы опомнились, старик уже лежал на полу. Хозяин подскочил к отцу, позвал каких-то женщин, и все вместе они вынесли его из комнаты. Через время приехал доктор, и все успокоились.

Мы продолжили ужин-беседу, и хозяин рассказал следующее. В декабре 1941 года, его отец, тогда молодой офицер вермахта, командовал танковой ротой, под Москвой. После войны он рассказывал сыну, как в одну из морозных темных ночей на село, где квартировала его рота, налетела какая-то банда монстров верхом на лошадях. У некоторых сзади были огромные черные крылья (так отцу показалось). Они кричали и улюлюкали, метались по селу и за какие-то полчаса вырубали всю его роту. Ему самому удалось спастись лишь благодаря тому, что, выскочив во двор в одном нижнем белье, он провалился в снежный сугроб и пролежал там, пока "монстры" не покинули село. После этого у него многие

годы были проблемы с ногами, а слово-понятие "казак" навсегда вошло в его сознание как что-то невообразимо ужасное.

Нечаянное замечание нашего директора, видимо, напомнило старику его жуткую молодость, и воспоминание это чуть не стало роковым. Я, по правде говоря, чувствовал себя в тот вечер не совсем комфортно и был вынужден прокомментировать "казачий вопрос", чтобы как-то снять возникшее напряжение.

Я рассказал, что власти в нашей стране во все времена, когда было трудно, обращались к казакам, как своеобразному государственному человеческому стержню. А казаки в ответ на внимание власти всегда отвечали заботой об Отечестве, проявляя невиданный героизм и отвагу. Примером тому — казачьи рейды "с саблями на танки" в тяжелейшие для нашей страны декабрьские дни 1941 года.

Значит, помнят не только казаки — и о казаках тоже помнят... И еще долго будут помнить...

Глава тридцать четвертая. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

Раньше мы вспомнили героев- председателей колхозов послевоенных лет. Они очень много сделали для района, своего колхоза и базового села. За это им вечная слава и вечная память. Я же хочу напомнить слободзейцам о человеке, Председателе новой прогрессивной формации, когда коллективное хозяйство (колхоз) становится настоящим производственным предприятием, с использованием самых передовых (по тем временам) технологий и самых прогрессивных форм организации, оплаты труда и материального стимулирования. Этот человек, по неизвестным для меня причинам, так и не стал Героем Соцтруда, хотя и имел на то право, как руководитель, но его методы управления и организации, его экономические и хозяйственные разработки= достойны изучения и повсеместного внедрения и сегодня. Это –об Нафталиеве Натане Якуб-Оглы. Мы работали в районе не один год и мне есть что о нем рассказать слободзейцам, всех возрастов и сельским и – ныне городским.

Сегодня нам ежедневно сообщают, в какого цвета плавках та или иная "звезда" ложилась в постель с другой звездой, какую гадость они пили, и как им было плохо на похмелье и т.п., с кем и сколько раз официально венчались и сколько десятков было у них гражданских мужей и не мужей даже, а просто так. Нас, обычных людей, это, конечно, очень сильно интересует, и мы уже, собственно, привыкли, что нас просто нет, давно нет, уже лет двадцать пять. И нет на Земле вовсе тех, кто сеет и пашет, шьет, печет, варит, стирает, убирает, льет сталь и добывает уголь, возит по земле, морям и воздуху. Только сообщают, сколько там сгорело, утопилось, в шахте задохнулось, да в авариях разбилось. Не было бы происшествий и катаклизмов, вообще о трудящейся массе не вспоминали, как будто и не их трудом вся эта роскошь оплачена.

Листая альбом жизни, я не мог оставить незамеченным целую прослойку бывших великих тружеников-организаторов сельской жизни, жизни — основы нашего великого государства. Запомните, потомки, раньше в России не было экспортного газа, нефти и других рыночных нынешних компонентов. Основой благосостояния и процветания, источником для появления в России огромной массы культурно-исторических и художественных ценностей было село, а в нем сельхозпроизводство. Село же было и есть основным источником кадров для развития городов. Если вникнуть в демографическую структуру любого российского города, то окажется, что минимум половина ныне живущих в нем — недавнее сельчане. Но они уже отмежевались от своего прошлого или прошлого их родителей и выдают себя за истинных горожан, оттесняя на второй план коренных жителей того или иного города, включая столицы.

Плохо, когда забывают свои корни, но еще хуже то, что забывают еще и о том, что корни те способны давать новые побеги и возрождаться. Жизнь неоднократно это доказывала.

Давайте вместе посмотрим жизненную фотографию одного простого внешне, но далеко не ординарного человека, с которым мне посчастливилось работать вместе, в одном районе и в одной отрасли. Речь пойдет о Нафталиеве Натане Яковлевиче (Якуб-Оглы). Долгие годы он возглавлял колхоз им. Мичурина в селе Ближний Хутор нашего родного Слободзейского района. Здесь давайте поставим сразу такую своеобразную выставочную опору, чтобы вокруг как бы нее и вести все повествование. Видели, как показывают стриптизные танцы?. Есть никелированная такая стойка-опора, вокруг нее и крутятся танцоры. Так и мы сделаем, что мы хуже что ли!

Так вот, очень много лет подряд колхоз им. Мичурина, о других мы уже рассказывали, занимал свое достойное место на Всесоюзной Доске почета, которая была установлена на ВДНХ или Выставке достижений народного хозяйства СССР, ныне ВВЦ. Из 50 тысяч колхозов и совхозов Союза удостаиваться такой чести, да еще из года в год, это говорит о многом. Колхоз им. Мичурина не числился у нас в районе самым крупным сельхозпредприятием, но по интенсивности и качеству производства в семидесятые-восьмидесятые годы ему не было равных не только в Молдавии. Если взять производство сельхозпродукции за год в среднем, то цифры будут более чем впечатляющие: овощи — 25000 тонн, фрукты — 4000 т, картофель — 2000 т, зерно — 10000 т, семян подсолнечника — 1000 т, молока — 5000 т, мяса — 1000 тонн. Это только усредненные цифры. Урожайность пшеницы- 60 ц/га, кукурузы на зерно-100-120 ц/га, овощей — 600 ц, надой на фуражную корову- более 5000 литров. С такими показателями не стыдно было выходить на любой уровень любому, даже самому передовому из хозяйств бывшего Союза. А колхоз в Ближнем Хуторе как раз таким и являлся. Это, так сказать, преамбула к разговору о личности председателя Нафталиева НЯ.

Его никогда не называли по отчеству "Якуб-Оглы". Здесь можно вставить небольшую ремарку: Нафталиев пришел в колхоз еще молодым парнем. Высокий симпатичный кавказец, он привлекал внимание и как специалист, и как мужчина. В колхозе Мичурина есть такой интересный черезполосной участок на южной окраине Тирасполя. Так сложилось много лет назад, что у колхоза, территория которого расположена к северу от города, одна бригада оставалась как бы оторванной к югу от города, и чтобы попасть на работу, членам той бригады ежедневно и в настоящее время тоже — приходилось ездить через весь город.

Так вот, некоторое время бригадиром той отдельной бригады был Нафталиев. Бригада была в основном женская, женщины-украинки всех возрастов, в селе Ближний Хутор большинство жителей — украинцы, переехавшие в разные годы

в Приднестровье из соседних районов Одесской области Украины. Их привлекала не только работа и зарплата, но и гораздо более приемлемые социальные условия, да и близость города. Село Ближний Хутор вплотную примыкало к городу.

Именно во времена бригадирства Нафталиева ,женщины бригады, положившие глаз на бригадира, чтобы вызвать и у него взаимный интерес, как-то летом ,написали на отлогом песчаном берегу Днестра, рядом с паромом, такую откровенную надпись, буквами в рост человека и шириной сантиметров в двадцать: "Натан Якуб-Оглы, на яку б из нас вы сьогодни ляглы?!" Это по-украински, но проезжающие мимо пассажиры теплоходов, независимо от национальности, понимали суть без перевода.

Потом Натан стал председателем колхоза, и уже в этот период, мы с ним познакомились и долгое время вместе в районе работали. Именно при нем колхоз им. Мичурина в те годы, которые некоторые нынешние "умники" называют временами "застоя", добился наивысших высот по всем направлениям деятельности, включая развитие социальной структуры села. Попасть на работу в это хозяйство было очень непросто, так как на председателя с таким авторитетом никто "давить" не мог. Он был действительным хозяином села, как руководитель селообразующего колхоза. Главной заслугой Нафталиева была выстроенная им простая, но очень действенная организационная система. Именно организация всего-всего была его главным козырем, а уже из нее вытекала экономика Она, экономика, была в колхозе суперэффективной, но все же была производной именно от организации, в первую очередь труда и производства.

Колхозники села, получавшие самые высокие доплаты и премии не только в районе, но и во всей МССР, вовсе не были альтруистами и кристально чистыми коммунистами, работавшими за идею. Нет, они очень любили деньги. Но и в других селах деньги любили не меньше. Весь вопрос был в том, где, как и кто их (деньги) зарабатывал.

В Ближнем Хуторе, система Нафталиева была построена следующим образом: стратегическая задача ставилась, как необходимость подняться, достичь такой-то, четко обозначенной высоты-вершины, только после достижения и «переваливания» через которую начинаются все социальные блага — доплаты, премии, ордена, машины и т.п. Он выработал и убедил колхозников принять эту систему, не такую уж простую, но жестко держался этой всем выгодной, как показала жизнь, линии.

Другие хозяйства и их руководители тоже ставили перед собой вершины, но они с самого начала уже сами не верили в то, что те вершины смогут достичь. Неуверенность передавалась людям, и те уже изначально не стремились к вершине, образно говоря, начинали "поедать" тело той горы, на которую им надо было подняться, из-за чего вся конструкция падала на их же головы.

Изначальное неверие в свои возможности расхолаживало коллективы, опуская их все глубже и глубже на дно сельхозпроизводства.

Здесь была очень высока роль личности, которая выбирала пусть и высокую, пусть трудную, но достижимую высоту. Не абстрактную, а вполне расчетную и такую заветную и приятную. Можно этому не верить, но еще задолго до начала полевых работ Нафталиев мог объявить на заседании правления колхоза, никого не стесняясь, следующее: "Ти, Топор, (фамилию бригадира, я так, наугад — В.Г.) или там, ти Шашолина (заведующая молочной фермой), в этом году машина получишь!" — и все знали, что да, именно этот бригадир или там заведующая, машину получит в этом году точно. И бесплатно, по линии ВДНХ. В этом колхозе за мои годы работы многие руководители бригад получали такие машины. Обычно это были наши "Москвичи".

Ордена-медали, всякие почетные звания для колхозников были обычным делом и в большом количестве. Но. Для этого надо было работать, очень много работать, помните, выше было сказано о "вершине", так вот, ее надо было достигнуть. И если кому-то публично говорили о машине, как о подарке, то это не значит, что из одной бригады перетаскивали продукцию в ту бригаду, руководителю которой пообещали машину. Продукция была у всех, поэтому возможный протекционизм руководства колхоза мог заключаться лишь в улучшенном или ускоренном обеспечении тарой, техникой, дополнительной рабочей силой и все. Все остальное — забота самой, намеченной в лучшие по этому году - бригады.

Здесь был еще один очень интересный нюанс. Все остальные (кроме названного) бригадира понимали, что за год колхоз получит только одну машину, а не на каждую бригаду. Поэтому раз правление решило, что в этот год машину получит бригадир Топор, то пусть он и получает, а на следующий год другой из нас получит и т.д. Но для этого уже в этом (чужом) году надо так поработать, чтобы стать в очередь на поощрение в будущем году. Вроде бы, все просто? Просто это со стороны, а выдать на-гора 25000 т овощей — это сверхнепросто. А люди выдавали, и не за идею, а за деньги, машины и ордена. Ну и честь им и слава Система Нафталиева шла в увязке с организацией и экономикой, но и передовой интенсивной технологией, внедрением всего самого передового, что можно было быстро и недорого внедрить в производство.

Нафталиев четко работал с нами, ведущими районными специалистами по вопросам планирования, внедрения и т.д. Высокие производственные показатели предполагали в принципе невысокие темпы прироста. Нельзя было губить такое хозяйство, требуя через планирование от него таких же темпов, как от других, тем более отстающих хозяйств. Если, к примеру, в колхозе Мичурина урожайность овощей составляла уже более 500 ц/га, а у кого-то 250 ц/га, то нельзя же от них требовать одинаково. Отсталое хозяйство резким ростом по

плану не поднимешь и не завалишь, а передовое можно разрушить за 2-3 года именно неразумной плановой политикой. Дело даже не в высоких плановых показателях, хотя от них "пляшут" все остальные, а в неверии людей.

Перестанут люди верить в себя, в то, что смогут достичь той "вершины", и тоже начнут грызть все от фундамента. А Нафталиеву люди верили и шли за ним. В этом был феномен Нафталиева, как председателя. Но Натан был еще и человеком. Человеком, которому ничего человеческого, да и другое тоже, не чуждо.

Как представитель Кавказа, он был взрывной, вспыльчивый, горделивый, амбициозный и непредсказуемый именно в положительном смысле. Он мог поступить так неожиданно, что ставил часто в тупик окружающих, как коллег, так и представителей власти. Но так как его поступки всегда шли исключительно на пользу руководимого им хозяйства и, естественно, на пользу района, то ему прощались неординарность мышления и действий, которая не прощалась другим.

Он умел из всего извлекать выгоду для колхоза, и именно в его период было налажено практически безотходное производство. Если фермы других хозяйств утопали в навозе, то территория Ближнего Ху-тора ежегодно очищалась полностью, причем, проводя плановое обогащение органикой своих полей путем вывоза и заделывания в почву многих тысяч тонн навоза, Нафталиев отдавал тот же навоз соседним хозяйствам из Украины. Отдавал и ненужные для его колхоза остатки кормов, соломы, сена, сенажа, силоса, кормовых корнеплодов. Соседи-украинцы, как правило, в конце зимовки, не имея кормов, чтобы дотянуть до появления зеленой массы, шли к Нафталиеву. Он не отказывал, но приходящий за кормами соседский транспорт никогда не шел порожняком. Соседи, в обмен на корма и навоз, везли все, что у них было — стройматериалы, горючее, удобрения, ядохимикаты, да все, что угодно могли привезти в обмен на драгоценные для них корма в тяжелые периоды.

Нафталиев не тратил ни копейки — все затраты по обмену несли соседи, а самое главное — они были бесконечно благодарны ему за помощь. Это тоже такой резонансный социальный момент, который никакими деньгами не оценишь. Мало того, что соседи очищали колхоз Мичурина от ненужного и излишнего, которое в итоге может просто пропасть или потерять качество (тот же силос, например), мало того, что они привозили нужные вещи, они были еще и благодарны и создавали Нафталиеву ореол славы в своих кругах. И это было справедливо.

И во всем этом чувствовалась рука истинного хозяина. Не того кретина, который, нацелив на себя погоны руководителя, на второй день власти начинает искать, что прибрать поскорее себе в карман, и для которого то дело, что ему доверили, стоит на пятнадцатом месте, а истинно народного хозяина. Для него жизнь людей, подчиненных ему, что-то значила большое.

Если раньше, пока он был молодым, он обращал внимание на женщин, в первую очередь как на женщин, то с возрастом он обращал на них внимание как на женщин-работников. При мне однажды - стоим у края поля, где идет уборка кормовой свеклы. Нафталиев сердито говорит главному агроному: "Ты, Луцков, твою мать, так же всех женщин-овощеводов угробишь, ты пойдешь сам на уборку такой свеклы. Придумывайте что-нибудь с инженером, как помочь этим несчастным женщинам. Мало того, что они в своих овощеводческих бригадах с апреля по октябрь стоят раком, так вы из них уже в ноябре последние жилы вытягиваете. Пойди, попробуй с ними поработай, тогда узнаешь, что это такое — убирать такую свеклу". Здесь стоит прокомментировать эпизод.

Дело в том, что в колхозе Мичурина урожайность кормовой свеклы была запредельная, иногда превышая уровень в 2500 центнеров с гектара. Довелось мне бывать во всех основных сельхоззонах Союза, знакомиться с различной статистической информацией, но никогда я не видел и не слышал, чтобы кто-то получал даже половину такой урожайности кормовой свеклы, продукции, за которую, в общем-то, орденов и премий не давали. А колхоз Мичурина получал! Естественно, в этом прекрасном была и обратная сторона, простая, но очень проблемная — корнеплоды при этом достигали веса в диапазоне 10-20 кг. И если выкопать их было легко — трактор шел с таким специальным рыхлителем, выворачивая свекловины с видом четырехмесячного кабанчика, то как было их собрать и погрузить?! И вот идет по вскрытому полю трактор с прицепом, а с обеих сторон идут те несчастные женщины, берут руками каждую свекловину, а для этого надо поклониться ей до земли, потом поднять над головой, а борта у прицепа высокие, и как штангист на тренировке, толкнуть пудовый корнеплод в прицеп. И так тысячи поклонов-рывков-толчков в день. И если погода хорошая, то пару недель подряд. А ноябрь у нас не самый лучший месяц — холод, грязь, пасмурно, иногда мелкий дождик за шиворот. И не надо никаких диет для похудения и фитнес-центров. Нагнешься в одежде тысячу или более раз, погрузишь несколько тонн свеклы в день и ничего больше не захочешь — ни денег, ни мужа, ни орденов. А надо-такая сельская жизнь, вот за это и переживал Нафталиев.

Внешне Нафталиев был суров и непреклонен, а главное - никогда не уходил от выстроенной им системы. Был справедлив, но и жесток ко всяким проходимцам, особенно ворами. Водились эти "мелкопитающиеся" раньше и в Ближнем Хуторе. Едем с ним на машине вдоль оросительного канала, какой-то мужик выезжает с поля на велосипеде, к багажнику приторочен мешок с чем-то. Увидев "Волгу" председателя, плюхается вместе с велосипедом и мешком в канал. Нырять, а там глубина-то по пояс. Встает, мешок развязался, в нем был разноцветный сладкий перец. Перец легкий, всплыл во всю ширину канала, течение обволакивает перцем того "несуна". Нафталиев знает же каждого

жителя села, тем более колхозника, называет того по имени и кричит в окно автомобиля: "Ти, сволочь, хватай велосипед, быстро езжай к переезду, лови, как хочешь, перец и занесешь его в столовую на ферме, ти уже в «черном списке». "Черный список" велся его водителем в специальном, тоже черном, блокноте. Попавшие туда по разным причинам люди, переходили в разряд "прикасаемых", их в конце года лишали доплат, премий, других социальных льгот полностью или частично, в зависимости от серьезности проступка и возможной реабилитации. Попасть в такой список при Нафталиеве в то время, было для колхозников равноценно игре в русскую рулетку, где не один патрон, а все патроны и заряженные. И этого "списка" боялись все, не только воры и бездельники, но и руководители подразделений. Нафталиев и так все знал и помнил, но блокнот был как бы авторитетный "вещдок".

Я часто ездил с Нафталиевым по колхозным полям. Едем как-то, обгоняем опять же мужика, везет на велосипеде тюк соломы. Останавливаем: "Ти, сволочь, сейчас же езжай в контору, выпиши 5 тонн соломы", - Нафталиев. "Та вы шо, Натан Яковлевич!" — взмолился велосипедист. "А не хочешь! — и к водителю, громко, - запиши его в блокнот!" "Та вы шо, нэ нада в блокнот, та я 10 тонн соломы выпышу", - бежит рядом с машиной соломовор. Да чепуха была та солома, ее в колхозе было полно, и стоила она полтора рубля за тонну. Но никто не имел права брать то, что принадлежит всем его коллегам-колхозникам

Нафталиев никогда не отказывал в помощи колхозникам ни в строительстве жилья, ни в учебе детей, ни в сотне других вопросов. Даром никому ничего не давал и не покупал за колхозный счет себе авторитет ни у колхозников, ни у коллег-руководителей, ни у представителей власти. Он свой авторитет зарабатывал всеми своими качествами руководителя, ярким природным умом и довольно веселым нравом.

Звонит однажды: "Приезжай, дэло есть!" Приехал, посидели, решили, что надо. Он вызывает главного бухгалтера и главного экономиста, хорошие были, толковые ребята, так он делал всегда, когда я приезжал в колхоз, и начинает, обращаясь ко мне: "Нет, ти посмотри на этих сволочей, моих помощников! Тот, - он показывает на главного бухгалтера, - бугай, никак не женится, уже полсела осеменил, и тот такой же, - кивает в сторону главного экономиста. — Ну никакого от них толку!" Потом помолчал и добавил: "Совести у вас нет. Приехал ваш районный начальник, сегодня суббота, обед уже прошел, а мы вчера двадцатую тысячу тонн овощей, наконец, добились, есть хороший повод. Неужели вы даже пару шампуров шашлыка сделать не можете, мяса полно в кладовой?". "Так уже готово, Натан Яковлевич", - сумел вставить экономист. "Что готово, мясо, шампуры?" — спрашивает Нафталиев. "Да нет, шашлык уже готов, в лесополосе у родника, за овцефермой", - добавляет главбух. "А записать что-нибудь взяли?" "Да взяли те пол-ящика, в селитре стоят". "Так какого вы

здесь сидите? Вызывайте машину, сейчас поедem!" — бросает Натан. Ребята тут же выскакивают из кабинета. Нафталиев рассказывает мне полукриминальную историю о том, что вчера вечером привезли из Тернополя машину водки, "Посольскую" в квадратной бутылке. Вечером завезли, один ящик раскупорили, бутылку выпили, по одной взяли домой. А ночью кладовую обокрали, кто-то навел, наверное. Взяли только водку. Всю. Остался начатый ящик, он в стороне стоял. Кладовщица сдуру вызвала милицию. Сделали инвентаризацию, все на месте, водка на приходе-то не была. Нашли пол-ящика, те, что остались. Стали спрашивать — откуда. У кладовщицы хватило ума сказать, что это, мол, Натан Яковлевич свою поставил, куда-то спешил на поле и, чтобы не разбились, снял бутылки из машины в кладовую. Милиция поверила, и вопрос сняли.

«Жалко, конечно, водку, мы ее на машину помидор обменяли в Тернополе. С этим городом мы дружим, студентов у них берем на уборку, очень добросовестные ребята. А водку я взял, хотел после уборки праздник бригадам устроить. Год-то хороший, надо людей поблагодарить, слишком много сил они отдали в это лето. Ну что, поедem, попробуем на вкус водку, что послы пьют?» — предложил Натан, и мы двинули к роднику.

Последний раз с Нафталиевым я встречался у него дома в Тирасполе. У меня как раз был день рождения, суббота, а нас вызвали в Кишинев на какое-то очередное совещание. Ну а потом он пригласил к себе домой. В Кишинев ездили втроем, он, я и Василий Николаевич Вакарчук, в то время председатель районного совета колхозов. Сидели, обедали, Нафталиев угощает нас своим любимым блюдом — тушеной зеленой фасолью и, смеясь, рассказывает, как встретил недавно своего "коллегу" по несчастью, бывшего директора крупного предприятия. У того директора в сердце искусственный клапан советского производства за 15 тыс. рублей, у Нафталиева тоже клапан в сердце, японский, за полторы тысячи долларов. Тот на пенсии по болезни, Нафталиев работает председателем колхоза. Пенсионер спрашивает: "Ну как, Натан, ты живешь?" "Так и живу, работаю, - отвечает Нафталиев, - но больше поллитры водки не пью!" "Да ты что, с ума сошел?" — Удивляется бывший директор. "Да вроде бы нет", - смеется Нафталиев.

Когда он нам это, смеясь, рассказывал за столом у себя дома, шла вторая половина августа восьмьдесят пятого года, а через месяц его не стало. Не только село Ближний Хутор, весь район с ним попрощался. Вот что такое Человек, какой бы он национальности ни был, кем бы ни работал, он всегда остается Человеком. После него и колхоз, и село постепенно захирели, отсутствие четкой организационной системы, начавшаяся идиотская антисельская, а значит и антинародная перестройка, довершили развал хозяйства. "Легче" стало женщинам, уже не растут на полях пудовые корнеплоды и уже так не краснеют, и не золотятся поля от сплошных плантаций помидоров и злаковых культур, и не получает больше никто премиальные машины, и нет работы

основной массе людей. Возвращаться им опять в родные места, в Украину тоже нельзя, там еще хуже, вот и пытаются люди как-то выжить в Ближнем Хуторе. А памятью Нафталиева пропитана хуторская земля, и будет она витать до тех пор, пока будет жить это село, его люди и их потомки. Вот вам и «Якуб-Оглы».

Глава тридцать пятая. НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ

Я знаю, что многие слободзейцы, и те, кто в данное время живет и работает в районе и те, кто временно отсутствуют по разным причинам, кроме приднестровского, имеют еще и российское гражданство. Этим никого не удивишь. Но надо понимать и чувствовать, что – раз ты имеешь гражданство России, то в силу этого- ты тоже представляешь частичку (ту самую Каплю, о которой я уже не раз говорил в этой книге) этой великой страны и должен знать, как и чем живет Россия, какие у нее беды и победы, и чем, в принципе, ты можешь ей помочь. Иначе- зачем ей нужен инертный(читай –чужой) гражданин?. По себе сужу:- и верю, и надеюсь, и переживаю, и жду, чувствую и стараюсь где-то помочь, из того, чем сам располагаю- знанием, умением, опытом.

Поэтому, не удивляйся, Читатель,я включил в эту книгу, материал десятилетней давности, нарочито, умышленно, чтобы потом можно было с чем-то сравнить, желательно хорошим, в лучшую сторону и по этой же теме. Дело в том, что отдельные вопросы, остались нерешенными до сих пор....Тем более, что есть немало людей в районе, из нашего советского прошлого, которые переживают за свою большую Родину, и не имея российского гражданства. Боль у них в сердце, а не вкармане....

«У советских собственная гордость», - сказал один из великих на-ших поэтов. В наше, довольно неопределенное время, эти два понятия слегка трансформировались, у одних осталась вдруг «собственность», у других только «гордость». В стороне как бы осталось понятие «советских» (читай — российских), по причине того, что те, кто обладает собственностью, уже не гордится ею как российской, а только как своей. Хотя в общем плане крылатое выражение В.В. Маяковского в сегодняшней интерпретации может и должно звучать, как «у российских собственная гордость». Должна быть у нас своя гордость и за семью, и за землю нашу, и за государство, и за все, чем можно и нужно гордиться на своей земле. Гордость — особое чувство, присущее любому живому существу, но человеческая, особенная сознательная гордость — это особое возвышающее чувство, вектор ускорения которого — только вперед и ввысь. Нельзя мало или чуть больше чем-то гордиться. Здесь два критерия — или гордимся или нет, не любим или стесняемся.

Эволюция человеческой гордости прошла длинный путь — от гордости за самое себя до гордости за свое государство. Наверняка первый гомо сапиенс, освободившийся от шерсти на своем теле, сразу возгордился этим и гордо демонстрировал соплеменникам, особенно женского пола, свое тело, ну, похоже точно, как сегодня некоторые эстрадные звезды, предки которых наверняка

позже всех слезли с дерева, горделиво демонстрируют свои сплошь обросшие тела, приводя в экстаз очумевшую молодежь.

Гордость кроме всего и объединяет людей, ведь, может быть, многие гордятся одним и тем же, командой, например, городом или единым на всех государством.

Если чувства личной гордости были уделом индивидуумов, то чувства коллективной, тем более национальной гордости, всегда поощрялись и даже стимулировались. Это было правильно и звало вперед к дальнейшему развитию.

Быль, которую мы вспомним сегодня, посвящена именно теме разноуровневой гордости в нашей стране в совсем недалекие времена. Чтобы любая гордость была понятна и осязаема, она должна быть предметна. Ее желательно или увидеть, или услышать, или даже потрогать руками. С этой целью начали создавать различные музеи и выставки. При этом в музеях, как правило, гордость передавалась через показ прошлых достижений, а на выставках шел показ современных достижений и перспектив на будущее. В России (досоветской) выставки в основном были художественные, хотя были выставки и другого, технического, как правило, локального частного плана, без примеси политики. В советские времена разноплановые выставки в большей мере преследовали политико-идеологические цели, но в то же время это форма гордости, своеобразной деловой рекламы и пропаганды, в то время довольно широко применялась.

На государственном уровне широкая выставочная кампания началась с организации в Москве в 1939 году Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Конечно, это был больше политический шаг, желание показать миру и себе успехи коллективизации, но организация такой выставки имела и огромное воспитательно-экономическое значение. Лучшие сельхозпроизводители выставляли напоказ свои достижения, их можно было увидеть, пообщаться с передовиками, обменяться опытом. Сельские труженики, приезжая на выставку и в качестве участников, и в качестве экскурсантов, действительно заряжались и знаниями, и желанием тоже достигнуть большего и просто пообщаться и увидеть столицу. Задумка с выставкой получилась, и долгие годы это замечательное место играло свою комплексную роль. Классическим определением роли сельхозвыставки можно считать еще довоенную притчу о том, как на ВСХВ приехала откуда-то зебра. Ну, водят ее, как иностранку, по павильонам, в первую очередь по животноводческой зоне. Она ходит, восхищается — ах, какие у вас жеребцы, ах, какие бараны и свиньи! Заходит в павильон «Скотоводство», а там прямо при входе бык-производитель стоит в стойле, из какого-то армянского колхоза привезли, неказистый внешне, с огромными рогами. Зебра посмотрела на него так брезгливо и говорит сопровождающему ее гиду: «А это чучело, зачем вы сюда поставили?».

У быка глаза налились кровью, он несколько раз прогреб правым копытом по настилу, направил свои рога в сторону зебры и многообещающе пророкотал: «Слушай, ти... А ну снимай своя пижама, тогда узнаешь, зачем я здесь стою!» В переводе на сельхозязык это означало, что на выставку никого и ничего зря не выставляют.

В войну на ВСХВ стояли зенитные батареи, и лишь в 1954 году выставка открылась вновь. В 1955 году была образована Всесоюзная промышленная выставка, а в 1958 году их объединили в единый комплекс под названием Выставка достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ). А в 1992 году уже Указом Президента России все это было преобразовано в ВВЦ (Всероссийский Выставочный центр). С того момента этот прекрасный комплекс можно с большой долей правды назвать КДНХ, т.е. кладбищем достижений народного хозяйства. Потеряно не просто бывшее организующее начало, уничтожен сам показной стержень, сам всеобщий выставочный дух. И того армянского быка и его потомков давно съели и забыли. Раньше каждая республика СССР имела на выставке свой павильон, где выставлялось все, что было наилучшим на тот период. Отраслевые павильоны и павильоны общесоюзного значения (культура, образование и т.п.) охватывали весь спектр жизни страны. Учили, внедряли, помогали и т.д.

На выставке была и главная Доска Почета СССР, куда заносились лучшие из лучших по всем направлениям. С гордостью могу заявить, что мой родной Слободзейский район и обычно пара колхозов нашего района, долгие годы были «прописаны» на той союзной почетной «доске». Здесь уместно сделать небольшую справку. В 1959-60 годах, мне довелось служить в Москве. Могу, гордостью сказать – мне дважды удалось показать своим курсантам (я был командиром учебной смены в военной специальной школе) Всесоюзную Доску Почета, где были два хозяйства нашего района из Чобруч и Паркан. Нас каждый выходной куда-то водили, на выставки, в цирк, театры и т.д.. Первый раз я уговорил своего командира взвода - и он добился разрешения, чтобы я сводил свою смену (35 человек) на ВДНХ, где я привел курсантов к той Доске и похвалился, что наши колхозы там присутствуют, через месяц, по просьбе курсантов, уже весь наш взвод (70 человек), посетил выставку и снова я показывал то, что наш район представлен даже двумя хозяйствами. Уже лет через 10-15 – там был постоянно прописан наш район и пару хозяйств, но уже других из Ближнего хутора, Суклеи и др.. Я всегда, и когда учился, и когда был в Москве проездом или в командировке, обязательно посещал ВДНХ и радовался за земляков. На той Доске только краску меняли ежегодно, а хозяйства наши лет 40 подряд на ней присутствовали.

Повторяю, зря туда никого не заносили, да и сама Доска была не таких уж больших размеров. Сегодня слова «достижения» на той 250-гектарной территории заменено на «шопинг». В большинстве облезших опустевших павильонов устроены какие угодно торговые точки. Символично, что бывший огромный павильон «Космос» сегодня забит десятками бутиков цветочного направления, а перед входом в этот павильон стоят ржавые облезлые «сироты» - космический ко-рабль «Восток», первым когда-то вышедший с человеком в космос, и самолет ЯК-42. Рядом стоял наш реактивный первенец «ТУ-104», так совсем недавно его действительно порвали на части железными зубами спецтехники. В бывших животноводческих выставочных помещениях гуляет ветер и крысы, лишь бывший павильон «Коневодство» используется как гараж или стойло для милицейских лошадей. Ситуация, похожая на общероссийскую — сперва довести объект до полного уничтожения, потом легко обосновать его ничтожность, потом (в центре Москвы) выкупить за бесценок для «своих» людей. Возможно и так, хотя выставка нужна и будет востребована и странами СНГ и российскими регионами и отраслевыми структурами. Выставка это не реклама. Во-первых, рекламируют, как правило, маловостребованный товар, реклама — действие краткое и разовое, выставка — это многократно большее и на сегодня и на перспективу. Ну, а наша задача — вернуться и показать в выставочном фокусе прежнюю нашу жизнь. После войны 1941-1945 гг., лет через пять стали и модными и обязательными сельхозвыставки на местах, в районах, областях, республиках.

У нас, в Слободзее, на молдавской части, между нынешним рынком и бывшим зданием райисполкома, была устроена выставочная площадка. Большим таким деревянным полукругом лицевой стороной на север был устроен цельный павильон с равными отсеками, где осенью несколько недель подряд проходила районная сельхозвыставка. Три летних месяца в этих же павильонах размещался большой районный пионерский лагерь, где отдыхали дети из сел района. Выставка начиналась после уборки, где-то сентябрь-октябрь месяцы. Различные овощи, фрукты, виноград, консервы, вино, снопы зерновых и кукурузы и т.п. выставлялись с гордостью на обозрение, а в конце реализовывались. Мы, сельские пацаны всегда ждали этого момента, закрытия выставки.

Нереализованную продукцию привозили обратно в колхозный склад и частично выбрасывали. Вынесут, к примеру, за склад такие огромные переспевшие уже арбузы, кто их там купит, такие, выкатят и оставят, а пацаны тут как тут.

Огромные арбузы по 15-20 килограммов весом, мы их напололам перепилим ножом, получают две такие огромные ярко-красные чаши с зелено-полосатым дном, затем садимся вокруг и своими ладошками, как черпачками, выгребаем чудесную по вкусу мякоть вместе с соком.

Ярмарки-выставки всегда были событием в селах, они венчали сельскохозяйственный год и надолго оставляли в душах и сердцах людей

добрый, благодарный осадок и обязательно гордость за район, свою бригаду, колхоз и конечно себя и своих товарищей. Я, когда уже вырос, дважды удостоивался чести быть участником вначале- ВСХВ, в 1957 году, как лучший молодой тракторист области, а в 1967 году, уже ВДНХ, как лучший сельский экономист той же области.

Из серии выставочных курьезов могу вспомнить кое-что из мелочей. Напротив нынешней гостиницы «Космос», которой раньше не было, вдоль пешеходной дорожки, идущей от выставочных гостиниц до самой выставки, раньше стояло множество киосков, лотков и т.п. Типично русская картина тех лет. Идешь утром на выставку — стоит мужик, торгует апельсинами, по 1.40 или по 2 рубля. Перед ним пара бумажных ящиков, в одном апельсина, в другом — деньги. Зима, на нем телогрейка, поверх нее белая куртка. Через пару часов идешь обратно — ящики так же и стоят, а продавец лежит на спине в снегу, валенками до половины тротуара, в «стельку» пьяный. Какой-то прохожий, может его собутыльник, становится у ящиков и начинает торговать вместо лежащего, ну, чтобы процесс не прерывался.

Уже позже в начале семидесятых, когда учился в институте, часто жил в гостиницах «Золотой колос», «Ярославская», «Алтай» и т.п.

Утром пораньше, до занятий, заходим на выставку что-нибудь перекусить. Снова картина для показа наших «достижений». Чисто наше российское. Стоим, кушаем свежие пирожки с чаем, а рядом Петя (истинное имя) большим драчевым веником очищает свой «мангал», корыто такое из толстого металла, для жарки шашлыка. Его голуби за ночь здорово обсидели, вот он веником и очищает.

Потом приносит шампуры, ящик с заготовками под шашлык или люля-кебаб и ящик с водкой-перцовкой. Шашлык готовили редко, его долго жарить, а люля-кебаб нанизал на шампур, нагрел и все - готово. У Пети нестиранная долгие времена некогда белая куртка, колпак на голове, из-под которого прямо вниз торчат длинные желтые волосы, а молодое лиловое лицо выражает определенную гордость по крайней мере за занимаемое им место в центре всесоюзной выставки. Он нанизывает «люля» на несколько шампуров как бы в запас, быстро разжигает мангал, прогорают дрова, затлевают древесный уголь, Петя укладывает шампуры поперек мангала, наливает себе перцовки граммов сто пятьдесят, зима все-таки, пьет, закусывает первым уложенным «кебабом» и все, процесс пошел. Приятный запах жизни сразу потянулся по территории выставки, и без всякой рекламы к Пете потянулись люди. Первым подошел дежуривший неподалеку, милиционер. Петя наливает ему стандартных «сто пятьдесят» перцовки, сует в руки шампур. Страж порядка отворачивается, пьет и отходит в сторону жевать «люля-кебаб». Подходят другие люди, пошла торговля. У Пети руки здорового африканца — верх, закопченный до черноты, ладони — ослепительно розовые. Он мало того, что руками нанизывает

заготовки на шампуры, он еще проверяет продукцию на предмет готовности, т.е. прощупывает люля-кебаб в процессе жарки и при выдаче покупателю. У него выработалось профессиональное осязательное чувство проверки, и он, прощупав, сразу определяет продукт, готов он или нет к употреблению.

При мне был такой небольшой казус, какая-то группа, по акценту, видимо, откуда-то из Прибалтики, заказала несколько шампуров с тем люля-кебабом. Только заказывающая их женщина попросила, чтобы Петя их не прощупывал руками. Заплатила деньги. Ну, Петя-то профессионал, он, подавая готовые шампуры, машинально все-таки прошелся по ним проверочными ощупами. Женщина, уже протянувшая руку за шампурами, и увидев жест Пети, быстро руку отдернула, и люля-кебаб упал под корыто. Но это были просто наши национальные издержки. Ну, не научили нас, да и мы себя, красиво жить и работать, некому было учить, а теперь уже и некого. Теперь на выставке таких «шашлычных» нет, да, собственно, и вообще ничего нет, а сама территория превратилась из гордости в позор государства.

Думаю, вполне уместно упомянуть и о другом, на мой взгляд, недостойном нашем действе, не менее заметном, чем выставка, даже всероссийская. В самом сердце Москвы, рядом с Кремлем расположен главный магазин страны под названием ГУМ (Государственный универсальный магазин). Я не буду вспоминать прошлые времена, когда этот магазин был буквально забит людьми, которые всегда знали, что в нем можно купить (достать) то, чего не было больше нигде. И в те времена «блатные» люди знали заранее, что, когда и где будут давать какой-либо дефицит и умело этой информацией пользовались. ГУМ в прежние годы тоже был ежедневной выставкой-ярмаркой, и любой уважающий себя гость Москвы, свой гражданин или иностранец, всегда не представляли себе поездки в Москву без посещения ГУМа.

Не знаю, как у кого, но у меня сегодня язык не поворачивается назвать это здание ГУМ. Этот магазин из национальной гордости превратили в национальный позор. Наверняка кому-то выгодно сдавать в аренду торговые площади в сердце столицы, то есть сдавать центр города без боя, но за деньги. Сегодня в том ГУМе ничего российского нет, кроме разве что немного икры на весь этот огромный комплекс. Первая буква в названии магазина явно не уместна. Его можно называть «ЧУМ» (чужой) или «ПУМ» (посторонний или потерянный) и т.п., но только не ГУМ. Этот великолепный комплекс, где аббревиатура ГУМ выбита на фасадах изначально давно, должен быть действительно государственными, даже не по принадлежности, а по структуре товаров только российского производства, даже если и иностранного, то на территории России. У нашего государства есть что показать, и есть чем гордиться.

Золото и бриллианты, пушнина и меховые изделия, икра, различные морепродукты, сувениры и изделия народных умельцев, даже продукция машиностроения, швейные изделия из традиционных тканей и мехов, да мало ли чего есть на нашей земле! ГУМ должен быть воз-вращен России и как можно скорее, хватит позориться на весь мир чужими товарами в главном магазине. А иностранным фирмам найдется место и вне Красной площади. Имидж Москвы, России, тем бо-лее ГУМа, от этого только повысится, по-другому просто нельзя. Национальная гордость не продается.

Все, что связано с нашей Красной площадью, должно быть для каждого россиянина священным по сути. Уже сама эта площадь у настоящих россиян вызывает чувство глубокого уважения и гордости ко всему, что видела ее гранитная брусчатка, что видели окружающие ее стены и то, что на ней находится. Когда слышишь высказывания отдельных «специалистов», очень ученых и быстро испеченных внуков-политиков, диву иногда даешься — откуда они появились, из чего выросли. Эта «мудрость» чего только не предлагает — то «лобное место» им на площади мешают, то Мавзолей, то могилы видных государственных деятелей. Они, такие «инициаторы», не задумываются о том, что, может, это они всем мешают, и может, не надо убирать много веков стоявшее «лобное место», а их на него вывести?..

Девяносто лет стоит Мавзолей В.И. Ленина. За эти годы миллионы людей посетили это место и не по принуждению, а по зову разума, души и сердца. Спросите у них, они вам скажут — убирать Мавзолей или нет. Не мы его ставили и не нам его убирать, потому что Ленин тоже великая гордость России. Мавзолей не могила, это священное хранилище символа государственного гения, равного которому по общеисторической ценности в мире просто нет, не считая великих религиозных пророков. Это признал весь мир, а мы, да не мы, а те, кто защищал свои степени на какой-нибудь одной Ленинской главе, пытаются измазать все его учения и все его действия. Эти жалобные стоны, что, мол, надо предать тело земле и успокоить — чушь малолетняя. Наверняка, многие из тех, что высказывались за вынос тела Ленина и сравнение Мавзолея с землей, были бы согласны лечь туда на место вождя сами, живыми, если бы, конечно, были этого достойны. Поливая грязью нашу историю, нашу гордость и честь науки, такие люди недостойны называть себя россиянами. Им все равно где жить, кем быть, лишь бы им хорошо было, а если можно заработать даже на гордости и чести России, они не остановятся ни перед чем. Не надо трогать то, что не тобой сделано, и не пытайтесь плевать в лицо истории России. Это наше государство, и что бы с ним не случилось в прошлом — это наше с вами прошлое, наша с вами гордость или наш позор. Историю не надо пытаться поворачивать вспять, иначе она может свернуть тебя самого. И для разрядки. На месте нынешних, очень богатых и продвинутых людей, вместо никчемного лепетания о выносе и захоронения В.И. Ленина где-то в

землю, я бы поставил или рядом с Мавзолеем или в центре Красной площади статую В.И. Ленина, высотой, превышающей Спасскую башню Кремля, чтобы виднее было, только за то, что если бы не было В.И. Ленина, его учения и практических действий, то не появились бы сегодня - ни скороспелые олигархи, ни новые Обломовы, ни виллы, ни яхты и ничего подобного. Ничего бы этого не было просто потому, что и быть не могло. Даже за одно это, им можно было бы скинуться по миллиарду, да встать на защиту вождя - благодетеля и поставить очередное чудо света, в виде памятника ему, вождю, который о себе думал гораздо меньше, чем те, кто его сегодня ревизует и пытается убрать с Красной площади.

Повторяю, национальная гордость — бесценное достояние всех, и не надо трогать ее чьими-то конъюнктурными руками, в угоду кому-то или даже себе «великому».

И я ее понимаю так, как понимаю, это мое мнение.